

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИЙ РАН

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

6 (18) 2011

Журнал выходит по решению руководителей экономических институтов РАН:

Северо-Западного федерального округа

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения РАН (Республика Коми)

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Республика Карелия)

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
(Мурманская область)

Институт социально-экономического развития территорий РАН (Вологодская область)
**руководства Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического
университета**

других регионов РФ

Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН
(Республика Башкортостан)

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года №6/6 журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Редакционный совет:

- академик РАН **В.Л. Макаров** (Москва, Россия)
академик РАН **В.В. Ивантер** (Москва, Россия)
академик НАН Беларуси **П.А. Витязь** (Минск, Беларусь)
академик НАН Беларуси **П.Г. Никитенко** (Минск, Беларусь)
член-корреспондент РАН **В.Н. Лаженцев** (Сыктывкар, Россия)
проф. **Ж. Сапир** (Париж, Франция)
д.э.н., проф. **С.Д. Валентей** (Москва, Россия)
д.э.н., проф. **Д.А. Гайнанов** (Уфа, Россия)
д.э.н., проф. **О.В. Гончарук** (Санкт-Петербург, Россия)
д.э.н., проф. **В.А. Ильин** (Вологда, Россия)
проф. **М. Кивинен** (Хельсинки, Финляндия)
д.с.н., проф. **И.В. Котляров** (Минск, Беларусь)
д.э.н., проф. **С.В. Кузнецов** (г. Санкт-Петербург, Россия)
д.э.н., проф. **Ф.Д. Ларичкин** (Апатиты, Россия)
д.т.н., проф. **А.В. Путилов** (Москва, Россия)
д.т.н. **Ю.Я. Чукреев** (Сыктывкар, Россия)
д.т.н., проф. **А.И. Шишкин** (Петрозаводск, Россия)
доктор, проф. **Чжан Шухуа** (Пекин, Китай)
проф. **У Эньюань** (Пекин, Китай)

Главный редактор – В.А. Ильин

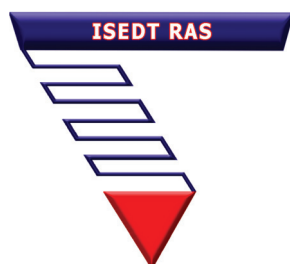
Редакционная коллегия:

- д.э.н., проф. Л.А. Аносова
д.э.н., проф. А.Г. Воробьёв, д.э.н., проф. Е.С. Губанова
к.и.н. К. А. Гулин (зам. главного редактора)
к.э.н. К.А. Задумкин, к.э.н. Г.В. Леонидова
к.э.н. М.Ф. Сычёв (зам. главного редактора)
к.э.н. С.В. Терехова, д.э.н. Т.В. Ускова, к.э.н. А.А. Шабунова

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES OF RAS

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

6 (18) 2011

The journal is published according to the decision of RAS economic institutions' administration in the North-West federal district

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North
Komi scientific centre of the Ural RAS department (Komi Republic)

Institute of Economics of Karelian scientific centre of RAS (Karelia Republic)

G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola scientific centre of RAS (the Murmansk region)

Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (the Vologda region)

and according to the decision of St. Petersburg State University of Engineering and Economics administration

and other RF regions

Institute of Social and Economic Research of Ufa Science Centre of RAS (Bashkortostan Republic)

The decision of Presidium of the Higher Attestation Commission of the Russian MES (№6/6, dated 19.02.2010) the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

Editorial council:

- RAS academician **V.L. Makarov** (Moscow, Russia)
RAS academician **V.V. Ivanter** (Moscow, Russia)
Belarus NAS academician **P.A. Vityaz** (Minsk, Belarus)
Belarus NAS academician **P.G. Nikitenko** (Minsk, Belarus)
RAS corresponding member **V.N. Lazhentsev** (Syktyvkar, Russia)
Professor **J. Sapir** (Paris, France)
Doctor of Economics, professor **S.D. Valentey** (Moscow, Russia)
Doctor of Economics, professor **D.A. Gaynanov** (Ufa, Russia)
Doctor of Economics, professor **O.V. Goncharuk** (St. Petersburg, Russia)
Doctor of Economics, professor **V.A. Ilyin** (Vologda, Russia)
Professor **M. Kivinen** (Helsinki, Finland)
Doctor of Sociology, professor **I.V. Kotlyarov** (Minsk, Belarus)
Doctor of Economics, professor **S.V. Kuznetsov** (St. Petersburg, Russia)
Doctor of Economics, professor **F.D. Larichkin** (Apatity, Russia)
Doctor of Technics, professor **A.V. Putilov** (Moscow, Russia)
Doctor of Technical Sciences **Yu. Ya. Chukreev** (Syktyvkar, Russia)
Doctor of Technics, professor **A.I. Shishkin** (Petrozavodsk, Russia)
Doctor, professor **Zhang Shuhua** (Beijing, China)
Professor **Wu Enyuan** (Beijing, China)

Chief editor – V.A. Ilyin

Editorial board:

- Doctor of Economics, professor L.A. Anosova
Doctor of Economics, professor A.G. Vorobyov
Doctor of Economics, professor E.S. Gubanova
Ph.D. in History K.A. Gulin (deputy chief editor)
Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin
Ph.D. in Economics G.V. Leonidova
Ph.D. in Economics M.F. Sychev (deputy chief editor)
Ph.D. in Economics S.V. Terebova
Doctor of Economics T.V. Uskova, Ph.D. in Economics A.A. Shabunova

Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Ильин В.А.</i>	9
-------------------------	---

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

<i>Татаркин А.И., Лаврикова Ю.Г.</i> Программно-проектная модернизация федеративного устройства России	17
<i>Баранов С.В.</i> Этапы регулирования регионального развития в России	34
<i>Липина С.А.</i> Пути и методы экономической интеграции регионов Северного Кавказа	46

ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Лаженцев В.Н.</i> Оценка уровней социально-экономического развития регионов (на примере Республики Коми, Архангельской и Вологодской областей)	54
<i>Котомин А.Б.</i> Пути и проблемы энергоэффективного развития экономики ЖКХ северных регионов России на базе инновационных технологий	66

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Дмитриева Т.Е., Бурьян М.С.</i> Пространственное развитие социального сервиса северного региона	77
<i>Дуганов М.Д., Калашиников К.Н.</i> Методологические подходы к оценке эффективности регионального здравоохранения	93
<i>Таслунов А.Н., Барабанов А.С.</i> Анализ тарифного регулирования в сфере жилищно-коммунального хозяйства (на примере г. Вологды)	106
<i>Морев М.В., Любов Е.Б.</i> Социально-экономический ущерб вследствие смертности населения от самоубийств	119

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ИНФОРМАТИКА

<i>Пономаренко Т.В., Ларичкин Ф.Д.</i> Модель стратегического управления конкурентоспособностью интегрированной компании	131
--	-----

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

<i>Скуфьина Т.П.</i> Размышление о проблемах социального развития, инновациях и преподавании экономических дисциплин	140
--	-----

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>Шамина М.С.</i> Разработка методики формирования антикризисной стратегии управления оптовой торговой организацией	149
--	-----

В МИРЕ КНИГ И ЖУРНАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

<i>Дементьева И.Н.</i> Актуальная работа о коррупции в России	158
Summary	163
Сведения об авторах	167
Список статей, опубликованных в 2011 году	171
Требования к оформлению статей	174
Информация о подписке	179

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

<i>Ильин В.А.</i>	9
-------------------------	---

DEVELOPMENT STRATEGY

<i>Tatarkin A.I., Lavrikova Yu.G.</i> Programmed project modernization of the federative structure in Russia	17
<i>Baranov S.V.</i> Stages of control of regional development in Russia Stages of control of regional development in Russia	34
<i>Lipina S.A.</i> Ways and methods of economic integration of the North Caucasian regions...	46

BRANCH-WISE AND REGIONAL ECONOMY

<i>Lazhentsev V.N.</i> Assessment of the regions' socio-economic development levels (in the case of the Komi Republic, the Arkhangelsk and Vologda oblasts)	54
<i>Kotomin A.B.</i> The ways and problems of power efficient development of housing and communal services economy of the Russian Northern regions on the basis of innovation techniques	66

SOCIAL DEVELOPMENT

<i>Dmitrieva T.E., Buryan M.S.</i> The space development of social service in North Region ...	77
<i>Duganov M.D., Kalashnikov K.N.</i> Methodological approaches to the estimation of the regional public health services efficiency	93
<i>Taslunov A.N., Barabanov A.S.</i> Analysis of tariff regulation in housing and utilities economy (in case of the city of Vologda)	106
<i>Morev M.V., Ljubov E.B.</i> Social and economic damage due to population's mortality from suicides	119

MODELING AND INFORMATICS

<i>Ponomarenko T.V., Larichkin F.D.</i> Model of strategic managing the competitiveness of the integrated company	131
--	-----

OF EDITORIAL MAIL

<i>Skufina T.P.</i> Reflection about problems of social development, innovations and teaching of economic disciplines	140
--	-----

YOUNG RESEARCHERS

<i>Shamina M.S.</i> Development of a methodology of forming anti-crisis management strategy for a wholesale trade organization	149
---	-----

IN THE WORLD OF BOOKS AND JOURNAL ARTICLES

<i>Dementieva I.N.</i> Current work on corruption in Russia	158
Summary	163
Promoution about authors	167
Index of articles published in 2011	171
Requirements to manuscripts	174
Information about subscription	179

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Владимир Александрович ИЛЬИН
доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор ИСЭРТ РАН
ilin@vscc.ac.ru

Очередной выпуск нашего журнала выходит сразу же после состоявшихся 4 декабря выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва. Таким образом, первый этап нового политического цикла в стране состоялся.

Каков принципиальный итог выборов? По опубликованным данным Центральной избирательной комиссии России, партия «Единая Россия» набрала 49,4% или 32,4 млн. голосов (в 2007 г. — 64,3% или 44,7 млн. голосов), потеряв в сравнении с выборами 2007 г. около 12,3 млн. своих избирателей¹. Предвыборные дебаты и результаты прошедшего голосования показали, что у значительной части населения имеются серьёзные претензии к проводимому последние 4 года законодательной и исполнительной властью крайне либеральному финансово-экономическому курсу. Резко возросли требования перехода от декларативной к реальной политике, обеспечивающей экономическую, социальную и политическую справедливость в интересах большей части населения, а не узкой группы олигархического капитала с обслуживающими их представителями законодательных, исполнительных и правоохранительных органов. На протяжении всего предыдущего политического цикла 2008 — 2011 гг. научное и экспертное сообщества² активно обсуждали необходимость своевременной серьёзной корректировки деятельности органов федеральной власти как в финансово-

¹ По данным сайта Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (<http://www.vybory.izbirkom.ru/>).

² См. например: Ильин В.А. Проблемы социально-экономического развития территорий России в посткризисный период // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2011. — 5(17). — С. 9-23; О стратегии развития экономики России / С.Ю. Глазьев, В.В. Ивантер, В.Л. Макаров, А.Д. Некипелов, А.И. Татаркин, Р.С. Гринберг, Г.Г. Фетисов, В.А. Цветков, С.А. Батчиков, М.В. Ершов, Д.А. Митяев, Ю.А. Петров // Экономическая наука современной России. — 2011. — № 3 (54). — С. 29; Минакир П.А. Пространственная неоднородность России и задачи региональной политики // Журнал новой экономической ассоциации. — 2011. — № 10. — С. 150-153; Кара-Мурза С.Г. Выработать приемлемую доктрину до 2020 года в рамках нынешней политической системы — сложная задача // Стратегия России 2020. Особое мнение. Материалы круглого стола. — М.: Научный эксперт, 2011.

экономической, социальной, культурно-нравственной, так и в политической сферах, — важность реальной борьбы с государственно-политической коррупцией и обеспечения равенства всей вертикали власти перед законом.

Потеря правящей партией («Единой Россией») более 77 депутатских мандатов (снижение с 315 до 238 парламентских мест) свидетельствует о том, что деятельность Госдумы пятого созыва не отражала интересов и ценностей значительной части российского общества. Многие принятые законы активно отторгались большинством населения³.

Конституционное большинство депутатов пятой Госдумы оказалось глухим к таким предложениям экспертов, оппозиционных парламентских партий и общественных организаций, как:

- установление социально оптимального уровня минимальной заработной платы и размера пенсий;
- выполнение нормативов бюджетных расходов (относительно ВВП) на науку, образование, сельское хозяйство, здравоохранение;
- введение государственной монополии на табак и водку;
- введение прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц, в том числе и доходов по дивидендам;

³ Так, Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» (от 08.05.2010 г. № 83-ФЗ), предусматривающий коммерциализацию практически всей бюджетной сферы, вызвал массу недовольства среди населения. По России прокатилась волна митингов (так, например, 15 мая 2010 г. в Международный день семьи более чем в двадцати городах России состоялись акции протеста против введения закона), а также были созданы группы противодействия: «Гражданская инициатива за бесплатное среднее образование», «Народ против реформы бюджетной сферы», «Всероссийский чрезвычайный родительский комитет» (источник: Реформа бюджетной сферы: сущность и социальные последствия: сборник. — Барнаул, 2010).

- отмена возврата экспортного НДС;
- установление налога на вывоз валюты за рубеж;
- ужесточение контроля со стороны Росфинмониторинга за оффшорными операциями;
- наделение налоговых органов полномочиями для получения всей информации о деятельности крупнейших налогоплательщиков и др.

По мнению экспертов⁴, всё это не дало возможности увеличить (до двух раз) доходы федерального бюджета. Как результат, к настоящему времени в России почти 85% регионов и более 90% муниципальных образований являются дотационными, причём уже более десяти лет⁵. Вместе с тем число долларовых миллиардеров⁶ в России за 2007 — 2011 гг. выросло с 87 до 101.

Дисбаланс в законотворческой деятельности Государственной Думы не мог не отразиться на работе представительных и исполнительных органов власти субъектов Федерации и муниципальных образований, а в конечном счёте — на социально-экономическом положении этих территорий.

Так, экономика Вологодской области, как и многих других регионов, серьёзно пострадала от мирового финансового кризиса 2008 г., что сразу же сказалось на ситуации в её социальной сфере. Соотношение между среднедушевыми денежными доходами населения и величиной прожиточного минимума в последние годы снижается как по РФ (с 4,1 до 3,2 раза), так и по Вологодской области (с 3,3 до 2,3), что свидетельствует о падении уровня жизни населения (*таблица*).

⁴ Выступление В.Л. Иноземцева на телеканале «Культура» в программе В. Третьякова «Что делать? Каковы политические императивы ближайшего года?» от 18.09.2011 г.

⁵ По данным сайта Казначейства России (<http://www.roskazna.ru/>).

⁶ По данным Forbes (<http://www.forbes.ru/>).

Основные показатели социального развития (в сопоставимой оценке)

Показатель	Территория	Январь – сентябрь				
		2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.*	2011 г. к 2008 г., %
Среднедушевые реальные денежные доходы в месяц, руб.	ВО	16136	13393	14612	14744	91,4
	РФ	19262	19262	20225	20185	104,8
	ВО/РФ, %	83,8	69,5	72,2	73,0	х
Соотношение среднедушевых реальных денежных доходов и величины прожиточного минимума, раз	ВО	3,3	2,5	2,5	2,3	х
	РФ	4,1	3,7	3,5	3,2	х

* Данные за январь-август.
Источники: Социально-экономическое положение Вологодской области в январе-сентябре 2011 года: доклад / Вологдастат. – Вологда, октябрь 2011. – С. 123; Социально-экономическое положение Вологодской области в январе-сентябре 2009 года: доклад / Вологдастат. – Вологда, октябрь 2009. – С. 122; данные сайта Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru>).

В выступлении на съезде партии «Единая Россия» 27 ноября 2011 г. Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин, давший согласие баллотироваться на пост главы государства 4 марта 2012 г., заявил, что главным принципом работы органов государственной власти всех уровней должна стать социальная ответственность. **«Развитие страны, – подчеркнул он, – должно происходить для людей, а не за счёт людей. Каждое наше решение, каждый шаг должны отвечать интересам абсолютного большинства граждан нашей страны... Но и бизнес в свою очередь должен понимать, что прятать активы и деньги по «офшоркам» или уходить от социальных обязательств – это не по совести и недопустимо...»**

Однако ситуация в стране и субъектах складывается пока иным образом. Федеральные и региональные органы государственной власти не то что не противостоят негативам частного бизнеса, а во многом специально создают юридические основания для перераспределения добавленной стоимости в пользу олигархического капитала.

Приведём несколько примеров, взятых из выполненного ИСЭРТ РАН анализа финансово-экономических показателей деятельности Череповецкого, Магнитогорского и Новоліпецкого металлургических

комбинатов⁷. Информационной основой явились годовые отчёты, составленные по российским стандартам бухгалтерского учёта (РСБУ) и опубликованные на официальных сайтах данных комбинатов⁸.

- По итогам 2010 г. Магнитогорский и Новоліпецкий меткомбинаты дали двукратное снижение налогооблагаемой и чистой прибыли по сравнению с 2007–2008 гг. А Череповецкий металлургический комбинат не сформировал налогооблагаемую прибыль и завершил 2010 г. с чистым убытком.

- Одним из основных факторов убыточности Череповецкого металлургического комбината стало отвлечение значительного

⁷ На страницах журнала в 2011 г. исследованию влияния интересов собственников металлургических корпораций на национальное и региональное развитие был посвящён цикл публикаций (Ильин В.А. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на национальное и региональное развитие // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – 3(15). – С. 14–38; Поварова А.И. Влияние интересов собственников металлургической корпорации на финансовые результаты головного предприятия (на примере ОАО «Северсталь») // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – 5(17). – С. 36–51), которые планируется продолжить и в 2012 г.

⁸ По данным сайтов ОАО «Северсталь» (http://www.severstal.com/rus/ir/disclosers/financial_reports/index.shtml), ОАО «ММК» (http://www.mmk.ru/for_investor/financial_statements/dynamics/) и ОАО «НЛМК» (<http://www.lipetsk.nlmc.ru/about/figures/financial/quarter/>).

объёма финансовых ресурсов на содержание низкомаржинальных североамериканских и итальянских предприятий. На их приобретение было потрачено более 100 млрд. руб. или 40% инвестиционных расходов. Однако вместо генерации денежных потоков иностранный бизнес принес побочный эффект в виде убытков и огромной долговой нагрузки.

- В результате необходимости финансирования убыточных зарубежных компаний налогооблагаемая база Череповецкого металлургического комбината в 2010 г. сократилась на 56 млрд. руб. Расчётный налог на прибыль с этой суммы мог бы составить: в федеральный бюджет — 1,1 млрд. руб., в областной — 10,1 млрд. руб.

- В 2008–2010 гг. при использовании трейдерных схем экспорта металлопродукции из-под российского налогообложения было выведено 31,1 млрд. руб. выручки Череповецкого металлургического комбината и более 80 млрд. руб. выручки Магнитогорского металлургического комбината. Налог на прибыль с указанных сумм мог бы пополнить бюджеты Вологодской и Челябинской областей на 5,6 и 14,5 млрд. руб. соответственно.

- Оффшорная структура собственности меткорпораций позволила вывести с головных предприятий в форме дивидендов 30 млрд. руб. чистой прибыли Череповецкого металлургического комбината, 18,6 млрд. руб. чистой прибыли Новолипецкого металлургического комбината и 10 млрд. руб. чистой прибыли Магнитогорского металлургического комбината при уплате мизерных налогов. Региональные бюджеты недополучили с оффшорных долей в российских металлургических предприятиях 2,4 млрд. руб. подоходного налога, в том числе бюджет Вологодской области — 1,2 млрд. руб.

- За 2010 г. на фоне резкого ухудшения конечного финансового результата деятельности металлургических предприятий личное состояние их владельцев увеличилось:

- у Лисина В.С. (Новолипецкий металлургический комбинат) с 5 до 24 млрд. долл.;

- Мордашова А.А. (Череповецкий металлургический комбинат) с 4,3 до 18,5 млрд. долл.;

- Рашикова В.Ф. (Магнитогорский металлургический комбинат) с 2,5 до 11,2 млрд. долл.

- Дивидендные выплаты привели к резкому росту дефицита собственных оборотных средств, который владельцы предприятий черной металлургии восполняли за счет масштабных заимствований, увеличивших долговую нагрузку.

- Процентные платежи на обслуживание долгов уменьшили налогооблагаемую базу Череповецкого металлургического комбината на 11 млрд. руб., Магнитогорского металлургического комбината — на 2,6 млрд. руб., Новолипецкого металлургического комбината — на 4,6 млрд. руб.

- Череповецкий металлургический комбинат будет отягощен долговыми обязательствами в объёме порядка 170 млрд. руб. вплоть до 2018 г.

- Управленческие затраты, учтенные при формировании налогооблагаемой прибыли, составили от 6 млрд. руб. (на Магнитогорском и Новолипецком металлургических комбинатах) до 8 млрд. руб. (на Череповецком металлургическом комбинате). Среднемесячный доход одного работника органов управления в 2010 г.:

- на Череповецком металлургическом комбинате (общая численность управления — 10 чел.) оценивается в 5,6 млн. руб., что превышает среднюю зарплату работников (34 тыс. руб. в месяц) в 165 раз;

- Магнитогорском металлургическом комбинате (общая численность управления — 25 чел.) оценивается в 1,2 млн. руб., что превышает среднюю зарплату работников (35 тыс. руб. в месяц) в 34 раза;

- Новолипецком металлургическом комбинате (общая численность управления — 17 чел.) оценивается в 1,4 млн. руб., что превышает среднюю зарплату работников (30 тыс. руб. в месяц) в 47 раз.

Эти примеры свидетельствуют о том, что федеральными властями не созданы законодательные механизмы противодействия господству олигархов в российской экономике, что, в частности, позволило в течение 2008–2010 гг. вывести только с трех крупнейших предприятий черной металлургии на зарубежные счета их собственников 170,3 млрд. руб. в виде выручки и чистой прибыли, заработанных трудом тысяч работников этих предприятий. Есть основания предполагать, что подобная ситуация складывается и в других отраслях сырьевой направленности. Олигархическая сущность российской экономики болезненно отражается на уровне доходности бюджета и решении проблем национального и регионального развития, становится источником напряженности в обществе и не позволяет двигаться в сторону реализации статьи 7 Конституции РФ⁹.

Нам представляется, что в предстоящие три месяца до президентских выборов кандидаты в Президенты России В.В. Путин должен четко обозначить свою позицию по назревшим проблемам российской действительности, определив сроки и задав вектор их решения, а затем, не дожидаясь выборов, начать действовать с таким расчётом, чтобы люди могли видеть реальное движение на ликвидацию сложившейся в стране системной социальной

несправедливости в финансово-экономической, социальной, культурно-нравственной и политической сферах и ощущать уверенность, что статья 7 Конституции РФ будет реализована в ближайшие два-три года в полной мере.

* * *

В этом номере мы публикуем информацию, посвящённую итогам выборов в Государственную Думу пятого и шестого созывов, а также результаты общественной оценки деятельности Президента РФ, Правительства, Губернатора Вологодской области за последние 4 года.

Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания РФ шестого созыва, состоявшиеся 4 декабря 2011 г., привели к изменению расклада политических сил в парламенте (*таблица*).

При этом уровень поддержки «Единой России» на различных территориях страны крайне неоднороден – от 99% в Чеченской Республике до 29% в Ярославской области. В двадцатке субъектов РФ, оказавших наименьшую поддержку «партии власти», оказались 8 из 11 регионов Северо-Запада России: Архангельская, Мурманская области, Республика Карелия (по 32%), Вологодская, Ленинградская области (по 33%), Новгородская область, г. Санкт-Петербург (по 35%), Ненецкий автономный округ (36%).

Сравнение итогов выборов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ пятого и шестого созывов (2007 и 2011 гг.)

	РФ		Вологодская область	
	2007 г.	2011 г.	2007 г.	2011 г.
Явка	63,8	60,2	66,2	56,3
Единая Россия	64,3	49,4	60,5	33,4
КПРФ	11,6	19,2	9,3	16,8
ЛДПР	8,1	11,7	11,0	15,4
Справедливая Россия	7,7	13,2	8,8	27,2
Яблоко	1,6	3,4	1,1	3,5
Правое дело	-	0,6	-	0,7
Патриоты России	0,9	1,0	0,8	1,3

Источник: По данным сайта Центральной избирательной комиссии Российской Федерации <http://www.vybory.izbirkom.ru/>

⁹ Статья 7 Конституции РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) гласит, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Итоги выборов, главный из которых – значительное уменьшение электората «Единой России», стали во многом закономерным результатом, связанным с неудовлетворительными темпами посткризисной стабилизации, нерешенностью животрепещущих социальных проблем и отсутствием четких перспектив дальнейшего развития страны.

Нельзя сказать, что произошедшее стало большой неожиданностью. Как показывают данные социологических исследований, проводившихся ИСЭРТ РАН в Вологодской области, в последние годы отмечалось устой-

чивое нарастание недовольства населения в отношении деятельности федеральных и региональных руководителей (рис. 1 – 3); снижалась доля населения (рис. 4), поддерживающего партию власти (с 41% в октябре 2008 г. до 30% в октябре 2011 г.).

В течение этого периода, так же как и все годы наших исследований, мы направляли получаемую информацию в различные федеральные и региональные структуры власти, однако ответной реакции на происходящие негативные тенденции не было, поэтому и результаты на выборах 2011 г. такие.

Рисунок 1. Оценки деятельности Президента РФ, в %

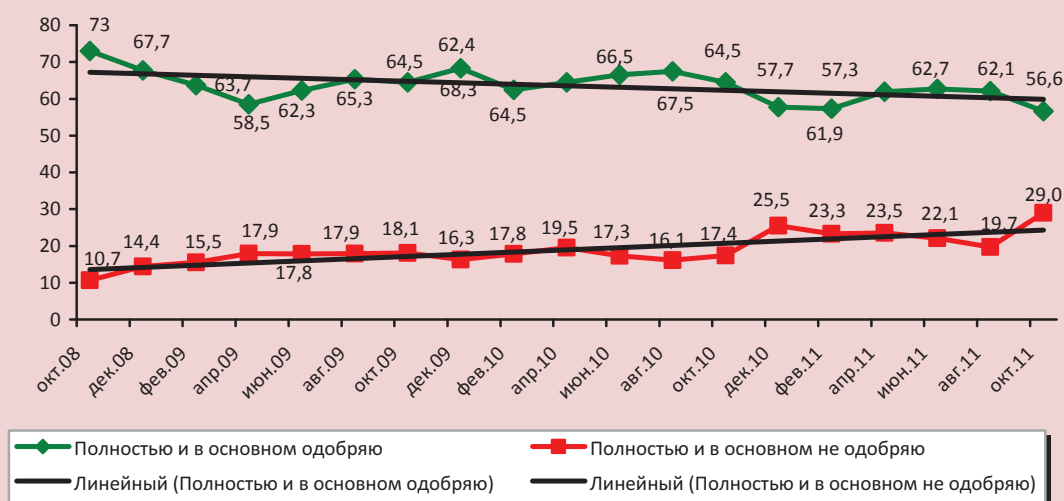

Рисунок 2. Оценки деятельности Председателя Правительства РФ, в %

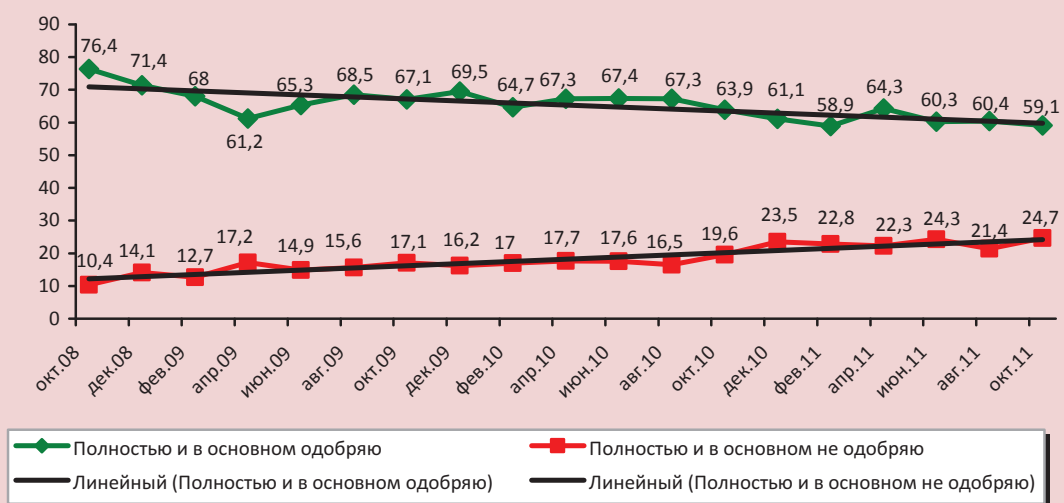

Рисунок 3. Оценки деятельности Губернатора Вологодской области, в %

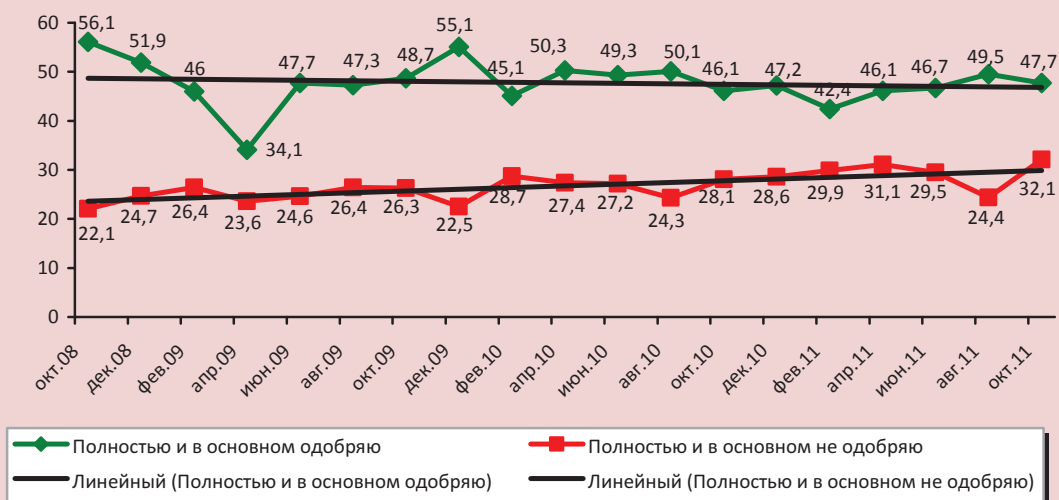
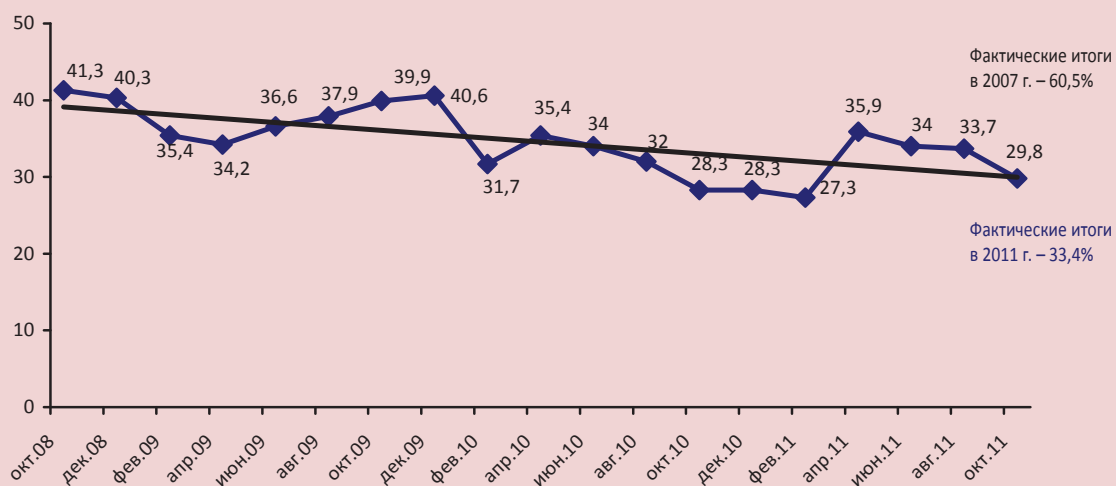

Рисунок 4. Доля жителей Вологодской области, полагающих, что их интересы выражает партия «Единая Россия» (в % от числа опрошенных)

Ж

Как и в предыдущих, в этом номере приводится рейтинг опубликованных в журнале статей.

Первые 10 статей журнала по длительности их просмотра за 12 месяцев (декабрь 2010 – ноябрь 2011)

Рейтинг	Статья	Суммарное время просмотра, минут за весь период учёта*	Количество просмотров за весь период учёта*	Количество просмотров за последние 12 месяцев	Количество просмотров за последние 3 месяца	Среднее время просмотра, минут за весь период учёта*	Выпуск	Дата выхода	Авторы
1	Развитие региональных кластерных систем	11114	444	215	50	25	№1	Март 2008	Ускова Тамара Витальевна
2	Проблемы формирования местных бюджетов и муниципальной собственности	5499	312	269	48	17	№1	Март 2008	Валентей Сергей Дмитриевич Хабриева Таля Ярулловна
3	Стратегия диверсификации экономики региона	6581	319	187	17	20	№1	Март 2008	Иогман Леонид Генрихович
4	Интеллектуальные ресурсы как фактор инновационного развития	2729	131	117	12	20	№11	Сентябрь 2010	Ильин Владимир Александрович Гулин Константин Анатольевич Ускова Тамара Витальевна
5	Методика сравнительной оценки научно-технического потенциала региона	2073	109	109	19	19	№12	Декабрь 2010	Задумкин Константин Алексеевич Кондаков Игорь Анатольевич
6	Малый бизнес – важный резерв развития моногорода	2036	94	87	7	21	№11	Сентябрь 2010	Ткачук Степан Николаевич
7	Тенденции и перспективы социально-экономического развития Мурманской области	3855	221	118	24	17	№1	Март 2008	Дидык Владимир Всеволодович
8	Динамика социально-экономического развития Республики Коми	2260	155	102	33	14	№1	Март 2008	Лаженцев Виталий Николаевич
9	Комплексное экологосбалансированное использование природных ресурсов – основа развития регионов Севера	1863	131	98	7	14	№1	Март 2008	Ларичкин Федор Дмитриевич
10	Инвестиционный процесс региона: новое столетие – старые проблемы	1031	68	62	26	15	№11	Сентябрь 2010	Губанова Елена Сергеевна Воронцова Татьяна Владимировна

* Учёт посещений сайта ведётся с 12 декабря 2009 г.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

УДК 338.2(470)

© Татаркин А.И.

© Лаврикова Ю.Г.

Программно-проектная модернизация федеративного устройства России*

Модернизация рассмотрена как программно-проектная потребность устойчивого и сбалансированного общественного развития, двигателем которой должны стать наука и инновационные факторы. Раскрыта сущность и содержание модернизации, выделены ее формы и особенности. Применительно к социально-экономическому развитию Российской Федерации, регионов, муниципалитетов и рыночных агентов обоснованы приоритеты и программно-проектные институты развития. Проанализированы теоретико-методологические подходы к оценке конечного результата модернизации, в качестве которого рассмотрена возможность использовать индекс человеческого развития и/или индекс человеческого счастья.

Модернизация, её сущность и виды, программно-проектная модель модернизации регионального и территориального развития, роль человеческого фактора в модернизации, конечный результат развития и его оценка.

**Александр Иванович
ТАТАРКИН**

академик РАН, директор Института экономики Уральского отделения
Российской академии наук
tatarkin_ai@mail.ru

**Юлия Георгиевна
ЛАВРИКОВА**

доктор экономических наук
зам. директора Института экономики УрО РАН
K515L@mail.ru

* Статья подготовлена на средства программы № 29 РАН (подпрограмма УрО РАН «Закономерности формирования и функционирования саморазвивающихся экономических систем на основе использования передовых организационных и управленческих технологий». № 09-П-6-1003).

Сущностное начало модернизации исходит от слова «модерн» и знаменует собой достаточно противоречивый, длительный и затратный процесс смены господствующего способа производства и хозяйствования новым, более эффективным и востребованным большей частью населения.

Модернизация всегда и при всех условиях основана на сочетании двух взаимопроницающих процессов.

С одной стороны, модернизация направлена на *созидательное разрушение* старого способа производства и ликвидацию неэффективных методов (механизмов, форм, институтов) хозяйствования.

С другой – модернизация привносит в социально-экономическое и всё общественное развитие разработанные наукой *новые и более прогрессивные* способы производства, более конкурентную структуру производства, подключает к общественному развитию эффективные институты и источники развития: политические и организационные, отраслевые и территориальные, внутренние и внешние, производственные и социальные.

Общественно-политическая потребность в модернизации российского общества

Принципиальным, но далеко не единодушным является само определение модернизации. Оно трактуется в литературе достаточно противоречиво: от «процесса, который предпринимается в тех или иных странах для сокращения образовавшегося отставания от государств-конкурентов» [12, с. 67] до процесса, который, по справедливому утверждению А.Г. Аганбегяна, В.А. Мау и других авторов, «не может ограничиваться лишь отдельными секторами экономики...или даже всей экономикой, а должен распространяться на все основные стороны жизнедеятельности общества...» [1, с. 7; 11, с. 13].

В.А. Цветков предлагает осуществлять «прикладную модернизацию с учетом сравнительных преимуществ российской экономики, применительно к функционально взаимосвязанным между собой производствам: добыча углеводородов (нефть, газ) – транспортировка – переработка – продажа – потребление» [31, с. 37-40]. По мнению Я.Н. Дубенецкого, «ключевой, центральной задачей модернизации является восстановление и обновление промышленности, пришедшей в состояние полураспада...» [5, с. 3].

Е. Гонтмахер обращает внимание на нерешенность российским руководством многих жизненно важных для развития страны проблем. Страна не воспользовалась доходами от сырьевого сектора для реальной диверсификации экономики и повышения ее конкурентоспособности. Государство ухитрилось не уменьшить, а увеличить (даже согласно официальной статистике) различия в доходах населения, «распилить» систему здравоохранения на два «куска-сектора»: формально бесплатный, с минимальным набором «около-медицинских» услуг, и реально платный, с большей частью требуемых населением медицинских услуг. За последние годы стараниями министра А.А. Фурсенко резко снизилось качество образования как общего, так и профессионального. В результате по индексу человеческого потенциала Российская Федерация скатилась на 71 место в мире.

Поэтому суть модернизации автор [4, с. 3] видит не просто в отказе от «нынешних порочных практик и случайных людей в руководстве, и не в обычном заимствовании передовых институтов, а в формировании обновленных институтов экономической и социально-политической жизни цивилизованного пространства...и их внедрении в ткань российской жизни».

Главный советник Аналитического управления Аппарата Государственной Думы М.С. Айрапетян предложил концепцию синхронной экономической и политической модернизации с учетом влияния факторов и особенностей циклического развития систем. По его мнению, России необходима *консервативная модернизация* в формате «непрерывно действующего механизма, направленного на нейтрализацию внешних и внутренних угроз и негативных последствий, возникающих в результате таких колебаний и характерных как для стадий роста, так и для стадии спада» [9, с. 96].

Сложность оценки приведенных выше сущностных характеристик модернизации российской экономики видится нами в том, что *в обществе не осталось сфер и видов деятельности, которые не нуждались бы в модернизационном обновлении и нацеленности на ускоренное, сбалансированное и социально ориентированное развитие экономики.*

Наиболее остро проблема модернизации стоит перед управлением общественным развитием, его качеством и результативностью, профессионализмом и порядочностью работников государственных органов власти и управления [24, с. 25]. Жизненно необходима модернизация экономики, ее производственного, инфраструктурного, финансово-бюджетного, банковского и других секторов. Невозможно обеспечить устойчивый рост экономики без модернизации высшего и общего образования, всей системы здравоохранения и пенсионного обеспечения. Обеспечивать инновационное обновление без модернизационных изменений роли и статуса науки в общественном развитии становится задачей неразрешимой. Как и повышение вклада регионов и территорий, пространственного фактора в рост общественного благосостояния без модернизации федера-

тивных отношений, отказа от жесткой вертикали власти и перехода к саморазвитию субъектов федерации и муниципалитетов, способных самостоятельно решать большинство региональных и муниципальных проблем развития [13, 14, 16].

Именно поэтому считаем справедливым утверждение А.Г. Аганбегяна, В.А. Мау, Д.Е. Сорокина [17, с. 24-25] и др., что модернизация не может ограничиваться только экономикой. Ее сущностное предназначение в обновлении всей общественной жизни с целью формирования наиболее прогрессивных институтов сбалансированного и устойчивого всего общественного развития на основе инновационных источников и новаторских навыков. И в этом понимании раскрывается *сущностная основа модернизации как научно-инновационного обновления всех сфер общества в соответствии с потребностями развития. Одновременно в этом видится и миссия науки как инновационной основы обновления.*

К числу наиболее существенных признаков модернизации относятся:

- Комплексный и системный характер модернизации, который предполагает последовательное научное решение всех взаимосвязанных проблем социально-экономического и всего общественного развития. Модернизация экономики не может быть результативной и законченной без соответствующих изменений в политической, социальной и экологической сферах, отраслевом, территориальном и инфраструктурном развитии. Можно сколько угодно наращивать инновационные разработки и торговать ими, но если не будет создана соответствующая инновационно ориентированная среда, эффект от инновационных наработок будут получать другие страны, где это среда сформирована и функционирует, «всасывая» в себя все передовое и более прогрессивное.

- Целевая направленность модернизации на решение общенациональных проблем, способных консолидировать общество. Важно, к примеру, призывать и ставить задачу наращивать ВВП страны, удваивать или утраивать его, повышать в разы производительность труда на каждом рабочем месте и др. Но если большая часть дохода от реализации этих «призывов» оседает в карманах олигархов и чиновников, а основная масса населения от подобного наращивания получает лишь «крохи», подобная задача мобилизирующей и консолидирующей роли никогда выполнять не сможет. Ограничены ныне возможности регионов и муниципалитетов повышать доходность рыночных агентов, поскольку более 65% собираемых на территориях налогов изымается в федеральный бюджет.

- Противоречивость модернизации – «разрушение ради созидания» более эффективных институтов – требует «гибкой твердости» в её проведении. Суть названной особенности видится, *во-первых*, в постоянном научном сопровождении модернизации и обогащении её новыми знаниями и решениями, своевременном и научно обоснованном внесении изменений и корректировок в процесс её проведения под воздействиями внешних и внутренних обстоятельств; *во-вторых*, в повышении направляющей, регулирующей и контролирующей роли государства во всех модернизационных процессах на всех стадиях; *в-третьих*, важнейшим требованием модернизации должна стать опора на позитивное общественное мнение относительно её проведения, достигаемое посредством «справедливого» распределения доходов между разными слоями населения.

Можно выделить и некоторые другие особенности модернизации (социальная и экологическая направленность, непре-

рывность, этапность и др.), хотя и вышеприведенные аргументы позволяют рассматривать её *как систему отношений между государством и всеми субъектами рыночных отношений, создаваемую в целях максимизации конечного результата общественного развития посредством использования наиболее передовых (прорывных) инновационно ориентированных социально-экономических институтов.*

Модернизация – процесс общественный, который, с одной стороны, «держит открытыми двери» для всех желающих рыночных агентов и граждан в меру своих возможностей включиться в модернизационные процессы на своем рабочем месте, через партии и другие общественные организации и институты.

С другой – основой модернизационных процессов является формирование передового шестого технологического уклада и соответствующего способа хозяйствования, вокруг которых создается адекватная им политическая, духовно-нравственная, социально-экономическая среда. Именно среда призвана содействовать ускоренному формированию нового способа производства и «выходу» его на проектный уровень функционирования и ограничению сферы действия устаревшего пятого технологического уклада и неэффективных форм хозяйствования [25, с. 25-36].

Для России, как и для любой другой страны, условием успешного проведения модернизации должна стать долгосрочная стратегия использования таких институтов развития, которые позволяют сохранить и приумножить собственный экономический потенциал и обеспечивать устойчиво сбалансированный и социально ориентированный рост с повышающейся долей новых производств шестого технологического уклада.

Данное обстоятельство требует, *во-первых*, защитить внутренний рынок и отечественный потенциал от интервенции международного и отечественного спекулятивного капитала, сохранив и расширив источники социально-экономического развития как на локальном (рыночные агенты), территориальном (муниципальные образования), так и региональном и межрегиональном уровнях; *во-вторых*, создать восприимчивую ко всему прогрессивному модернизационно-ориентированную среду для формирования и использования наиболее эффективных институтов развития. К числу последних, требующих стратегической поддержки, относятся как традиционные институты (образование, наука, кооперация), так и новые – венчурные и инвестиционные фонды, инновационные центры, кластеры, бизнес-территории, институты государственно-частного партнерства, инновационно ориентированные экономические зоны, организации территориального и регионального самоуправления, интеграции регионов и территорий и некоторые другие; *в-третьих*, подключить к процессам модернизации максимально больше рыночных агентов, повысить роль человеческого фактора как в инновационном и новаторском «наполнении» модернизации новыми прорывными идеями и решениями, так и в поддержании устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития на всех уровнях федеративного устройства [26, с. 46-55].

Признавая главным критерием модернизации формирование нового и более прогрессивного технологического уклада, невозможно не отметить решающую роль человеческого фактора, особенно отдельной личности – лидера нации – в инициировании и успешном проведении модернизации общественного развития.

Примеры Китая, Сингапура, Финляндии, Индии, Южной Кореи, Бразилии и других стран демонстрируют возрастающую роль отдельной личности в инициировании и проведении модернизационных преобразований, подключении к ним большинства населения. Мотивы и последовательность действий лидеров названных стран разные, хотя логика их действий во многом сходна и включает:

1. Разработку долгосрочной стратегии выхода страны на передовые позиции в мировом сообществе с опорой в основном на собственный потенциал, ресурсные возможности и кадры. В стратегии определяются сроки проведения модернизации, её этапы и источники, как собственные, так и привлекаемые в разные периоды осуществления.

2. Подключение всех слоев населения посредством учета их потребностей к процессам модернизации и справедливого распределения доходов. Принципиальным считаем подключение к этим процессам элиты общества, людей творческих и инициативных, способных обеспечить, наряду с политическим, технико-технологический, организационный и коммерческий успех модернизации. Понятно, что справедливость распределения дохода от модернизации в данном случае понимается как возможность каждого участника модернизационных процессов получать ту часть дохода, которая соответствует его «вкладу» в реформирование социально-экономического развития.

3. Повышение роли науки и образования, инновационных факторов и новаторских действий в социально-экономическом и во всем общественном развитии. Возможности отдельных стран в решении этой задачи разные: от повышения расходов на образование и развитие отечественной науки до приглашения специалистов из других стран и скупки патентов.

При любых обстоятельствах требование повышать образовательный, культурный и интеллектуальный уровень населения, участников модернизации становится основной потребностью и важнейшим источником всего социально-экономического развития. Модернизация в КНР, к примеру, рассматривается как трансформационная революция в истории модернизации человечества. В связи с этим Академия наук Китая при поддержке руководства КНР решила отдать наибольшее предпочтение исследованиям в области науки и техники по приоритетным направлениям модернизации страны. Академия разработала фундаментальный сводный доклад «Наука и технология в Китае: дорожная карта до 2050 года» (Пекин, 2010), в нем почти на 150 страницах убогистого текста в пяти разделах изложены этапы развития научных исследований до 2050 г., определены варианты результаты и механизмы использования результатов НИР в общественном развитии с учетом китайской специфики [15].

4. Формирование технико-технологического и финансово-кредитного источников модернизации. Первое предполагает последовательную поддержку государством научных исследований, укрепление связей бизнеса с наукой в части разработки и производственного использования новых образцов техники и технологий, соответствующих шестому технологическому укладу, развитие экспериментальной и опытной базы науки и др.

Формирование финансово-кредитных источников предполагает обычно мобилизацию внутренних и внешних возможностей (займы, резервы, минимизация существующих расходов и др.). Модернизация, если она основана на амбициозных стремлениях работать на опережение (прорыв), не может ограничиваться догоняющим сценарием.

Но искусство опережения, по справедливому утверждению С.Ю. Глазьева [3, с. 505, 508], состоит в способности участников разглядеть ростки развития до того, как об этом просигнализируют рынки.

5. Реструктуризацию экономики с ориентацией на поддержку ускоренного развития тех отраслей и производств, которые составляют основу нового технологического уклада. Оперативное развитие базисных производств шестого технологического уклада позволит оперативно сформировать сравнительные преимущества в конкурентной борьбе на национальном и мировом рынках товаров, идей и услуг.

В литературе активно обсуждаются ключевые направления формирования зарождающегося шестого технологического уклада. Высказываются мнения разные и по масштабу, и по срокам [11, с. 6-7]. Единодушны авторы в одном: развитие базовых отраслей и производств шестого технологического уклада позволит создать конкурентные преимущества национальной экономики в глобализирующемся мире как минимум до середины XXI века [3, с. 21].

Определены и основные (прорывные) направления развития экономики: *биотехнологии, основанные на достижениях молекулярной биологии и генной инженерии; нанотехнологии: системы искусственного интеллекта; глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы.*

Дальнейшее развитие получают гибкая автоматизация производства, космические технологии и системы, производство искусственных материалов с заданными свойствами и др.

6. Новый импульс развития должна получить производственная и социальная инфраструктура. С одной стороны, она должна обеспечивать устойчивое развитие базовых отраслей и производств, способ-

ных гарантировать ускоренное развитие экономики, и расширить возможности приращения добавленной стоимости [30, с. 395-420]. Последнее может достигаться созданием кластерных объединений, развитием кооперационных связей, расширением сервисного обслуживания производимых товаров.

С другой стороны, развитие инфраструктуры позволит готовить квалифицированные кадры для базовых отраслей, формировать соответствующую культуру производства и потребления инновационно ёмких товаров, регулировать внутренний и внешний спрос, обеспечивать научные исследования по приоритетным направлениям науки, развивать и модернизировать социальную сферу и улучшать экологическую обстановку [7, с. 6-12].

В структуре потребления доминирующее значение начинают иметь информационные, образовательные и медицинские услуги, формирование комфортной среды обитания человека. Подобные трансформационные изменения, их темпы и качество во многом зависят от уровня развития регионов и территорий, их возможностей формировать эффективные рыночные институты и повышать социальную роль бизнеса во всех жизнеобеспечивающих направлениях общественного развития.

В процессе модернизации должен завершиться переход от формальных к реальным федеративным отношениям, от отраслевой к территориально-видовой специализации, от «общества потребления» к «интеллектуальному обществу».

Системной особенностью на этом пути становится повышение роли пространственного фактора общественного развития, показателей качества жизни по всем её параметрам (продолжительность, здоровье, образование, уровень и структура доходов, возможности творческого развития и другие).

Качество жизни или индекс человеческого развития (ИЧР) принято оценивать такими тремя показателями, как ВВП на душу населения, средняя продолжительность жизни и уровень образованности населения. Если ИЧР равен 0,8 и более, страна считается экономически развитой с высоким индексом человеческого развития. При ИЧР, равном 0,5 – 0,8, уровень жизни считается средним, а при ИЧР менее 0,5 страна рассматривается как слаборазвитая с низким индексом человеческого развития.

Индекс человеческого развития в России, так же как и в других странах бывшего социалистического лагеря, далек от желаемого [17; 20, с. 9-12], что становится фактором, сдерживающим модернизацию социально-экономического и всего общественного развития. Именно поэтому *считаем целесообразным придать модернизации общественного развития социальную направленность, подчинить её интересам всестороннего развития человека и реализации всех его возможностей и потенциалов.*

В последние годы как альтернатива исследованиям качества жизни населения в обществах с развитой рыночной экономикой стали активно развиваться исследования *экономики счастья*, в условиях которой человек ощущает себя счастливым при относительно низких показателях индекса человеческого развития. Предложенный Нобелевским лауреатом Джозефом Стиглицем индекс человеческого счастья используется для объяснения так называемого парадокса Истерлина [10, с. 171], согласно которому индекс счастья оказывается более высоким далеко не в самых развитых странах.

К слову, на русском языке термин «экономика счастья» воспринимается не совсем адекватно английскому значению: «Happiness» в переводе академика РАН В.Л. Макарова – это не только и не столько счастье [10, с. 172-173].

Это и удовлетворенность состоянием, окружением, ритмом жизни и др. Человеческая популяция чрезвычайно многообразна и многолика. Нередко человек получает большее удовлетворение не от денег или материальных благ, а от своего места в социальной или производственной группе, мнением которой он дорожит. Человек может получать удовлетворение от той деятельности, в которую он вкладывает «всего себя». Погоня за социальным статусом не менее реалистичное свойство человеческой натуры, чем погоня за материальными благами.

Именно эти обстоятельства ставят перед наукой задачу полнее, глубже и объективнее оценить роль и место человека в модернизационных процессах с тем, чтобы его способности и энергия не только служили общественному развитию, но и добавляли ему «крупницы счастья».

Возможности и направления модернизации федеративных отношений

Модернизация российского общества закономерно предполагает усиление роли пространственного фактора в социально-экономическом развитии и улучшении макроэкономических показателей посредством специализации регионов и развития межрегиональной интеграции, опережающего роста в регионах тех секторов, которые определяют внешнеэкономический статус страны и региона.

Для решения этой задачи требуется реализация комплекса взаимоувязанных по ресурсам, срокам и этапам преобразований отраслевого и территориального характера.

К последним предлагается отнести переход к новой модели пространственного развития российской экономики, позволяющей, с одной стороны, создавать каркас региональных (республиканских, областных, краевых, окружных) и территориальных (городских, районных) центров сосредоточения экономического роста,

способных формировать и передавать сопредельным субъектам инновационные импульсы развития экономики, а с другой – выводить на траекторию ускоренного развития глубинные и окраинные регионы и территории [22, с. 19-30].

Модернизация общественного устройства требует активизации процессов инновационного развития и становления социально ориентированного государства посредством повышения роли науки в обосновании «плавного» перехода от региональной политики выравнивания к новому ее типу, соответствующему федеративному устройству России. Идеология этого перехода видится нами в следующем.

Первое – активное и целенаправленное формирование государством *институциональной среды* через различные и более прогрессивные институты развития и нормы, способствующие созданию *полицентричной пространственной структуры экономики страны*. Это означает формирование не одного-двух, а многочисленного каркаса центров экономического роста. К ним следует отнести практически все крупнейшие и крупные регионы и города, что будет способствовать реализации сетевого эффекта вокруг этих центров. Импульс к развитию получают малые и средние города через развитие и включение их в агломерации. Такими центрами, способными уже сейчас выполнять эту миссию, можно считать Московскую, Санкт-Петербургскую, Екатеринбургскую, Челябинскую, Самарско-Тольяттинскую, Нижегородскую, Волгоградскую, Вологодскую, Казанскую, Уфимскую, Новосибирскую, Томскую, Омскую, Красноярскую, Иркутскую, Хабаровскую, Владивостокскую агломерации, а также агломерации юга Ростовской области и Краснодарского края.

Второе – помимо выделения и поддержания центров, необходим *поиск новых территориальных источников конкурентоспособности*. В развитых странах, в том

числе в странах Европейского союза, известного своими глубокими традициями в области региональной политики, сформулирована и реализуется стратегия, ориентированная на внедрение идеи территориального сплочения и, соответственно, сбалансированного подхода к территориальному развитию. Европейские страны признали научным фактом возможность ускоренного экономического роста *не только через крупные города*.

Опыт региональной политики показывает важность развития производственных связей небольших и средних городов (полицентричное развитие), а также ускоренного формирования территориальных и инновационных центров в сельской местности. Роль средних городов видится в соединении больших и малых городов и отдаленных сельских территорий. Средние города способны, при создании соответствующих условий, выполнять важную роль в содействии интеграции, сдерживать депопуляцию сельских территорий.

Именно такой подход позволит уделять повышенное внимание городским агломерациям в России как новым крупным центрам инновационного развития, способным *стать импульсом развития регионов и территорий на основе обновления институтов развития и формирования новых центров генерирования конкурентоспособности*:

➤ *окраинных территорий* как выразителей и трансляторов геополитических интересов России в приграничных отношениях с другими странами;

➤ *глубинных территорий и малых городов* как необходимых участников кластерных проектов и решений, рождаемых в крупных региональных и территориальных центрах, что позволит превратить данные территории в центры экономического развития регионального масштаба;

➤ *сельских территорий* как новых центров конкурентоспособности, возникающих на базе формирования диверсифицированной экономики. Новые возможности по использованию возобновляемых источников энергии, повышению эффективности и коренному изменению технологий сельхозпроизводства, приближению переработки сельхозпродуктов к производству способствуют росту конкурентоспособности данных территорий в большей степени, чем городов.

Названные территории могут стать для страны новыми источниками не менее масштабной конкурентоспособности, чем крупные города. Новая региональная политика должна быть нацелена на реализацию потенциала данных территорий при постоянном развитии и обновлении их интеграции с городами и региональными центрами инноваций.

Третье – во главу угла модернизируемой региональной политики должна быть поставлена *человекоориентированная парадигма развития*.

Для нашей страны важнейшим императивом становится форсирование всего спектра инвестиций в развитие человеческого потенциала, в первую очередь его инновационных составляющих. Именно в этом заключается новая, *человекоориентированная парадигма социально-экономического развития* в XXI веке.

Сегодня стало аксиомой понимание того, что решающим и ориентированным на будущее фактором успешной реализации ресурсных фондов является социально и экономически заинтересованный, профессионально и граждански активный человеческий потенциал. Качественные характеристики населения, его инновационно-новаторская позиция могут стать доминирующим фактором, определяющим контуры будущего развития страны.

Одной из важнейших проблем сохранения и поддержания устойчивого развития экономики регионов становится отсутствие и/или понижение результативности мотивирующей составляющей эффективного высокопроизводительного труда. Особенно это касается глубинных регионов с большими сельскохозяйственными территориями и территориями, являющимися местами традиционного природопользования коренных малочисленных народов¹.

Коренные изменения социально-экономической системы в период реформ привели к радикальной трансформации условий протекания мотивационных процессов. Значительная часть предприятий в большей степени ориентируется на стратегию принуждения, используя сильный для современного этапа отрицательный мотив возможности увольнения и безработицы. Данная модель мотивации формирует отношение к работе как средству получения материальных благ и задействует лишь нижние уровни мотивации, не учитывает потенциальные возможности ориентации на инновационно-новаторскую инициативу и ответственность за судьбу страны, которые во все времена использовались в качестве эталонных проявлений трудовой и гражданской активности работающего населения.

Именно поэтому в рамках обновляемой региональной политики было бы целесообразно обсудить возможности расширения масштаба эффекта путём повышения мотивации трудовой активности по таким ключевым направлениям, как:

¹ «Сама экономическая реальность остро ставит вопрос о повышении конкурентоспособности человеческого капитала... — справедливо пишут В.Н. Белкин, Н.А. Белкина, Л.В. Владыкина, — однако этот факт осознан далеко не всеми...да и вклад науки в теоретическое обоснование этого процесса не достаточен» [2, с. 4]. М. Старчевой призывает «пересмотреть неоклассическую теорию и построить новую модель человека, которая сможет объяснить многое из того, что ранее понималось неверно или вообще исключалось из анализа» [18, с. 78].

⇒ формирование стандартов достойного труда в регионах;

⇒ развитие в регионах корпоративной культуры взаимоотношений администрации и рядовых работников;

⇒ использование стимулирующего потенциала социальных технологий, реализуемых в правовых и экономических формах на основе соблюдения принципов обоснованности, справедливости и информированности;

⇒ расширение в регионах потенциала работников, ориентированных на инициативный и творческий труд.

Четвертое — движущей силой модернизации российской экономики и общества в целом становится *опора на процессы саморазвития всех уровней региональных и территориальных социально-экономических систем* [21, с. 15-23; 23, с. 77-99].

Поэтому должны быть определены механизмы и инструменты выбора *наиболее эффективных приоритетов территориального развития (в том числе в отношении проблемных территорий), нацеленных на повышение устойчивого функционирования территорий на основе самоорганизации и самокупаемости.*

Наиболее сложным является вопрос определения саморазвивающейся региональной (муниципальной) экономической системы. Не углубляясь в детальный разбор имеющихся подходов, возьмем на себя смелость предложить для обсуждения наш вариант.

Под саморазвитием территориальных экономических систем нами *понимается стратегически устойчивая способность региона в условиях сложившейся в обществе макросреды обеспечивать расширенное воспроизводство валового регионального продукта за счет имеющегося потенциала собственных ресурсных возможностей и доходных источников в интересах реализации как макроэкономических целей и общена-*

циональных приоритетов, так и внутрирегиональных целевых установок системного характера.

Саморазвитие региональной экономической системы предполагает наличие двух системообразующих признаков:

1. Внутренняя самодостаточность региональной экономической системы, способной обеспечить долговременную устойчивость регионального развития за счет:

1.1. Необходимых и достаточных для развития ресурсов: материальных, трудовых, финансовых, интеллектуальных и других, а также производственных, инфраструктурных, предпринимательских и иных возможностей обеспечивать расширенное воспроизводство ВРП.

1.2. Объективно определенной миссии и цели саморазвития региона, приоритетов и мотивов саморазвития. Миссия и цель призваны, *с одной стороны, опираться на целевые установки макроэкономической системы в целом, обеспечивая системную их реализацию. С другой — обеспечивать реализацию региональной цели, отражающей региональные потребности и интересы проживающего в регионе населения. Возможность реализовать региональные потребности и интересы как составную часть макроэкономической потребности в процессе саморазвития выступает, на наш взгляд, мощным мотивом дальнейшего совершенствования инструментов саморазвития.*

1.3. Внутрирегиональных производственных, инфраструктурных, организационно-управленческих, территориальных и иных систем, способных автономно перенастраиваться под воздействием внутренних и внешних изменений.

2. Благоприятные внешние условия, позволяющие в своей совокупности обеспечивать устойчиво сбалансированное саморазвитие региональных экономических систем на стратегическую перспективу.

К перечню внешних условий, способных обеспечивать формирование и стабильное функционирование региональных экономических систем, целесообразно относить:

2.1. Общественно-политическую и идеологическую готовность федерального руководства и руководства региона обеспечивать достижение социально-экономических параметров посредством саморазвития региональных экономических систем. Принципиально важным считаем восприятие большей частью населения идеи саморазвития регионов как наиболее доступной и надежной формы реализации их групповых и индивидуальных потребностей и интересов, ее поддержку макроэкономическими условиями и гарантиями.

2.2. Конституционные и законодательные гарантии регионам и макроэкономические возможности (налоговые, бюджетные, кредитные, имущественные и др.) использовать модели саморазвития для реализации как макроэкономических целей и приоритетов, так и региональных целевых установок. Среди последних наиболее перспективными считаются: формирование и развитие бизнес-территорий на базе муниципальных образований, создание технополисов, центров трансфера передовых технологий, рыночных институтов по закреплению за регионом трудовых, земельных и лесных ресурсов, реформированию региональной собственности и др. *Принципиальным считаем снятие с регионов ограничений в части создания ими региональных госкорпораций на принципах государственно-частного партнерства для решения вопросов структурной модернизации и реструктуризации, повышения конкурентоспособности отечественного производства посредством его инновационного обновления.*

2.3. Внешние факторы воздействия на региональное развитие, обусловленные изменениями конъюнктуры мирового рынка на товары и услуги, участием регионов в международных программах и проектах, развитием международных интеграционных связей регионов и страны в целом, требуют от регионов взвешенного подхода к сбалансированию внешнеэкономических факторов и показателей. Подобная взвешенность необходима для поддержания саморазвивающейся направленности региона посредством использования возможностей мирового сообщества для технической и технологической модернизации собственного производства импортозамещающих товаров и услуг. В конечном счете вхождение регионов в международные экономические интеграционные связи целесообразно с позиций расширения и укрепления конкурентных позиций, ограничения импортной зависимости и расширения производственных возможностей регионов и страны в целом².

Системообразующая и системосохраняющая роль влияния внешних условий, гарантий и факторов на процессы становления и функционирования саморазвивающихся регионов видится в следующем. *Если внутренняя самодостаточность региональной экономической системы обеспечивает источники ее устойчивого развития и воспроизводства ВРП, простого или расширенного, то внешние условия призваны формировать и воспроизводить общественно-политическую, законодательную, макроэкономическую и внешнеэкономическую среду, способную обеспечивать наиболее полное и результативное исполь-*

зование территориальных возможностей и ресурсов для реализации общенациональных и региональных целевых задач, достижение устойчивости и безопасности Российской Федерации в целом.

Одним из ключевых инструментов экономической региональной политики, давно зарекомендовавшим себя в развитых странах, является совершенствование и создание новых форм пространственной организации экономики, и в частности формирование *бизнес-территорий* в границах региона и муниципалитета.

Сложившимися типичными примерами бизнес-территорий, получившими апробацию в мировой и отечественной практике и науке, являются технополисы, технопарки, специальные (особые) экономические зоны, промышленные и индустриальные парки, транспортно-логистические центры, специализированные торгово-складские зоны и др. Бизнес-территории могут быть сформированы в любом месте региона или муниципального образования, если появляются или созданы соответствующие объективные и субъективные условия.

В рамках одного региона или муниципального образования может располагаться несколько бизнес-территорий. Все они вносят ощутимый вклад в местную экономику посредством развития предпринимательства (в особенности малого и среднего), расширения и совершенствования инфраструктуры, повышения занятости населения и уровня жизни, активизации инвестиционных и инновационных процессов, увеличения налогооблагаемой базы и повышения доходов бюджета. Создание бизнес-территорий в моногородах является средством диверсификации их экономики и создания новых производств и услуг. Для депрессивных районов и городов — это, в первую очередь, средство для «ребрендинга», смены «имиджа», и привлечения новых компаний и производств.

² Повышение финансовых рисков в процессе глобализации экономики неизбежно потребует взвешенных и научно обоснованных решений по вхождению регионов в международные интеграционные союзы и сообщества с российским участием [29, с. 3-15].

Большую роль в создании бизнес-территорий в подобных районах играет «редевелопмент» земель (прежде всего старых промышленных зон), связанный с комплексным преобразованием объектов недвижимости. «Редевелопмент» в ближайшее время может стать весьма востребованным и актуальным инструментом региональной политики, поскольку до 85% городов в Россииросло вокруг или на базе крупных промышленных предприятий, которые в условиях рыночной экономики оказались невостребованными, но по-прежнему обладают колоссальным территориальным и инфраструктурным ресурсом. «Редевелопмент» позволяет нивелировать такой недостаток создания бизнес-территорий «с нуля», как существенные финансовые затраты, особенно на возведение необходимой инфраструктуры и коммуникаций.

Пятое – реализация положений новой региональной политики возможна на основе создания, внедрения и совершенствования различного рода **институтов развития**. При этом институты должны быть достаточно разнообразны и обеспечивать многоцелевую направленность территориального развития.

Первая группа институтов может быть связана с прямыми действиями государства по реализации основных положений региональной политики, особенно в отношении проблемных территорий. К таким институтам могут быть отнесены: фонд реформирования ЖКХ; фонд финансовой поддержки субъектов РФ; фонд реформирования региональных финансов; фонд регионального развития и др. *Вторая группа* включает институты, обеспечивающие стимулирование инновационного развития территорий: создание особых экономических зон, инogradов и др. *Третья группа* институтов может быть ориентирована на изменения (внедрение, усовершенствование) технологий регионального планирования и управления.

К числу таких институтов можно отнести создание револьверного фонда, ориентированного на внедрение проектного управления в регионах и муниципалитетах, индикативное планирование и др. *Четвертая группа* институтов развития связана с активизацией бизнес-сообщества в формате укрепления горизонтальных связей, в том числе через кластерные формы развития бизнеса, ГЧП, проектное планирование и др.

Кластерный подход позволяет «связать» центр и его окружение за счет более тесного межфирменного взаимодействия; создания общих рынков труда, технологий, знаний и повышения доступа предприятий к использованию общих ресурсов; сокращения общих издержек и формирования синергетического эффекта взаимодействий. Все участники кластера получают дополнительные конкурентные преимущества под воздействием совокупного влияния эффектов масштаба синергии. Более того, кластер способствует развитию горизонтальных сетевых отношений, а также партнерскому взаимодействию бизнеса – власти – науки – образования³.

Интегрирующий характер кластерного подхода как института регионального развития заключается также в возможности комплексного решения задач: региональной стратегии, нацеленной на повышение конкурентоспособности экономики региона и хозяйствующих субъектов; промышленной политики, направленной на создание конкурентоспособного промышленного комплекса

³ Совместно с Правительством Свердловской области сотрудниками Института экономики УрО РАН разработана методология создания кластерных объединений с учетом отраслевых, видовых и территориальных особенностей [8; 27, с. 11-19]. Заслуживает внимания опыт волгоградцев, использующих кластерную модель управления комплексной застройкой в крупных городах [6, с. 60-65], ОАО РЖД, разрабатывающего совместно с Институтом экономики УрО РАН кластерную модель управления перевозками, ФНПЦ «Алтай» (г. Бийск), исследующий кластерное использование производственной и социальной инфраструктуры головного предприятия [30, с. 399].

региона; перехода на инновационную модель регионального развития; формирования конкурентной среды для малого и среднего бизнеса во взаимодействии с крупным; повышения образовательного уровня в регионе и развития региональной инфраструктуры и др.

Шестое — основой формирования новой региональной политики и управления территориальным развитием должен стать **программно-проектный подход**, как отвечающий современным потребностям глобализирующейся экономики институт федеративного развития.

Механизм реализации региональной политики связан с определением ее стратегических приоритетов, и поэтому возрастает потребность в разработке и утверждении *Концепции (основных направлений) региональной политики Российской Федерации* как составной части стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г.

На базе стратегических приоритетов региональной политики (не более 4 – 5) должны быть разработаны программы, охватывающие наиболее комплексные проблемы развития регионов. Решение же конкретных задач должно строиться исключительно на основе *программно-проектного подхода*⁴.

⁴ Как свидетельствует практика, разрабатываемые долгое время стратегии и программы социально-экономического развития регионов и муниципалитетов страдали и продолжают страдать, во-первых, отсутствием четких целей, органически обусловленных потребностями развития региона (территории), которые часто подменяются политическими лозунгами и призывами макроэкономического характера; во-вторых, ограниченной опорой на общественное мнение, сложившиеся потребности и предпочтения различных слоев и социальных групп населения региона (муниципалитета), а ориентируются на макроэкономические предпочтения, обычно «далекие» и непонятные для большей части населения; в-третьих, способностью органически соединять в едином документе политические решения и творческую активность населения, плановые и рыночные подходы, административный ресурс и рыночную инициативу (предприимчивость), научные прорывные идеи и хозяйственную смекалку бизнеса [26, с. 50-55; 32, с. 65-73].

Инициатором использования программно-проектного развития территорий стал Екатеринбург, в котором впервые в Российской Федерации был принят стратегический план развития города («Стратегический план развития города», утверждённый решением Городской Думы 10 июня 2003 г.) [19].

По оценке главы города, а ныне члена Совета Федерации РФ А.М. Чернецкого, план развития города разрабатывался и реализуется на основе трех принципиально новых для российской практики новаторских идей, потребовавших существенно изменить менталитет и руководителей города, и его населения [19, с. 3]. *Во-первых*, девизом разработки, обсуждения и реализации плана стала идея «мыслить стратегически и действовать сообща». Именно эта идея стала отправной точкой для разработки Стратегического плана и *соединения в одном документе стратегического программирования приоритетов развития города с проектной инициативой его населения*.

Во-вторых, Стратегический план с момента его разработки стал документом общегородским. В его трехлетней разработке и обсуждении принимали участие большая группа ученых, руководителей разного уровня, депутаты, бизнесмены, общественные организации и специалисты. Был изучен зарубежный опыт, в том числе и г. Бирмингема (Великобритания), по программно-проектному развитию. Стратегический план прошел широкое общественное обсуждение, было рассмотрено и учтено огромное количество предложений и пожеланий жителей города, региональных и федеральных органов. Это обстоятельство позволяет рассматривать Стратегический план города в качестве *программно-проектного творчества всего городского сообщества*.

В-третьих, стратегическая направленность плана развития Екатеринбурга на устойчивое повышение качества жизни горожан. Этой цели посвящены все восемь

программных направлений плана и большинство из более чем ста бизнес-проектов. Первое программное направление плана – «Сохранение и развитие человеческого потенциала» – открывает программу действий, а восьмое – «Генеральный план города Екатеринбурга – город для человека» – завершает программные действия городского сообщества по развитию Екатеринбурга. Заслуживает внимания и заключительный раздел плана – «Механизм реализации стратегического плана», суть которого можно кратко выразить словами: «Работать на результат и не закрываться от нововведений» [19, с. 3].

Стратегический план города является по своему содержанию научно обоснованным обобщением потребностей разных слоев населения и рыночных агентов мегаполиса, всесторонне учитывающим специфику города и его конкурентные возможности. При этом его отличает высокая инновационная направленность на решение общегородских проблем реструктуризации экономики, ускоренного развития производственной и социальной инфраструктуры и др.

Актуальность программно-проектного подхода в рыночных условиях видится не только в активном участии населения в разработке стратегических планов и постоянном общественном контроле за реализацией программных приоритетов. Это важнейшее, но не единственное его достоинство. Программно-проектный подход позволяет, с одной стороны, объединить одним документом возможности использования, в интересах развития, плано-административных и рыночных инициатив, административного ресурса и предприимчивости, согласованно удовлетворять городские потребности путём интеграции власти, науки, бизнеса и общественного мнения. С другой – распределять нагрузку по финансированию программ и проектов между бюджетом города, бизнесом

и населением, что значительно сокращает суммарные расходы и увеличивает эффект от реализации бизнес-проектов.

Позитивная оценка результатов реализации Стратегического плана Екатеринбурга в 2003 – 2008 гг. потребовала определенной его корректировки в части пересмотра большинства программных показателей в сторону увеличения. После почти двухгодичного обсуждения (2008 – 2010 гг.) в 2010 г. обновленный Стратегический план развития Екатеринбурга до 2025 г. был утвержден городской Думой [20]. В него были внесены уточненные по срокам и направлениям работы параметры развития. Seriously пересмотрена проектная часть плана. Число проектов доведено до 130. Заметно возросла активность бизнеса в финансировании проектов – до 45% и более от общей стоимости проекта.

Применение методов программно-проектного управления позволяет более обоснованно определять цели и оптимально планировать инновационную, инвестиционную и другие сферы деятельности регионов. Проектное управление дает возможность более полно учитывать проектные риски, оптимизировать использование имеющихся ресурсов и избегать конфликтных ситуаций, контролировать исполнение составленного плана, анализировать фактические показатели и вносить своевременную коррекцию в ход работ, накапливать, анализировать и использовать в дальнейшем опыт успешно реализованных проектов.

Использование проектного управления территорией обеспечивает формирование результативно-ориентированной модели управления, которая позволяет:

- *получать измеримые результаты* реализации каждой цели, каждой услуги и мероприятия;
- при определении цели «видеть», *какими услугами и мероприятиями* они будут оборачиваться для населения региона;

- при принятии решения об изменении бюджета в сторону увеличения (уменьшения) *оценить, как это повлияет на изменение других показателей;*

- оценивать *социально значимый результат*, который получает население региона от оказания конкретных услуг;

- регулировать эффективность работы ведомств и учреждений на основании анализа их расходов относительно полученных результатов;

- определять по каждой поставленной цели социально-экономического развития регионов *реальную стоимость ее достижения, инструменты реализации и ответственных за выполнение.*

На уровне регионов и муниципалитетов применение проектного подхода предполагает, *во-первых*, органическую встроенность проектов в систему комплекса документов стратегического планирования территорий и логически обеспечивать реализацию целей и задач стратегического плана (стратегии) развития региона (муниципалитета). В таком понимании данные проекты по своей сути выступают стратегическими проектами, встроенными в логическую цепочку: стратегия развития региона (муниципалитета) ↔ стратегические программы ↔ стратегические проекты (бизнес-проекты).

Во-вторых, превращение стратегических проектов в конкретные механизмы, институты реализации стратегических программ развития территорий. Их разработка, как и документов, из которых они вытекают, должна основываться на взаимодействии всех участников территориального сообщества: частного бизнеса, органов власти и управления, науки, образования, представителей общественности, способных обеспечить реализацию проектов.

Основой стратегических проектов должны стать бизнес-планы развития частного бизнеса, в том числе на принципах ГЧП.

При таком подходе проекты будут нацелены на эффективное взаимодействие всех разработчиков проекта и дальше будут строиться на основе четкого планирования и определения вполне конкретных мероприятий модернизации общественного развития, обеспеченных источниками финансирования каждого из участников этих проектов.

Только в этом случае проекты станут *документами общественного согласия*, в реализации которых будут заинтересованы все участники модернизационных процессов на уровне регионов и территорий.

Литература

1. Аганбегян, А.Г. О модернизации общественного производства в России / А.Г. Аганбегян // Экономика региона. — 2011. — № 4.
2. Белкин, В.Н. Формирование конкурентоспособного человеческого капитала предприятия / В.Н. Белкин, Н.А. Белкина, Л.Б. Владыкина. — Екатеринбург: Изд-во ИЭ УрО РАН, 2011.
3. Глазьев, С.Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» / С.Ю. Глазьев. — М.: Изд. дом «Экономическая газета», 2011.
4. Гонтмахер, Е. Российская модернизация: институциональные ловушки и цивилизованные ориентиры / Е. Гонтмахер // Мировая экономика и международные отношения. — 2010. — № 10.
5. Дубенецкий, Я.Н. Модернизация экономики: направления, ресурсы, механизмы / Я.Н. Дубенецкий // Проблемы прогнозирования. — 2011. — № 4.
6. Ивашова, С. Комплексная застройка в крупных городах: кластерная модель управления / С. Ивашова // Проблемы теории и практики управления. — 2011. — № 4.
7. Кулешов, В.В. Модернизация экономики и её кадровое обеспечение / В.В. Кулешов // ЭКО. — 2010. — № 6.

8. Лаврикова, Ю.Г. Кластеры: стратегия формирования и развития в экономическом пространстве региона / Ю.Г. Лаврикова. – Екатеринбург: Изд-во ИЭ УрО РАН, 2008.
9. Лившиц, В.Н. О консервативном подходе к модернизации России: итоги дискуссии на конференции международной академии организационных наук / В.Н. Лившиц, А.А. Никонова // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 1.
10. Макаров, В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов / В.Л. Макаров. – М.: Бизнес Атлас, 2010.
11. Мау, В.А. Экономическая политика 2009 года: между кризисом и модернизацией / В.А. Мау // Вопросы экономики. – 2010. – №2.
12. Модернизация России в контексте глобализации // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – №3.
13. Модернизация социально-экономического развития муниципальных образований: в 2-х томах / под ред. акад. РАН А.И. Татаркина. – М.: Экономика, 2006.
14. Модернизация и экономическая безопасность России / под ред. акад. РАН Н.Я. Петракова. – М.: Финансы и кредит, 2010.
15. Наука и технология в Китае: дорожная карта до 2050 года: фундаментальный сводный доклад Академии наук Китая. – Пекин, 2010.
16. Реструктуризация регионального промышленного комплекса: от индустриальной к социально ориентированной модели: в 2-х томах / под ред. чл.-кор. РАН А.И. Татаркина. – М.: Экономика, 2005.
17. Сорокин, Д.Е. Модернизация российской экономики: ориентиры и возможности / Д.Е. Сорокин. – Саратов: Изд-во Саратовского государственного социально-экономического университета, 2011.
18. Старчевой, М. Новая модель человека для экономической науки / М. Старчевой // Вопросы экономики. – 2011. – № 4.
19. Стратегический план Екатеринбурга. – Екатеринбург, 2003.
20. Стратегический план развития Екатеринбурга: утвержден Городской Думой 26.10.2010 г. – Екатеринбург, 2010.
21. Сухарев, О.С. Методы оценки эффективности развития социальных систем: теоретико-измерительные проблемы / О.С. Сухарев // Экономический анализ: теория и практика. – 2010. – № 6.
22. Татаркин, А.И. Историческая миссия срединного региона в модернизации российской экономики / А.И. Татаркин // Федерализм. – 2011. – № 11.
23. Татаркин, А.И. Итоги мирового кризиса: что приобрел мир и что потеряла Россия? / А.И. Татаркин // Вестник УрО РАН: Наука. Общество. Человек. – 2011. – №1.
24. Татаркин, А.И. Регион как саморазвивающаяся социально-экономическая система: переход через кризис / А.И. Татаркин, С.В. Дорошенко // Экономика региона». – 2011. – №1.
25. Татаркин, А.И. Инновационная миссия модернизации общественного уклада как потребность устойчивого развития России / А.И. Татаркин, Д.А. Татаркин // Экономика региона. – 2011. – № 2.
26. Татаркин, А.И. Программно-проектное развитие регионов как условие устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации / А.И. Татаркин // Вестник УГГУ-УПИ. Серия экономика и управление. – 2011. – № 4.
27. Татаркин, А.И. Кластерная политика региона / А.И. Татаркин, Ю.Г. Лаврикова // Промышленная политика в Российской Федерации. – 2008. – № 8.
28. Татаркин, А.И. Диалектика формирования и функционирования саморазвивающихся территориальных экономических систем / А.И. Татаркин, Д.А. Татаркин // Федерализм. – 2009. – № 4.
29. Татаркин, А.И. Управление финансовыми рисками как условие межрегиональной сбалансированности / А.И. Татаркин // Финансовый аналитик. – 2010. – № 8.
30. Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. акад. РАН П.А. Минакира. – Хабаровск: Изд-во ДВО РАН, 2010.
31. Цветков, В.А. Основные направления модернизации отечественной экономики / В.А. Цветков // Экономика региона. – 2011. – №2.
32. Якушкина, Т. Формирование программы социально-экономического развития региона / Т. Якушкина // Проблемы теории и практики управления. – 2011. – № 4.

Этапы регулирования регионального развития в России*

Статья посвящена рассмотрению динамики системы государственного регулирования регионального развития в России. На основе использования диалектического и историко-логического методов анализа выделены этапы государственного регулирования.

На каждом этапе выявлены базовые цели, достижения, недостатки. Последствия регулирования рассматриваются через призму проблемы асимметричности социально-экономического пространства как своеобразного отражения доминирования ценностей социальности или эффективности в региональной политике, а также измерителя результативности практических мер управления. Аргументируется вывод о существенных теоретико-методологических недостатках регулирования регионального развития.

Региональное развитие, государственное регулирование, проблема дифференциации.

**Сергей Владимирович
БАРАНОВ**

кандидат физико-математических наук, доцент, старший научный сотрудник
Института экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН
bars.vl@gmail.com

Работы по рассмотрению динамики системы государственного регулирования регионального развития относительно редки. Вместе с тем значимость подобного рода исследований неоспорима, поскольку они позволяют соотнести теоретические воззрения на проблематику регионального развития и практические шаги органов государственной власти и управления. В работе результаты регулирования рассматриваются через призму проблемы асимметричности социально-экономического пространства. Акцент на этой проблеме обусловливается тем, что именно она

является отражением доминирования ценностей социальности или эффективности в региональной политике, а также своеобразным измерителем результативности практических мер управления.

Является общепризнанным, что именно пространственные различия служат базовым предметом исследования не только в отечественных, но и в зарубежных исследованиях. В частности, в трудах Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (Organisation for Economic Cooperation and Development – OECD), обобщающих теоретические аспекты и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Мурманской области по долгосрочной целевой программе «Развитие образования Мурманской области» на 2011 – 2015 годы» «Формирование методологии анализа и оценка асимметричности социально-экономического развития городов и районов Мурманской области», проект №11-12-51005а/С; при финансовой поддержке РФФИ научно-исследовательского проекта «Информационно-коммуникационные технологии в региональном пространстве и их влияние на социальное и экономическое развитие субъектов РФ», проект №11-06-00110-а.

практический опыт регулирования [23, с. 51], отмечается, что объектом государственного регулирования являются различного рода пространственные неравенства – различия в уровне и условиях жизни, занятости, темпах экономического развития отдельных регионов, условиях предпринимательства и т.д.

Одной из основных целей государственного регулирования является сведение к минимуму тех неравенств, которые потенциально способны привести к социальной напряжённости и конфликтам, мешают сбалансированному и эффективному развитию экономики и социальной сферы (см., например, в [24]). Очевидно, что особенно значимо решение этой цели для стран, где условия социально-экономического развития очень разнообразны.

Отметим, что в настоящем исследовании не будут приводиться детальные количественные данные, свидетельствующие о динамике развития межрегиональной дифференциации. Но приводятся ссылки на исследования, в которых подробно, апробированными статистическими методами исследуется феномен развития межрегиональной дифференциации по различным составляющим ресурсно-инфраструктурного, социального, финансово-экономического развития.

Сложность представления количественных выкладок связана именно с комплексностью феномена межрегиональной дифференциации. Следовательно, многообразием критериев, признаков, возможных методик оценки (подробнее о проблемах измерения дифференциации см., например, в [3]). Следовательно, возникает проблема громоздкости представления этих результатов. Нередко в теоретических работах используют такой приём: приводят разрыв по каким-либо показателям регионального развития («лучший» регион/«худший» регион).

Однако подобное упрощение недопустимо, ибо характеризует только размах, дифференциацию между двумя субъектами, оставляя в стороне факт существования ещё нескольких десятков других субъектов РФ. Поэтому в настоящей статье представлены выводы по результатам количественных исследований с соответствующими ссылками на работы.

На наш взгляд, с начала рыночных преобразований в России выделяется три этапа формирования современной системы государственного регулирования регионально-го развития.

Первый этап охватывает период 1991 – 1993 гг. Этот период можно назвать «периодом разрушения» сложившейся системы управления региональным развитием, а подход к регулированию можно назвать ситуационным.

Радикальные реформы характеризуются двумя тенденциями. С одной стороны, на федеральном уровне сохранялся ряд особенностей советского директивного контроля (в виде специализированных форм отраслевого накопления знаний; преобладание внутриотраслевой, а не региональной информации и т.д.) (подробнее см. в [16]). Очевидно, что это наследие предшествующего, советского периода.

С другой стороны, по мере ослабления возможностей федерального бюджета и контроля ряд полномочий центра делегировался вниз по вертикали власти. В результате появлялись новые формы региональной координации, характеризующиеся неформальным характером и приводящие к усилению роли региональной власти. Результат – неупорядоченное предоставление ряду регионов экономических льгот и привилегий (республики Татарстан, Башкортостан и т.д.), приведших к дисбалансу в реализации интересов регионов.

Эта характерная тенденция была обусловлена стремлением сохранить территориальную целостность страны в обмен на существенные уступки регионам.

Разрушение сложившейся системы экономических отношений привело к особенно резкому ухудшению социально-экономических характеристик следующих групп регионов.

Во-первых, регионов с высокой концентрацией производства ВПК (в силу сокращения государственных заказов и реализации непродуманной системы диверсификации) и производства товаров широкого потребления (в силу либерализации внешнеэкономической деятельности).

Вторая группа – периферийные регионы, важнейшей характеристикой которых является их расположение вне зоны экономической активности.

Третью группу, согласно сложившейся типологии, образуют «регионы, ранее получавшие из федерального бюджета значительные средства на инвестиции и дотирование производства и лишившиеся этих источников финансового существования (например, многие северные регионы)» [17, с. 21]. Нельзя согласиться с выделением регионов зоны Севера как проблемных регионов в связи с лишением их «источников финансового существования». Такой подход умаляет значение Севера для национальной экономики и роль особой северной специфики, предопределившей особую болезненность перехода от административно-плановых к рыночным отношениям. На взгляд автора, целесообразно третью группу определить как «регионы Севера». А причины их «проблемности» связать исключительно со спецификой северных территорий, связанной с повышенной стоимостью воспроизводства всех видов капитала и межбюджетными отношениями, «вымывающими» доходы с территорий их образования.

Несмотря на предложенное уточнение, обращает внимание и настораживает то обстоятельство, что при применении к РФ принятых в мире классификаторов на её территории практически не осталось регионов, которые не относились бы к разряду депрессивных. При этом в худшем положении оказались индустриально развитые регионы [19]. В относительно лучшем положении оказались добывающие субъекты РФ [21].

Таким образом, различные условия адаптации в условиях отсутствия целенаправленных мер государственного регулирования явились толчком к асимметричному социально-экономическому развитию пространства РФ. Ряд исследователей считает, что фактически это привело к закреплению специфической черты ещё советской экономики – несбалансированности регионального развития. С такой характеристикой СССР согласиться достаточно трудно. Социально-экономические характеристики регионального развития периода СССР свидетельствуют о существенных достижениях в решении проблемы несбалансированного, асимметричного развития.

В многочисленных исследованиях, посвящённых историческим аспектам становления государственного регулирования территориального развития, отмечается, что в данный период были задействованы все известные методы государственного регулирования: административно-правовые методы, налоговое администрирование, государственные заказы, методы прямого управления (государственные инвестиции, дотации, трансферты проблемным регионам) и т.д. Очевидно, что чрезвычайно низкая эффективность этих прямых и косвенных мер объясняется хаосом компромиссов между различными уровнями власти и проблемой коррупции.

Это закономерно привело к закреплению специфической черты этого этапа развития системы государственного регулирования территориального развития – нарушению единства правового и экономического пространства.

Обобщение работ Е.М. Бухвальда [5], С.Д. Валентея [6], Л.Н. Лыковой [13] позволяет установить многогранное влияние этой черты на развитие управленческих отношений федерального центра и регионов. Оно проявляется в «перманентной «бюджетной войне» РФ и её регионов; в полной неопределённости вопроса о собственности на подавляющую часть объектов... в неопределённости границ и форм вмешательства исполнительной и законодательной власти РФ в компетенцию образующих её субъектов... в навязывании регионам моделей преобразований, не учитывающих их социально-экономическую, социокультурную и прочую специфику; в практике невыполнения Центром принятых на себя обязательств перед местами» [6, с. 29].

Ситуацию усугубила и закономерная реакция регионов на недостаточно продуманные решения федерального центра при практическом отсутствии механизмов влияния на субъекты РФ. Например, достаточно часто отмечаемая попытка приобретения статуса субъекта под эгидой защиты «титульных наций», закономерно ограничивающая обеспечение единства общества. Доставшийся в наследство от СССР принцип «этнорегионального» (в терминах С.Д. Валентея) административно-территориального деления вызвал проблемы деформации. В частности, бывшие АССР (в РФ представленные республиками в составе России), обладая правом на конституции и другие атрибуты государственной власти, получили право претендовать на особый статус; национальные автономии оказались в правовом вакууме; оказался не

конкретизирован социально-экономический и политический статус национальных автономий, не являющихся субъектами РФ. Эти особенности в значительной мере обусловлены не только доставшимся от СССР административно-территориальным делением, но и процессом адаптации права под конкретно складывающиеся отношения компромисса между центральной и региональными политическими элитами.

В результате такой политической и, как следствие, экономической адаптации именно в этот период были инициированы процессы развития феномена высокой межрегиональной дифференциации, обусловленного как объективными факторами (географическими, культурными), так и субъективными (регулированием регионального развития).

Второй этап (1994 – 1999 гг.) характеризуется упорядочением системы государственного регулирования региональным развитием, укреплением вертикали власти, значительными усилиями и достижениями в сфере разграничения полномочий между уровнями власти и т.д.

Отметим, что анализ специфики государственного регулирования этого периода в различных аспектах представлен в работах А.Г. Гранберга [8], Н.И. Лариной [10], О.П. Литовки, Н.М. Межевича [12], А.О. Польшева [16], В.П. Самариной [19], Т.П. Скуфьиной [20], ряде авторских исследований [1, 2, 3]. Обобщение результатов указывает, что определяющей чертой этого этапа являлся переходный характер системы государственного регулирования – от «разрушения» до целенаправленного формирования системы взаимоотношений регионов и центра.

Впервые комплекс взаимосвязанных целей и задач территориального развития представлен в Постановлении Правительства РФ «Основные положения региональной политики в Российской Федерации».

Анализ этих задач позволяет определить, что основной целью управления территориальным развитием этого периода являлось решение проблемы углубляющейся межрегиональной дифференциации социально-экономического развития субъектов РФ. Отметим, что приоритетность этой цели была обусловлена объективными обстоятельствами.

Так, по оценке А.О. Полынева, разрыв между отдельными регионами по среднедушевому производству промышленной продукции достиг к 1996 г. примерно 100 раз, по величине среднедушевых денежных доходов населения — более 14 раз, по уровню официальной безработицы — 23 раз [16, с. 140].

В ряде авторских исследований подчёркивалась неправомерность определения межрегиональной дифференциации как размаха между «наилучшим» и «наихудшим» субъектом, поскольку оно оставляло в стороне иные, многократно апробированные способы оценки различий, учитывающие не два, а все субъекты РФ (см., например, в [3]). Однако острота проблемы асимметричности социально-экономического развития неоспорима. Именно поэтому в обсуждаемом Постановлении среди восьми важнейших задач региональной экономической политики государства отдельной задачей сформулировано «снижение чрезмерно глубокой дифференциации уровней социально-экономического развития регионов, поэтапное создание условий для укрепления в них собственной экономической базы роста благосостояния населения, рационализация систем расселения».

Ряд других задач также непосредственно касается решения проблемы асимметричности развития субъектов РФ. Например, задача «содействия развитию и углублению экономической реформы, формированию **во всех регионах многоукладной экономики**

(выделено нами. — С.Б.), становлению региональных и общероссийских рынков товаров, труда и капиталов, институциональной и рыночной инфраструктуры».

Другая задача — «развитие межрегиональных инфраструктурных систем (транспорта, связи, информатики и пр.)», что также способствует нивелированию различий между сильными и менее развитыми регионами, охваченными инфраструктурными проектами.

Следующая задача — «оказание государственной поддержки регионам со сложными условиями хозяйствования, требующими специальных методов регулирования (районы Арктики и Крайнего Севера, Дальний Восток, приграничные регионы и т.д.)» — направлена на учёт региональных различий в возможностях адаптации субъектов РФ к формируемым рыночным отношениям.

Отметим, что в среднесрочной программе «Реформы и развитие российской экономики в 1995 — 1997 гг.» была дана типизация проблемных регионов, в отношении которых необходимо проводить особую региональную политику. Очевидно, что учёт этих региональных особенностей при формировании и проведении территориальной политики также являлся залогом ослабления региональных социально-экономических диспропорций.

Важнейшей формой регулирования регионального развития, направленной на реализацию этих целей, в этот период выступали федеральные целевые программы социально-экономического развития регионов. По оценке А.Г. Гранберга, более 75% территории РФ было охвачено утверждёнными федеральными программами развития регионов. Как известно, результаты реализации федеральных целевых программ в России оказались крайне низкими.

Первая причина этого очевидна – недофинансирование программ (по оценкам специалистов, общий уровень финансирования программ не превышал 20% от запланированных объёмов). По мнению специалистов СОПС, вторая причина заключается в недостатках, заложенных в самих программах.

К типичным недостаткам формирования программ относят следующие. Во-первых, выборочное осуществление мероприятий программ, изменяющее первоначальный замысел, структуру и конечные цели. Во-вторых, отставание в создании механизмов реализации программ, особенно финансовых. В-третьих, слабая координация между федеральными целевыми программами, параллельно осуществляемыми на определённой территории. В-четвёртых, отсутствие зафиксированных правил распределения ограниченных финансовых средств между отдельными программами. В-пятых, недостаточный контроль за использованием бюджетных средств, выделяемых на программы, и за соответствием получаемых результатов целям программы [7].

Наряду с перечисленными недостатками также следует отметить слабое взаимодействие программ между собой как по горизонтали, так и по вертикали, отсутствие чёткой увязки целей, задач, средств конкретных программных документов с приоритетами в сфере территориальной политики на всех уровнях.

Другой особенностью этого периода является введение нового механизма финансовых взаимоотношений федерального центра и субъектов РФ. Суть его заключалась в образовании Фонда финансовой поддержки регионов (ФФПР), распределяющего по регионам федеральную помощь на основе установленных специальных процедур.

Можно полностью согласиться с мнением, что «внедрённый в практику механизм бюджетного регулирования не смог обеспечить равные возможности по укреплению доходной базы субъектов Федерации, кардинального улучшения финансового положения большинства регионов страны. Его существенным недостатком являлось игнорирование резкой территориальной дифференциации потребности региональных бюджетов...» [16, с. 141]. Именно это обусловило постоянные изменения процедур расчета распределения средств по субъектам РФ.

Однако следует констатировать: к концу века проблема межрегиональной дифференциации так и не была существенно преобразована. Более того, в подавляющем большинстве исследований [16] отмечается ее постоянный рост в течение рассматриваемого периода. Вместе с тем авторские расчёты по широкому перечню социально-экономических показателей и критериям оценки указывают на отсутствие тенденции роста межрегиональной асимметрии развития [1, 2, 3].

Полагаем, самым примечательным элементом формируемой модели межбюджетных отношений стало закрепление, по сути, унитарного характера региональной политики. Этот новый характер объяснялся усилением значимости решения основной декларируемой задачи – добиться преодоления тенденции углубляющейся дифференциации в уровнях экономического развития и текущем социально-экономическом положении регионов РФ. В частности, принятая в 1998 г. Концепция реформирования межбюджетных отношений в 1999 – 2001 гг., еще более закрепляющая унитарный характер региональной политики, определяет основное назначение ФФПР – выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ.

Отметим, что в этой региональной политике выравнивания заложен ряд противоречий.

Во-первых, как справедливо указывает Е.М. Бухвальдом, «активизация роли регионального звена российской экономики в обеспечении условий ее стабилизации и долговременного подъёма требует преодоления тенденций иждивенчества, которые неизбежно формируются ситуацией бесконечной бюджетной дотационности, и усиления прямой заинтересованности субъектов РФ в мобилизации внутренних ресурсов покрытия их важнейших нужд, включая и основную долю затрат социального характера» [5, с. 71].

О типичности такой позиции региональных властей свидетельствует, например, ситуация с задолженностями по заработной плате. Активное решение этой проблемы федеральными органами, особенно в 1998 г., привело к увеличению целевых денежных перечислений (на погашение долгов в 1998 г. Минфин направил 26,2 млрд. руб.) и ссуд на погашение задолженности по заработной плате (в 1998 г. общий объем выданных бюджетных ссуд составил 2,5 млрд. руб., списано долгов по ссудам на сумму 4,1 млрд. руб.) [5, с. 73].

Однако исследования Е.М. Бухвальда свидетельствуют, что на практике ситуация с нарастанием задолженности практически всех регионов перед работниками бюджетной сферы воспроизводилась в последующий период. Это связано с принятием субъектами РФ неисполнимых бюджетов, отвлечением денежных средств на иные нужды, а также с искусственной поддержкой низкого удельного веса расходов на заработную плату в общем объеме региональных затрат (в среднем по России их уровень составлял 16,8% по данным 1998 г.).

Ситуация такова, что выравнивание условий социально-экономического развития регионов федеральным правительством лишало власти субъектов РФ необходимой самостоятельности и, как следствие, региональные власти снимали с себя ответственность перед населением в случае неблагоприятного развития социально-экономической обстановки в регионах.

Вследствие этих противоречий прослеживалась и противоречивость в основных практических шагах региональной политики. Большинство исследовательских коллективов связывают эти противоречия с отсутствием четко сформулированных концептуальных начал развития российского федерализма.

Не отрицая этой важной причины, мы полагаем, что незавершенность и противоречивость национально-государственных преобразований в региональной сфере связана с большим количеством и объективных ограничений деятельности федеральной власти.

К первому ограничению следует отнести общеэкономическую ситуацию — экономический кризис, финансово-бюджетный кризис (обострившийся летом 1998 г.), высокую инфляцию и т.д.

О нарастании деструктивных тенденций в экономике, финансовой сфере свидетельствует значительный отток капитала за рубеж. По оценкам НБФ «Экспертный институт», на основе платёжного баланса РФ по сумме трёх статей (чистые ошибки и пропуски, торговые авансы и предоставленные кредиты, изменение задолженности по своевременно не поступившей валютной и рублевой выручке и непогашенным импортным авансам) вывоз капитала составил в 1996 г. 27904 млн. долл., в 1997 г. — 26061, в 1998 г. — 23342, в I квартале 1999 г. — 3665 млн. долл.

По оценкам рейтингового агентства Fitch IBCA, вывоз капитала из России за 1993 – 1998 гг. достиг 136 млрд. долл. [9]. Именно в этот период закрепляется явление неявного оттока капитала в виде увеличивающейся доли зарубежных инвестиций отечественными предприятиями, в том числе и государственными корпорациями.

Прямое воздействие финансового кризиса привело к резкому изменению соотношения рублевых поступлений в региональные бюджеты и размеров валютных обязательств перед иностранными кредиторами. Проблема усугубилась из-за невозможности рефинансирования долговых обязательств субъектов РФ за счёт эмиссии ценных бумаг в связи с закономерным уходом инвесторов с рынка субфедеральных ценных бумаг.

Ухудшение положения субъектов РФ осложнялось тем, что кредиты коммерческих банков 1998 – 1999 гг., предназначенные для инвестиционного развития регионов, фактически превратились в инструмент рефинансирования долговых обязательств, приводя к формированию своеобразной финансовой пирамиды. Например, в мае 1998 г. Ленинградская область привлекла кредит объемом 50 млн. долл. на инвестиционные цели. В результате 93% от суммы кредита было истрачено на погашение текущих долговых обязательств [14].

Рост убытков от деятельности предприятий, особенно в 1998 – 1999 гг., неизбежно привел к снижению объемов региональных и федеральных доходов. Отметим, что в этот период налог на прибыль играл важнейшую роль в формировании доходов региональных бюджетов. Например, бюджет Нижегородской области за 1998 г. исполнен на 88% плана, республики Башкортостан – 82%, Воронежской области – на 79% (и это при благотворном влиянии инфляции на исполняемость бюджетов).

Причём исследования А. Ляско демонстрируют, что региональные власти активно пользовались механизмами изменения законодательно установленного соотношения налоговых поступлений в федеральный и региональный центр (на тот период примерно 50:50) за счёт возможности внесения части платежей в неденежной форме в бюджет регионального уровня, что категорически было запрещено до сентября 1998 г. при взаимозачётах с федеральным уровнем.

Например, в 1998 г. в Челябинской области поступления в федеральный бюджет снизились по сравнению с 1997 г. на 38%, а в областной – только на 10% [14]. Фактически это подтверждает заявление С.Д. Валентея, сделанное ещё в 1996 г., о существовании «перманентной «бюджетной войны» РФ и ее регионов» [6, с. 29]. Вместе с тем полагаем, что в связи с ухудшением экономических условий деятельности субъектов региональной экономики и сравнительно малыми федеральными трансфертами проведение расчетов в безденежной форме между предприятиями и региональными бюджетами было закономерным и экономически оправданным явлением.

Второе ограничение связывается автором с перераспределением реальной власти от федерального центра в пользу субъектов РФ в предшествующем периоде.

Третье ограничение заключается в следующем. Нарастание проблем социально-экономического развития регионов РФ, производственной и инвестиционной сферы позволяет утверждать, что либеральный подход к проведению реформ за 1993 – 2000 гг. себя не оправдал, что объясняется практическим отсутствием рыночных механизмов.

Эти ограничения и неопределённость многих базовых положений региональной политики и управления, видимо, явились

причинами того, что несмотря на отнесение задачи уменьшения межрегиональной дифференциации к приоритетам управления, на этом этапе так и не удалось приступить к реализации комплексной программы выравнивания уровней социально-экономического положения регионов. Нерешённой осталась также задача формирования целостной программы поднятия депрессивных субъектов РФ. Статистические исследования [1, 2, 3, 18] показывают, что в аспекте межрегиональной дифференциации основополагающей особенностью этого периода явилось усиление региональных факторов, влияющих на социально-экономическую асимметричность развития РФ.

Третий этап в становлении системы регулирования регионального развития составляет период с 2000 г. по настоящее время. Выделение 2000 года как начала нового этапа связано с резким изменением Президентом РФ подхода к управлению территориальным развитием, направленным на укрепление вертикали власти за счёт концентрации федеральных финансовых и властных ресурсов, унификации взаимоотношений регион – центр, расширения обязанностей регионов. Справедливо считается, что наивысшим достижением этого этапа явилось чёткое разграничение полномочий между федеральными органами государственной власти, органами власти субъектов РФ и органами местного самоуправления на основе поэтапного принятия законов.

Так, Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» установил закрытый перечень полномочий органов государственной власти регионов

РФ по предметам совместного ведения, для выполнения которых на постоянной основе закреплены собственные доходы; установлено, что выравнивание бюджетной обеспеченности производится за счёт дотаций из Федерального фонда поддержки субъектов РФ.

Можно полностью согласиться с мнением В.А. Черепанова [22] и А.В. Безрукова [4], что для эффективной реализации намеченных преобразований федеративной реформы, во избежание противодействия на региональном уровне, необходимы усиление зависимости региональных органов власти от федерального центра и прямая подчинённость ему.

Это предопределило принятие Федерального закона от 11 декабря 2004 года № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В них отменена выборность высшего должностного лица субъекта РФ, определено наделение полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ по представлению Президента РФ; установлена процедура замещения должности руководителя субъекта РФ, существенно ограничивающая полномочия законодательного (представительного) органа субъекта РФ; упрощена процедура роспуска законодательного (представительного) органа субъекта РФ; определено, что в случае выражения недоверия Президентом РФ высшему должностному лицу субъекта РФ и за ненадлежащее исполнение обязанностей только Президент РФ имеет право отрешить его от власти.

Следует отметить, что задача государственного регулирования, состоящая в достижении социально-экономического равенства субъектов, занимала особое место в региональной политике в начальный период этого этапа.

Об этом свидетельствует принятие в конце 2001 г. Федеральной целевой программы «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002 – 2010 гг. и до 2015 г.)».

Однако, несмотря на очевидную важность для развития экономики и социальной сферы этой программы, задействующей интересы практически половины субъектов, согласно наблюдению М.М. Минченко, плановый объём финансирования по ней в 2003 г. был в 7 раз меньше, чем по программам развития Татарстана и Башкортостана [15].

Полагаем, что это результат перехода от политики «выравнивания» (реализующей цели социального равенства) к «эффективной» политике, ставящей основной целью развитие конкурентоспособных в глобальной экономике регионов и ориентирующей другие регионы на силы саморазвития. По замыслу Правительства, на поверхности региональных явлений эта новая цель должна реализовываться в виде максимизации производства ВРП.

В сфере межбюджетных отношений наблюдается дальнейшее усиление унитарного начала. Сокращение ресурсной базы регионов ограничивает возможности субъектов РФ задействовать механизм саморазвития.

Одной из основных причин этого является установка Правительства на сокращение доли расходов консолидированного бюджета в ВВП и территориальных бюджетов в налоговых доходах консолидированного бюджета РФ.

Вторая причина связана с передачей наиболее собираемых налогов из регионов в федеральный центр (НДС, платежи за пользование недрами, акцизы на табачную продукцию и т.д.) наряду с отменой налога с продаж, налога на пользователей автодорог и т.д.

Третья причина – дальнейшее закрепление обязанностей за региональными бюджетами в социальной сфере [15]. Исследования показывают, что в условиях полного самофинансирования регионами сферы государственных социальных услуг в 2005 – 2006 гг. регионы столкнулись с рядом дополнительных проблем, обусловленных неравными экономическими возможностями регионов. Наблюдался рост нехватки собственных финансовых ресурсов и в муниципальных образованиях, соответственно повысилась их зависимость от бюджетов вышестоящих уровней.

Во многом эти причины обусловили нерешённость проблемы межрегиональной дифференциации, в частности, по социальным показателям. Возрастание уровня депрессивности в РФ на фоне усиления федеральной власти приводит к появлению предположений, что «одной из неафишируемых задач начавшейся компании по созданию новых субъектов РФ путём объединения «депрессивных» («слабых», «отсталых», «проблемных» и т.п.) регионов с относительно благополучными является статистическое уравнивание территорий. Действительно, простейшими административными мерами можно достичь того, что различия между основными социально-экономическими параметрами 25 – 40 укрупнённых (и, одновременно, «усреднённых») регионов будут в 1,5 – 2,0 раза меньше, чем разница между исходными 89 субъектами РФ» [11]. Однако, на взгляд автора, основная причина объединения субъектов, обладающих титульными нациями, заключается в нивелировании проблем возможного сепаратизма.

Полагаем, что в условиях незавершённого текущего этапа реформ оценивать результаты пока преждевременно, но факты развития регионов указывают, что проводимая политика не создаёт базовых условий и предпосылок для саморазвития регионов. Это свидетельствует о нереализованности государственным управлением цели эффективности, направленной на формирование в регионах конкурентоспособных структур и активизацию внутренних факторов социально-экономического развития. Обращает внимание и нарастающие проблемы межрегиональной социально-экономической дифференциации, что указывает на нереализованность и цели социального равенства в региональном аспекте.

Обобщая итоги этих этапов реформирования государственной системы регулирования регионального развития, приходится констатировать, что ни одна из поставленных целей реформирования не была реализована, несмотря на то что на различных этапах государством были задействованы практически все известные мировому опыту индустриально развитых стран методы регулирования развития региональных систем. Это свидетельствует о серьёзных теоретико-методологических просчётах, приводящих к ошибкам в практике управления.

Так, если в период реализации политики «выравнивания» необходима была актив-

ная регулирующая роль государства, то наблюдалось противоположное — усиление самостоятельности, слабая зависимость регионов от федерального центра, либеральные формы реформирования.

В современный период региональной политики, направленной на активизацию сил саморегулирования в каждом субъекте РФ, регионам требуются финансовые и властные возможности для поиска, учёта и развития их специфического социально-экономического потенциала.

На практике наблюдается противоположное — сокращение собственной ресурсной базы регионов и усиление управляющего воздействия центра. Что же касается проблемы асимметричности социально-экономического развития, то её острота остаётся прежней.

С учётом некоторой неопределённости теоретических оснований государственного регулирования регионального развития представляется целесообразным при анализе и выработке предложений по управлению региональными системами идти не от теоретических постулатов к попыткам объяснить практические результаты государственного регулирования регионально-го развития.

Считаем необходимым идти от реальных показателей к поискам их теоретического объяснения, а затем — к разработке практических предложений по принятию экономически эффективных решений.

Литература

1. Баранов, С.В. Исследование межрегиональной дифференциации / С.В. Баранов // Экономические науки. — 2010. — № 4. — С. 113-118.
2. Баранов, С.В. Статистическая оценка асимметричности экономического развития Севера и несевальной части РФ / С.В. Баранов // Вопросы статистики. — 2010. — № 4. — С. 44-49.
3. Баранов, С.В. Технологии оценки неоднородности социально-экономического развития регионов Российской Федерации: проблемы и решения / С.В. Баранов // Экономическая наука современной России. — 2009. — № 3 (46). — С. 48-55.
4. Безруков, А. Реформы и судьба российского федерализма / А. Безруков // Федерализм. — 2005. — № 3. — С. 115-116.

5. Бухвальд, Е.М. Перспективы российского федерализма / Е.М. Бухвальд // Проблемы прогнозирования. – 1998. – № 4. – С. 70-77.
6. Валентей, С. Российские реформы и российский федерализм / С. Валентей // Проблемы прогнозирования. – 1996. – № 1. – С. 23-36.
7. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики / А.Г. Гранберг. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 495 с.
8. Гранберг, А.Г. Экономическое пространство России: трансформация на рубеже веков и альтернативы будущего / А.Г. Гранберг // Общество и экономика. – 1999. – № 3-4, 5.
9. Инвестиционный климат в России (доклад Экспертного института) // Вопросы экономики. – 1999. – № 12. – С. 5.
10. Ларина, Н.И. Смена парадигмы в региональной политике / Н.И. Ларина // Регион: экономика и социология. – 2000. – № 4. – С. 3-22.
11. Лексин, В. «Экономика удвоения» и ее территориальные последствия / В. Лексин // Федерализм. – 2005. – № 3. – С. 11.
12. Литовка, О.П. Реформа территориально-политического устройства Российской Федерации: анализ сложившейся ситуации и некоторые практические рекомендации / О.П. Литовка, Н.М. Межевич // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2001. – № 2. – С. 10-18.
13. Лыкова, Л. Некоторые проблемы развития бюджетного федерализма в России / Л. Лыкова // Федерализм. – 1996. – № 1. – С. 37-57.
14. Ляско, А. Экономический кризис и его последствия для бюджетной системы российских регионов / А. Ляско // Вопросы экономики. – 1999. – № 3. – С. 27.
15. Минченко, М.М. Актуальные проблемы ресурсного обеспечения территориального развития в Российской Федерации / М.М. Минченко // Проблемы прогнозирования. – 2004. – № 3. – С. 79.
16. Польшнев, А.О. Межрегиональная экономическая дифференциация: методология анализа и государственного регулирования / А.О. Польшнев. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – С. 136-137.
17. Региональное развитие: опыт России и Европейского союза / рук. авт. колл. и отв. ред. А.Г. Гранберг. – М: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2000. – С. 21.
18. Самарина, В.П. Ключевые элементы региональной политики взаимодействия государства и бизнеса / В.П. Самарина // Север и рынок: формирование экономического порядка. – Апатиты: Изд-во КНЦ РАН. – 2007. – № 1 (18). – С. 28-34.
19. Самарина, В.П. Оценка неравномерности социально-экономического развития субъектов Центрально-Черноземного экономического района / В.П. Самарина // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 8 (65). – С. 33-38.
20. Скуфьина, Т. Особенности социально-экономического развития областей Центрального Черноземья / Т. Скуфьина, В. Самарина // Федерализм. – 2008. – № 1. – С. 55-66.
21. Скуфьина, Т.П. О развитии Севера России / Скуфьина Т.П. // Экономические науки. – 2010. – № 4. – С. 109-113.
22. Черепанов, В. Федеративная реформа в России / В. Черепанов // Федерализм. – 2005. – № 3. – С. 98-102.
23. Tendencias regionales – 1998. Syntheses / INSEE. – Paris. – 1999. – № 22. – Pp. 32-34.
24. Wadley D. Restructuring the Regions: Analisis. Policy Model and Prognosis / OECD. – Paris, 1986. – P. 174.

Пути и методы экономической интеграции регионов Северного Кавказа

В статье рассматриваются возможности дальнейшей полноценной экономической интеграции субъектов Северо-Кавказского федерального округа в экономическое пространство России, их более активного включения в систему межрегиональных и международных связей, в крупные стратегические проекты. В исследовании автор использует методики и разработки ГНИУ «Совет по изучению производительных сил» Минэкономразвития России и РАН, а также собственные методологические наработки. Доказывается, что основой экономической интеграции субъектов Северо-Кавказского округа на современном этапе должно стать опережающее развитие транспорта, топливно-энергетического комплекса, создание промышленных кластеров, оптовых рынков сельхозпродукции, научных и образовательных центров.

Северо-Кавказский федеральный округ, экономическая интеграция, инновационное развитие, производственная и социальная инфраструктура.

**Светлана Артуровна
ЛИПИНА**

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Совета по изучению производительных сил Минэкономразвития РФ и РАН, профессор Института международных экономических связей
s.lipina@mail.ru

Для полноценной интеграции Северного Кавказа в экономическое пространство России принципиально важен и актуален главный приоритет – это включение данного региона в систему межрегиональных и международных хозяйственных связей, в крупные стратегические проекты и, конечно, развитие технологической инфраструктуры. Решение этой актуальной задачи – организации экономического пространства и экономической кооперации республик Северного Кавказа – требует определения «точек роста», особенностей экономических потенциалов, наличия институциональных факторов и административных возможностей для стабильного и

поступательного развития территории, определения места, ролевых функций и рейтинга республик.

Основными принципами экономической интеграции могут быть:

➤ обеспечение экономической (и не только экономической) безопасности региона, ибо угрозы существуют не только в сфере экономики, но и по отношению к самому этносу этого региона;

➤ преодоление территориальной замкнутости республиканских хозяйственных комплексов (агрохолдингов, МТК, промышленных групп, узловых производственно-хозяйственных структур) с созданием инфраструктурно обустроенных территорий с высоким уровнем

предпринимательской активности, которые могли бы связать в одну схему размещение и развитие производительных сил всего региона;

➤ повышение уровня инновационности экономики республик: формирование и развитие производственной инфраструктуры хозяйственного комплекса;

➤ создание общего цивилизованного, конкурентоспособного рынка не только в рамках межрегионального уровня, но и на уровне международных экономических связей, мирового рынка [6].

В связи с этим началом экономической интеграции субъектов Северо-Кавказского региона должно стать опережающее развитие ключевых инфраструктурных отраслей: *транспорта и топливно-энергетического комплекса*, которые являются стратегическими ориентирами развития «точек роста» и потенциальных кластеров в регионе.

Недостаточное внимание к этим ключевым регулирующим факторам интеграционного процесса республик может способствовать неравномерности распределения модернизационных процессов в регионе и отходу от построения единого экономического пространства Российской Федерации.

В связи с этим актуализируется вопрос о потенциальных возможностях каждой республики в транспортном обеспечении растущих объемов внешней торговли страны и международного транзита [6].

Здесь важно определиться с *главными приоритетами развития*, уловив тенденции и ориентиры соседствующих регионов, определяющие их будущий экономический облик:

- формирование общего цивилизованного регионального рынка, конкурентоспособного не только в рамках трансрегионального обмена, но и в международных экономических связях на мировом рынке;

- создание опорной сети связывающих территориально-хозяйственные комплексы субъектов Федерации (агрохолдинги, МТК, промышленные группы, узловые производственно-хозяйственные структуры), представляющих собой крупномасштабные модульные конструкции её «несущего» каркаса в схеме размещения и развития производительных сил как Юга России, так и страны в целостную экономику региона;

- развитие производственной инфраструктуры регионального хозяйственного комплекса (транспортных коридоров, интермодальных терминалов, информационно-компьютерных сетей, систем телекоммуникаций и др.) [6].

Для опережающего развития ключевой инфраструктурной отрасли топливно-энергетического комплекса (*речь идёт о нефтегазохимическом кластере на основе научно-производственного механизма*) предусмотрен комплекс мер государственной поддержки в Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 06.09.2010 № 1485-р) (далее – Стратегия) [3].

Для формирования в Северо-Кавказском федеральном округе нефтегазохимического комплекса или кластера необходим переход от этапа выживания к этапу обновления и развития, с полной модернизацией оборудования, экологически безопасного и основанного на самых современных технологиях глубокой переработки сырья, чтобы нефть и газ северного Каспия стали ресурсной базой промышленной добычи углеводородов в российском секторе Каспийского моря.

Ресурсы нефти и газа имеют стратегическое значение для региона и являются основой восстановления и развития нефтегазодобывающей и химической отраслей

промышленности, определяющих перспективы и эффективность развития экономики не только Чеченской Республики, но и большинства республик Северного Кавказа. Поступления от реализации добываемой нефти и продуктов её переработки смогут стать основой формирования доходной части республиканских бюджетов, способствовать привлечению инвестиций с целью поднять добычу, а также стать «локомотивом», способным вытянуть всю экономику республик.

В то же время строительство в Чеченской Республике крупного нефтеперерабатывающего завода, которое ведёт компания «Роснефть», вновь вернёт республике позиции одного из передовых центров российской нефтяной и нефтехимической промышленности и позволит создать нефтегазохимический кластер с научной базой в г. Грозном. Республика имеет шанс стать ведущей по этому направлению в России и привлечь под эту идею средства российских нефтяных компаний, российских органов охраны природы и международных экологических фондов.

Для этого требуется реорганизация системы управления в добыче нефти, в восстановлении системы продажи нефтепродуктов и сжиженного газа, в переработке нефти и связанных с этим процессом предприятий нефтехимической промышленности и вспомогательных машиностроительных заводов. По существу, речь должна идти о проекте создания заново локального производственно-научно-образовательного нефтегазохимического комплекса или кластера, который бы связал в единое целое весь нефтегазоперерабатывающий комплекс Северного Кавказа [1, 4].

В качестве первоочередных проектов можно рекомендовать развитие сети малых предприятий по добыче и переработке нефти и нефтепродуктов техногенного происхождения и нефтяных шламовых отходов,

образовавшихся в результате техногенных потерь и аварийных сбросов, в битум, мастику, мягкие кровли, краски и др. А стартом для формирования нефтегазохимического кластера может стать экологически безопасный проект по переработке нефти и газа Северного Каспия, реализуемый в Чеченской Республике компанией «Лукойл» и нефтеперерабатывающим заводом по новой технологии.

Развитие нефтехимического сектора продолжают нефтехимические заводы Ставрополя, работающие на отходах от НПЗ, производящие синтетические смолы, полимерные материалы, органические мономеры, олефины, ароматику и фармацевтическую продукцию. А реконструируемые в республиках химзаводы будут производить лакокраски, товары народного потребления, полимерные и стеклопластиковые трубы для ЖКХ, что обеспечит республикам особое место на рынке Юга России.

Научно-инновационное сопровождение деятельности этого кластера, подготовка и переподготовка специалистов для потребности кластера будет проходить на основе имеющейся научной базы (специалисты ЗАО «ГрозНИИ», ОАО «Грознефтегаз», видные учёные РАН, НИИ АН ЧР и многие др.) с ориентацией на межрегиональное взаимодействие.

Интеграционный потенциал экономик республик Северного Кавказа требует и решения важнейших стратегических задач по обеспечению экономической (и не только экономической) безопасности, и объединения общих усилий республиканских администраций для формирования конкурентного цивилизованного рынка в рамках регионального обмена.

Поэтому развёртывание в республиках в рамках промышленных кластеров особой экономической зоны промышленно-производственного типа, ориентированной на

развитие машиностроения (сборка автомобилей, сельхозтехники, воссоздание производств точного приборостроения), ёмкого регионального рынка сбыта продукции, а также наукоёмких производств в целях выпуска конкурентоспособной продукции и развитие межрегиональной и международной интеграции, будет способствовать снижению в республиках самого высокого в РФ уровня безработицы.

Для успешного развития интеграционных процессов в республиках Северного Кавказа опыт других российских регионов ограничен в применении, требует адаптации не только к их современным экономическим возможностям и потребностям, но и к национальным и историческим особенностям, к территориальным и межпоселенческим проблемам.

Однако это возможно только при консолидации усилий и взаимодействии органов власти всех субъектов Северного Кавказа (создание благоприятных экономических условий и прямая поддержка создания оптовых рынков для сдачи сельхозпродукции), научных центров с возложением на них функций научного обеспечения АПК региона, образования (подготовка и переподготовка кадров) и бизнеса (инвестирование предприятий).

Наличие большого количества экономически свободного населения с исторически сложившимися трудовыми навыками *увеличивает потенциальные возможности возрождения и развития сельскохозяйственного производства* всего Северо-Кавказского региона, а благоприятные климатические условия и плодородные, в основном чернозёмные земли могут объединить усилия по развитию аграрного комплекса северокавказских республик и Ставрополья.

Несмотря на то, что наметились некоторые позитивные тенденции, обусловленные более высокой доходностью фермер-

ства в зоне товарного зернового хозяйства, сельскохозяйственный малый бизнес на Ставрополье сталкивается с теми же проблемами, что и республики Северного Кавказа. Это низкий уровень товарности производства, неразвитость договорных отношений с перерабатывающими предприятиями, ценовой диспаритет на продукцию промышленности и сельского хозяйства.

В последнее время в многоукладной аграрной экономике Ставропольского края возрастает роль кооперативов (фермеры Ставрополья быстрее организуются в кооперативы и ассоциации на добровольных началах не только для совместной обработки земли, но и для переработки сельхозпродуктов с единым финансовым и материальным балансом, единой инфраструктурой рынка).

Однако в северокавказских республиках кооперативное движение находится в начальной стадии организации. В этих условиях агросектор Ставрополья может стать «мотором» подъёма экономики не только собственной, но и близлежащих северокавказских республик.

Активизируя процесс агропромышленной интеграции, обеспечивая сбалансированность в организационном, экономическом и технологическом отношениях деятельности хозяйственных систем, которые объединяют производство и переработку сельхозпродукции, можно способствовать соединению партнёрских интересов на основе договоров.

В настоящее время примерами более распространенных в сельском хозяйстве, разработанных наукой и апробированных на практике формирований могут служить различные агропромышленные структуры: агрофирмы, агрохолдинги, научно-производственные объединения, крупные корпорации.

Наиболее перспективными, по мнению экспертов, для лучшей интеграции Ставропольского края и республик Северного Кавказа могут быть отраслевые агрохолдинги, где производители сырья, сохраняя свои самостоятельные балансы, объединяются по экономическим интересам вокруг заводов, выступая как головные предприятия, сосредоточивая в своих руках производство, переработку и реализацию продукции, соблюдая интересы всех структур, беря на себя кредитование и материально-техническое обеспечение производителей сырья [1].

Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» определяет стратегию развития АПК на ближайшие годы [5]. В нём особое внимание уделяется созданию отраслевых союзов.

Опорой Ставропольской краевой индустрии была и остаётся в настоящее время пищевая промышленность. Существует сеть цехов и мини-заводов по производству молочной, сыроваренной, колбасной продукции, работают предприятия по переработке маслосемян, сахарные, консервные заводы и т.п. Суммарные мощности пищевой и перерабатывающей промышленности позволяют не только удовлетворить потребности населения, но и вывозить продукцию за пределы региона.

Имеющаяся потребность в дозагруженности сырьём может быть дополнена поставками из находящихся рядом республик Северного Кавказа, где производятся экологически чистые, высококачественные и безопасные для потребления продукты растениеводства и животноводства, на основе договорённости с правительствами этих республик о ценовом уровне закупок сырья.

Животноводческое хозяйство, являясь ведущим сектором сельского хозяйства северокавказских республик и Ставропольс-

кого края, ориентировано не только на удовлетворение продовольственных нужд населения, но и на обеспечение сырьём лёгкой и пищевой промышленности.

Главная роль здесь принадлежит скотоводству и тонкорунному овцеводству. Высококачественная шерсть и кожевенное сырье сегодня более дорогие, чем накачанные субсидиями партии такой же шерсти из-за рубежа. Проблема сбыта шерсти и кожевенного сырья стоит не только в Ставропольском крае, но и в республиках Северного Кавказа. Поэтому у овцеводческой отрасли есть перспектива стать рентабельной и конкурентоспособной при создании центров оптовой торговли для закупки в республиках и крае сырья и поставки его на шерстомоечные и кожевеннодубильные фабрики.

Решить маркетинговые проблемы и разработать рациональный подход к управлению может отраслевой агрохолдинг. Работа в рамках единой агропромышленной структуры будет способствовать объединению финансового и промышленного потенциала, снижению издержек производства и сокращению налогового бремени за счёт уменьшения посреднических звеньев. Перерабатывающие предприятия постоянно испытывают трудности с обеспечением регулярных гарантированных поставок сырья на переработку.

Издержки, связанные с приобретением сырья, настолько высоки, что необходимо формирование структуры с замкнутым технологическим циклом производства, с тесными внутривладельческими связями в сочетании с самостоятельностью и индивидуальной экономической ответственностью, т.е. создание таких производственных цепочек, которые позволят эффективно перерабатывать местное сырьё, обеспечивать хранение и реализацию конечного продукта.

Таким образом, став региональным монополистом по закупке и переработке сырья, возродится лёгкая промышленность Ставропольского края, а став рентабельной, она поднимет животноводческие хозяйства всего Северо-Кавказского федерального округа.

Не менее остро стоит проблема совершенствования технологии производства в молочной и сыроваренной промышленности для обеспечения повышения объёмов и качества заготавливаемого молока (первичной его переработки и увеличения закупок), а также проблема внедрения технологий комплексной и безотходной переработки сельскохозяйственного сырья с эффективным использованием вторичных ресурсов. Из-за отсутствия финансовых средств у перерабатывающих предприятий нередки случаи, когда ценное сырьё (обрат, пахта, сыворотка, пищевая кость и др.), самое лучшее, идёт на корм скоту, а худшее – выливается в отвалы или водоёмы.

Поэтому требуется разработка целевых программ по более углублённой переработке сельхозпродукции, а для этого необходимо формирование крупного научно-образовательного производственного объединения на основе окружного сельскохозяйственного научного потенциала, масломолочного агрохолдинга и союза фермерских хозяйств, которые и занимались бы такими разработками.

Ведь главная беда не в производстве сельхозпродукции, а в её хранении и реализации. Результативность АПК увеличится многократно, если будут налажены интеграционные отношения с центрами потребления этой продукции. Создание агрохолдингов будет наиболее приемлемой формой возрождения сельхозпроизводства при консолидации усилий и взаимодействий органов власти республик и производителей сельхозпродуктов.

«Такие хозяйства являются объединениями, представляющими собой кооперативную форму межотраслевой и межрегиональной организации производства, действующими под контролем единого управленческого органа»¹.

Ставропольский край издавна является одним из основных регионов России по производству винограда и центром виноделия. В крае действует крупный виноградарский комплекс с полным технологическим циклом производства, переработки и реализации винограда и виноматериалов, а также винно-водочной продукции.

В ближайшее время возможно создание агропромышленного объединения, которое не только закрепит за собой все виноградники края, но и на договорной основе с соседними северокавказскими республиками будет производить закупки сырья у крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) и личных подсобных хозяйств (ЛПХ). Это позволит не только улучшить их материально-техническую базу, но и будет носить менее затратный характер и способствовать повышению эффективности производственной деятельности.

Поскольку Юг России является единственным регионом, где производится рис, то возможное вступление профильных хозяйств – производителей риса из северокавказских республик – в недавно созданное некоммерческое партнёрство «Южный рисовый союз» (ЮРС) создаст более благоприятные условия для производителей.

При своей монополизации товаро-производители риса Ставропольского края и республик Северного Кавказа получат возможность регулирования ценообразования и будут обеспечены стабильными закупками.

¹ Жилоков А. Крупнотоварность как фактор эффективного использования производственного потенциала региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2007. – № 10 (49).

Предлагаемые преобразования в аграрном секторе будут способствовать не только росту производительных сил и переводу агропромышленного производства на инновационный путь с использованием высоких технологий, но и формированию единого рыночного пространства на Северном Кавказе.

С созданием на этой территории нового Северо-Кавказского федерального округа планируется создание *особых экономических зон* (ОЭЗ). По мнению автора, основная идея создания опорной сети ОЭЗ на спорных территориях регионов заключается в том, чтобы создать такой экономический механизм, где будут работать инвесторы разных этнических диаспор, которые свяжут территориально-хозяйственные комплексы республик в целостную экономику своей производственной инфраструктурой (транспортные коридоры, интермодальные терминалы, транспортно-перевалочные узлы, трубопроводы, информационно-компьютерные сети, энергомагистры, системы телекоммуникаций и др.) и создадут дополнительные возможности экономической интеграции субъектов.

Ещё одним важным и положительным эффектом интеграции является объединение усилий рекреационных территорий с созданием управляющей компании «Курорты Северного Кавказа» (КСК) со значительными льготами для предпринимателей, инвестирующих в северокавказские туристические объекты.

Это объективно хорошее начинание, так как может способствовать интеграции курортного и туристического бизнеса в регионе, оказывать поддержку в реализации инвестпрограмм и сформировать единый кластер горнолыжного туризма – от Каспия до Чёрного моря, соединив в общую транспортную и энергетическую инфраструктуру этот регион.

Однако здесь следует учитывать, что сложившееся положение, связанное с хронической нестабильностью в большинстве республик, вызывает тревогу, поэтому многие проекты по развитию туристического кластера представляются оторванными от реальности [2].

Безусловный приоритет в развитии важно отдавать тем направлениям, которые наиболее приемлемы для округа и обозначены уже давно: это максимальная диверсификация промышленности и сельского хозяйства, развитие тех видов деятельности, которые демонстрируют наибольшую эффективность и повышают конкурентоспособность республиканских экономик, создают рабочие места.

Каждая республика, входящая в Северо-Кавказский федеральный округ, имеет свою специфику, сформировавшуюся структуру экономики. Исторически сложилось, что в хозяйственном комплексе Северной Осетии большой удельный вес имеет металлургическое производство, а два переориентированных завода Дагестана – «Дагдизель» и «Дагэлектроавтомат» – могут производить двигатели для танков и тракторов, а также мини-тракторы для виноградарства.

За счёт частных инвестиций могут быть реализованы инвестпроекты в деревообработке, лёгкой промышленности; а местные запасы нерудных материалов создают хорошую базу для развития индустрии строительных материалов, которая будет способствовать трансграничному движению ресурсов и приведёт к усилению уровня межрегиональной интеграции.

Сегодня малый бизнес пытается реализовать себя во всех отраслях экономики, его доля в республиканском валовом региональном продукте постоянно растёт. Если будет инициироваться поддержка разных форм предпринимательства – кредитной

кооперации, микрофинансирования, гарантийных фондов, бизнес-инкубаторов, — то будет стимулироваться формирование новых компаний, новых форм взаимодействия и происходить «свободное перетекание» ресурсов (информационных, человеческих, финансовых и др.) между республиками.

При многоукладности экономики южного региона России возникает необходимость в разработке и реализации системы финансово-кредитной поддержки, которая, по мнению автора, в кратчайшие сроки и с высокой эффективностью не только позволит использовать малый и средний бизнес для увеличения занятости и улучшения материального положения

большой части населения республик, но и создаст условия для развития приоритетных этноэкономических специализаций муниципальных образований, расположенных на территории республик, как инструментов приграничного сотрудничества для развития этнотуризма.

Северный Кавказ необходимо полноценно интегрировать в информационное и гуманитарное пространство России. Что касается политической интеграции, то надо понимать, что этот вопрос для республик не столько политический, сколько социальный, гуманитарный, человеческий. Интеграционная активность жителей республик может стать весомым фактором стабилизации ситуации в регионе.

Литература

1. Липина, С.А. Республики Северного Кавказа. Приоритеты развития АПК / С.А. Липина. — М.: УРСС, ЛКИ, 2008.
2. Липина, С.А. Стратегические приоритеты социально-экономического развития республик Северного Кавказа. Пути и методы их достижения / С.А. Липина. — М., 2010.
3. Липина, С.А. Перспективы формирования туристско-рекреационного комплекса в республиках Северного Кавказа / С.А. Липина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2010. — № 34 (91).
4. Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 06.09.2010 № 1485-р.
5. Стратегия социально-экономического развития Чеченской Республики до 2020 года: Постановление Правительства Чеченской Республики от 09.11.2010 № 202.
6. О развитии сельского хозяйства: Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ.
7. Липина, С.А. Транспортная система Северо-Кавказского региона: безопасность и развитие: доклад на Международной конференции «Современные технологии безопасности на транспорте», состоявшейся в рамках форума «Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма» 26.05.2010 г. (ГД ФС РФ) / С.А. Липина.
8. Лексин, В.Н. Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. — Стереотип, 2009.
9. Ковалева, В.Д. Моделирование стратегического развития Южного федерального округа / В.Д. Ковалева; Ставропольский финансово-экономический институт // Региональная экономика. — 2007. — № 47.
10. Митрофанова, И.В. Программно-целевой подход к управлению территорией: анализ современного отечественного опыта / И.В. Митрофанова // Региональная экономика: теория и практика. — 2006. — № 6.
11. Овчинников, В.Н. Социально-экономические проблемы и ресурсы стабилизации положения на Северном Кавказе в новом геоэкономическом формате / В.Н. Овчинников // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2010. — № 12 (69).
12. Жилоков, А. Крупнотоварность как фактор эффективного использования производственного потенциала региона / А. Жилоков // Региональная экономика: теория и практика. — 2007. — № 10 (49).
13. Ярашева, А.В. Северный Кавказ: проблемы экономической интеграции. Эффективность экономических методов управления в сельскохозяйственных предприятиях АПК / А.В. Ярашева // Экономика, управление. — 2004. — № 10. — С. 69-73.

Оценка уровней социально-экономического развития регионов

(на примере Республики Коми, Архангельской и Вологодской областей)*

Сделана попытка усиления достоверности показателей, отражающих уровни развития регионов, и увязки их анализа с актуальными проблемами социально-экономической политики и пространственной интеграции. Предлагается для повышения объективности оценки уровня социально-экономического развития регионов использовать показатель добавленной стоимости на одного занятого с учетом структуры регионального хозяйства. Уровень социального развития, по мнению автора, наиболее емко отражается показателем соотношения среднедушевого дохода с величиной прожиточного минимума. Это в конечном счете позволит определить вектор региональной политики в направлении обеспечения социальной справедливости и устойчивого развития. В статье подчеркивается необходимость согласованности действий субъектов Российской Федерации и формирования межрегиональных программ развития «транзитной» инфраструктуры и «смежных» муниципалитетов.

Пространственные нормативы, экономические измерения, социальная стратификация, консолидация ресурсов и согласованные действия.

**Виталий Николаевич
ЛАЖЕНЦЕВ**

член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник Института социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН
askhabov@presidium.komisc.ru

Введение

Сравнение уровней развития стран и регионов — тема, имеющая такую же давнюю историю, как и сама социально-экономическая география и государственная статистика.

Предпосылки для сравнения были сначала познавательными и научно-аналитическими, затем — практическими с целью формирования региональной политики и фирменных стратегий.

* Написано на основе доклада VI Международной научно-практической конференции «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект» (Вологда, 6 – 8 октября 2011 г.).

К этим общим основаниям сравнения в настоящее время добавились такие актуальные проблемы, как:

- поиск территориального масштаба, адекватного требованиям устойчивого развития;
- формирование системы показателей, достоверно отражающей экономические результаты и социальный прогресс;
- необходимость усиления внутрироссийской пространственной интеграции, в том числе в рамках новых формирующихся макро- и мезоэкономических структур.

Если организацию общественных связей и отношений рассматривать под углом зрения устойчивого развития стран и регионов, то вполне правомерно возникает вопрос: какая территориально-хозяйственная система обладает свойством наибольшей устойчивости. По нашему мнению, та, которая соответствует (или почти соответствует) содержанию стандартного (идеального) социально-экономического района [3, 4, 6]. Двино-Печорский регион является «почти соответствующим», а поэтому становится в ряд опорных единиц макроэкономического районирования. Замечу, что региональная политика многих государств строится именно в рамках территорий, не оформленных в виде административных единиц [7]. В регионе, не наделенном правами административного управления, задачи устойчивого развития решаются через объединение усилий центрального (федерального) и региональных правительств, муниципалитетов, а также хозяйствующих субъектов в рамках целевых программ и общего территориального планирования.

Вторая предпосылка актуализации оценивания состояния и уровней регионального развития связана с пониманием сути статистических показателей и приведением их в соответствие с современными социально-экономическими процессами.

Здесь уместно сослаться на Доклад Комиссии по оценке экономических результатов и социального прогресса, созданной по инициативе Президента Франции Н. Саркози в 2008 г. [2]. Критическое отношение к ряду экономических показателей роста производства (в том числе ВВП) и смещение акцентов на социальные аспекты жизнедеятельности, отмеченное в Докладе, не может пройти незаметно для российской статистической службы и экономической науки.

Третья позиция актуализирует проблемы внутрироссийской пространственной интеграции, решение которых возвышается до национальной безопасности. Интеграция как финальная стадия всех других форм общественной организации хозяйства – концентрации, специализации, комбинирования и кооперирования – для практики полезна в виде непротиворечивой последовательности действий: сначала вертикальная связь на технологической основе, затем ее горизонтальная корректировка на основе консолидации потенциалов территорий для решения общих хозяйственных задач и далее разработка и реализация совместных проектов [6].

Двино-Печорский регион как территориально-хозяйственная система

Территориально-хозяйственной системой (ТХС) является взаимосвязь двух или более распорядительных центров по поводу использования общих природных и социальных ресурсов. Это могут быть системы локального, регионального и межрегионального уровня. Наиболее полное согласование природно-ресурсной, расселенческой, инфраструктурной подсистем происходит в рамках основных социально-экономических регионов, выделяемых в качестве единиц статистического учета и территориального планирования (проектирования) без обязательного административного оформления.

Специфика Севера заключается в том, что ни одна реальная ТХС здесь не достигает уровня основного социально-экономического района (табл. 1).

Различия в пространственных нормативах между стандартными и северными ТХС обусловлены тем, что для Севера характерны очаговость и дисперсность размещения производства и населения, исключение отдельных частей территории из нормативных условий жизнедеятельности, их выпадение из-за недостаточности территориального капитала из социально-экономических связей и процессов регионального развития и межрегиональной интеграции [1].

Пожалуй, единственным из северных макрорегионов, приближающимся к «стандарту», является Двино-Печорский в составе Республики Коми, Архангельской и Вологодской областей (табл. 2).

Двино-Печорский регион относительно стандартного экономического района имеет территорию больше примерно в 4 раза, но население – меньше в 2 раза и ВРП – на уровне 80 – 90%.

В формировании свойств и качеств его системности особую роль играют реки, бореальные леса и единство лесосырьевых баз, единая система топливно-энергетического хозяйства, транзитный и распределительный трубопроводный транспорт, дорожное строительство: железная дорога «Белкомур» (в перспективе «Баренцкомур»), автодороги Сыктывкар – Котлас, Усинск – Нарьян-Мар и др. Нельзя не отметить и «историческую память», которую несут такие понятия, как Заволочье, Биармия, Поморье, Северный край.

Экономические показатели

Республика Коми, Архангельская и Вологодская области в системе Двино-Печорского региона оцениваются нами как равнозначные по экономическому потенциалу, имеющие свои сильные и слабые стороны развития. Их пространственная интеграция при определенных внешних условиях могла бы служить существенным фактором повышения положительных эффектов и сглаживания отрицательных.

Таблица 1. Пространственные нормативы стандартных (1) и северных (2) ТХС [6, 8]

Центр	Радиус доступности, км		Территория ТХС, тыс. км ²		Население ТХС, тыс. чел.	
	1	2	1	2	1	2
Локальный	30-50	100-140	3-8	30-60	35-55	10-15
Базовый	80-100	200-250	20-30	125-200	400-600	200-350
Опорный	250-300	700-800	200-300	1500-2000	4000-6000	1500-3000

Таблица 2. Территория, население и объем ВРП Двино-Печорского региона

Административно-территориальная единица	Территория, тыс. км ²	Население, тыс. чел. *	ВРП, 2008 г., млрд. руб. **
Республика Коми	416,8	901,6	295,6
Архангельская область	589,9	1228,1	298,1
в т.ч. Ненецкий АО	176,8	42,7	91,5
Вологодская область	144,5	1202,3	298,1
Итого	1151,2	3332,0	891,8
Доля Двино-Печорского региона в России, в %	6,73	2,33	2,60

* По переписи населения.

** Здесь и в других таблицах сведения показаны по «Регионы России. Социально-экономические показатели». 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 996 с. В анализе динамики прожиточного минимума и некоторых других показателей использован стат. сб. «Регионы России» других лет, начиная с 2005 г.

Под внешними в данном случае подразумеваются условия, складывающиеся в рамках общей региональной политики государства, нацеленной на укрепление национальной безопасности, формирование единого рыночного пространства, повышение качества жизни людей с учетом природных особенностей мест их проживания, этнокультуры и хозяйственных укладов.

Региональная политика предполагает, прежде всего, объективную оценку уровней социально-экономического развития регионов. Для этого широко используется показатель «внутренний региональный продукт» (ВРП), отражающий абсолютный, а в расчете на душу населения относительный объем экономической деятельности. Для каких-либо других измерений ВРП приходится применять с коррекцией на конкретные обстоятельства. Например, динамика оценивается, как правило, на базе постоянных цен. Однако если имеется интерес к уяснению роли ценового фактора, то динамику можно считать и по текущим ценам в сравнении с ценами постоянными.

В России за период 2000 – 2008 гг. внутренний валовой продукт (ВВП) в текущих ценах вырос в 3,3 раза больше, чем в постоянных, что говорит о запредельно высокой инфляции. Кроме того, значительное влияние на экономический рост оказывают структурные сдвиги внутри ВВП (ВРП) в сторону услуг, более всего – финансово-банковских, в том числе не связанных с реальным производством и товарооборотом. Установка политического руководства страны на удвоение ВВП за десять лет почти выполнена, но в том числе и за счет указанных сдвижек.

Если при оценке уровней социально-экономического развития страны и ее регионов необходимо подчеркнуть различия в эффективности труда, то резонно ВРП считать на одного занятого экономической деятельностью.

Вместе с тем хорошо известно, что отдельные ее виды весьма значительно различаются по стоимостному эффекту, как бы заранее ставя регионы разной специализации в неравное положение. Поэтому сравнение регионов будет более достоверным и справедливым, если учесть указанные структурные различия. Это можно сделать, определяя уровень развития каждого вида экономической деятельности и «взвешивая» этот уровень на долю того же вида деятельности в общей сумме ВРП региона (табл. 3 и 4)¹.

Как видно из таблиц, структурная составляющая оказывает большое влияние на показатели уровня развития. Отметим самое существенное.

В Республике Коми треть добавленной стоимости приходится на добычу полезных ископаемых, дающую положительный эффект в части занятости, прибыли², налогов, в социальном развитии трудовых коллективов и территорий.

¹ Видовая структура экономической деятельности отражается статистикой по «добавленной стоимости».

² Указывая на прибыль как экономический эффект, нельзя не обратить внимания на методологические трудности выявления реальной ситуации в рентабельности отдельных производств и их региональных совокупностей. Во-первых, фиксируемый статистикой сальдируемый результат (прибыль минус убытки) не имеет каких-либо экономических последствий. Образно говоря, не ясно, что с ним делать? Во-вторых, колебания в получении прибыли, в том числе вызванные влиянием финансового кризиса, не адекватны силе этого влияния. Признаки кризиса порой рассматриваются в качестве повода для скрытия реальной прибыли и увода ее из-под налогообложения. В-третьих, не понятно, как может функционировать рыночная экономика, если от 30 до 40% предприятий являются из года в год, на протяжении десятилетий, убыточными. В плановой экономике убытки покрывались государством, в рыночной – только в сельском и жилищно-коммунальном хозяйстве или в экстремальных случаях на транспорте и в промышленности. Тем не менее в Республике Коми удельный вес убыточных предприятий составлял в 2000 г. 47%, в 2009 г. – 38%; в Архангельской области в 2002 г. – 51%, в 2009 г. – 39%; в Вологодской области в 2002 г. – 36%, в 2009 г. – 34%; в целом по России в 2002 г. – 43%, в 2009 г. – 32%. «Здравый смысл» такого рода убыточности можно понять только по логике корпоративной экономики, когда у ряда предприятий, входящих в производственную компанию, продукция покупается головными предприятиями этой компании по специально заниженным ценам (ниже себестоимости), что опять же дает общую экономию на налогах.

Таблица 3. Оценка уровней развития Республики Коми, Архангельской и Вологодской областей по видам экономической деятельности на основе показателя «добавленная стоимость на одного занятого» с учетом структуры хозяйства, 2008 г., в % (Россия – 100%)

Виды деятельности	Республика Коми			Архангельская обл.			Вологодская обл.			Двино-Печорский регион в целом		
	Структура, %	Уровень, раз	«Вклад» в общий уровень развития*	Структура, %	Уровень, раз	«Вклад» в общий уровень развития	Структура, %	Уровень, раз	«Вклад» в общий уровень развития	Структура, %	Уровень, раз	«Вклад» в общий уровень развития
Сельское, лесное, рыбное хозяйство и охота	2,2	0,68	1,496	3,7	0,90	3,33	5,4	1,09	5,886	3,8	0,92	3,496
Добыча полезных ископаемых	31,9	0,94	29,986	20,7	2,20	45,54	17,5	1,19	20,825
Обрабатывающие производства	10,8	1,29	13,932	16,4	0,78	12,792	50,0	1,93	96,5	25,8	1,43	36,894
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4,5	0,99	4,455	1,7	0,38	0,646	3,3	0,86	2,838	3,2	0,74	2,368
Строительство	7,8	1,80	14,04	9,6	2,26	21,696	6,5	1,59	10,335	8,0	1,89	15,12
Торговля и бытовой ремонт	9,8	1,00	9,8	12,6	0,68	8,568	8,0	0,42	3,36	10,1	0,64	6,464
Гостиницы и рестораны	0,4	0,71	0,284	0,8	0,80	0,64	0,5	0,46	0,23	0,6	0,64	0,384
Транспорт и связь	9,6	0,87	8,352	13,4	0,97	12,998	9,8	0,90	8,82	11,0	0,92	10,12
Операции с недвижимостью	9,7	0,99	9,603	5,2	0,59	3,068	4,5	0,61	2,745	6,5	0,74	4,81
Образование	2,6	0,94	2,444	3,4	1,00	3,4	2,4	0,78	1,872	2,8	0,90	2,52
Здравоохранение и социальные услуги	3,5	1,05	3,675	4,4	0,99	4,356	3,8	0,98	3,724	3,9	1,00	3,9
Прочие услуги, включая коммунальные	0,9	0,59	0,531	0,9	0,56	0,504	1,0	0,63	0,63	0,9	0,59	0,531
Другие виды деятельности	6,3	1,13	7,119	7,2	1,10	7,92	4,8	0,85	4,08	5,9	1,02	6,018
Общий уровень с учетом структуры хозяйства	100,0	-	105,7	100,0	-	125,5	100,0	-	141,0	100,0	-	113,5

* Уровень умножается на «долю» в структуре хозяйства.

Таблица 4. Оценка уровней экономического развития Республики Коми, Архангельской и Вологодской областей в 2008 г., % (Россия – 100%)

Регион	ВРП на душу населения	ВРП на одного занятого в экономике	ВРП (добавленная стоимость) на одного занятого с учетом структуры хозяйства
Республика Коми	127,5	124,0	105,7
Архангельская область	97,7	96,0	125,5
Вологодская область	101,2	98,3	141,0
Двино-Печорский регион в целом	107,2	104,7	113,5

Но в Коми она (добыча) не дает приращения к среднероссийскому уровню развития, так как во многих других регионах имеет более высокие результаты. К тому же падение добычи угля, нефти и газа в республике не возмещается равнозначным освоением новых месторождений полезных ископаемых.

И, наоборот, обрабатывающие производства имеют здесь эффект выше среднероссийского благодаря целлюлозно-бумажной промышленности, нефте- и газопереработке. Сыктывкарский ЛПК, Ухтинский нефтеперерабатывающий и Сосногорский газоперерабатывающий заводы после реконструкции, проведенной в 2004 – 2009 гг., заняли ведущие места в своих отраслях хозяйства. Республика Коми имеет относительно высокую позицию по добавленной стоимости в строительстве. Это обусловлено большой капиталоемкостью профильных отраслей промышленности и транспорта, а также северным удорожанием.

Архангельская область имеет ВРП на душу населения чуть ниже, чем в среднем по России, но заметно выше с учетом структуры хозяйства, главным образом, благодаря освоению в Ненецком автономном округе³ новых месторождений нефти. Область имеет также высокую добавленную стоимость в строительстве.

Различия в результатах оценки уровней экономического развития разными показателями особенно ярко видны на примере Вологодской области. Здесь, в отличие от Республики Коми и Архангельской области,

³ Ненецкий АО в экономическом анализе можно было бы отделить от Архангельской области. Однако его моноспециализация на добыче нефти дает очень высокие уровни относительно средних данных по России (в %): ВРП на душу населения – 901,3; ВРП на одного занятого – 564,8; добавленная стоимость, взвешенная по структуре хозяйства, – 418,5. Сравнение округа с регионами, имеющими разветвленную структуру видов экономической деятельности, теряет реальный смысл.

сельское хозяйство имеет уровень результативности даже немного выше среднероссийского.

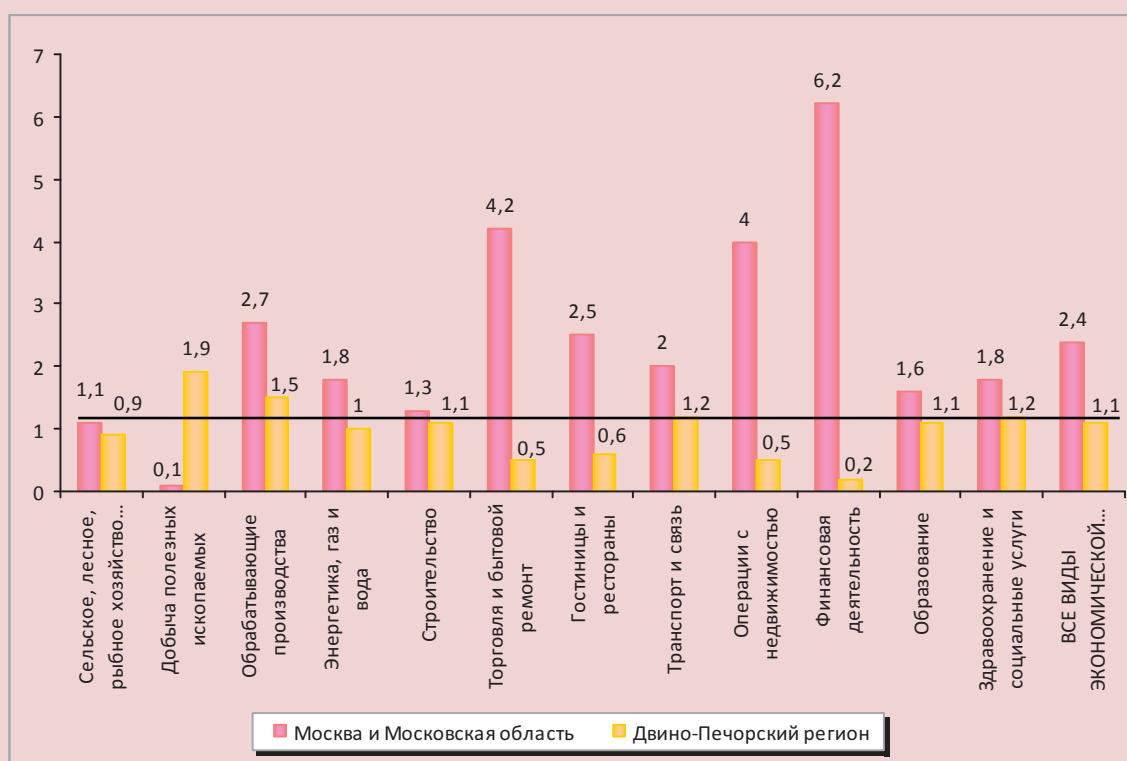
Самую же существенную добавку дают обрабатывающие производства, куда включены металлургия и химическая промышленность г. Череповца, машиностроение и текстильная промышленность г. Вологды, деревообработка в г. Соколе и других местах, а также строительство. Остальные отрасли имеют оценки, понижающие место области в экономике страны.

Результат деления доли региона в России по добавленной стоимости в конкретном виде деятельности на долю региона в численности населения представляет *коэффициент локализации*: во сколько раз данная деятельность в регионе представлена больше или меньше в сравнении с Россией в целом (*рисунок*).

Существенные различия в локализации отраслей материального производства достаточно достоверно отражают специализацию регионов. В Двино-Печорском регионе (суммарно) это относится к добыче полезных ископаемых, обрабатывающим производствам, строительству, транспорту и связи. Широкий набор отраслей специализации отличает Европейский Север от Азиатского. Однако и здесь многие локальные хозяйственные системы являются монопрофильными, что таит в себе угрозу безработицы, особенно в периоды экономических кризисов⁴.

⁴ В 2009 г. (пик отрицательного влияния мирового финансового кризиса на экономику России) уровень безработицы составил в целом по стране 8,4%, Республике Коми – 11,8, Архангельской области (без НАО) – 7,1, Ненецком АО – 9,7, Вологодской области – 10,9%. Уровень зарегистрированной безработицы в сельских и лесозаготовительных районах выше, чем в среднем по Республике Коми, в 2–3 раза, соответственно, чем в Архангельской области, – 1,6–2,8 раза, Вологодской – 1,4–1,6 раза. Рассчитанная по методике МОРТ безработица выше зарегистрированной в Коми в 3,8 раза, Архангельской области – 2,6, Вологодской – 3,6 раза. По оценке же ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН, это превышение в Республике Коми составляет 5–6 раз.

Коэффициент локализации видов экономической деятельности
относительно численности населения (Россия – 1,0)

В контексте монопрофильности уместно напомнить классическое экономико-географическое сравнение региона с образом двуликого Януса, одно лицо которого ориентировано на внешние, второе – на внутренние потребности и интересы. Развивать экономику для нужд «собственного» населения крайне необходимо, что сглаживает недостатки узкой специализации, но с учетом соответствующих потенциалов соседних городов и территорий.

Коэффициент локализации образования, здравоохранения и социальных услуг в Двино-Печорском регионе в целом, Республике Коми и Архангельской области выше единицы. Это можно оценить положительно и объяснить наличием крупных университетских комплексов и специализированных медицинских центров в Архангельске и Сыктывкаре.

Вместе с тем надо иметь в виду и такое объяснение, как дороговизна бюджетных и платных услуг, вызванная частично дополнительными затратами на заработную плату в соответствии с районными коэффициентами и стажевыми надбавками для районов Крайнего Севера и местностей, к ним приравненных.

Для сравнения приведены коэффициенты локализации по Москве и Московской области, взятых в качестве единого региона.

Уровень локализации всех видов экономической деятельности здесь в 2,4 раза выше, чем в среднем по России. Это вполне нормально, особенно для обрабатывающих производств (2,7), гостиниц и ресторанов (2,5), образования (1,6), здравоохранения (1,8), но чрезмерно много для торговли (4,2), операций с недвижимостью (4,0) и финансовой деятельности (6,2).

Из 1058 кредитных организаций, зарегистрированных в РФ на начало 2010 г., 522 (49,3%) находятся в Москве; в них сконцентрировано 42,7% рублевых вкладов юридических и физических лиц и 70% – в иностранной валюте. Конечно, столичный регион закономерно имеет высокий уровень сосредоточения рыночной инфраструктуры. Негатив в данном случае заключается в том, что этот уровень получен в основном за счет ее недоразвитости в большинстве других регионов страны. Не соблюдается один из основных принципов размещения производительных сил – обеспечение национальной безопасности, – который распространяется на все виды экономической деятельности, включая и финансово-банковскую.

Социальные показатели

В социально-экономическом развитии социальная составляющая оценивается многогранно: от организации рабочих мест до «экономики счастья», от абсолютной бедности до почти полного благополучия. При этом счастье и благополучие каждый социальный слой населения понимает по-своему. Не углубляясь в социологию, сделаем попытку из многочисленных статистических показателей выбрать те, которые наиболее достоверно характеризуют

социальные аспекты жизнедеятельности под углом зрения оценки уровней регионального развития.

В части денежных доходов к таким показателям мы отнесли их среднедушевой объем и соотношение с величиной прожиточного минимума (табл. 5).

Видно, что высокие доходы не всегда соответствуют такому же уровню обеспеченности населения деньгами относительно прожиточного минимума. Именно соотношение доходов и прожиточного минимума отражает реальную ситуацию в социальном развитии регионов. Только с учетом этого факта можно судить о динамике роста реальных доходов (табл. 6).

Данные, приведенные в таблицах 5 и 6, отражают следующее.

- Стоимость прожиточного минимума растет быстрее, чем реальные денежные доходы. Это обусловлено тем, что индексы цен, принимаемые в расчет среднедушевых реальных доходов и величины прожиточного минимума, охватывают разный по объему набор товаров: в первом случае он достаточно широк, во втором – относительно узок и включает продукты питания, одежду и услуги жилищно-коммунального хозяйства. Цены на товары первой необходимости, особенно на услуги ЖКХ, растут

Таблица 5. Среднедушевые денежные доходы и величина прожиточного минимума в 2008 и 2009 гг.

Россия и регионы	Среднедушевые доходы в месяц				Величина прожиточного минимума в IV кв.				Соотношение доходов и прожиточного минимума в IV кв.			
	рублей		в % к России		рублей		в % к России		%		в % к России	
	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.
Россия	14941	16857	100,0	100,0	4693	5144	100,0	100,0	364,7	386,1	100,0	100,0
Республика Коми	18636	20125	124,7	119,4	6198	6798	132,1	132,1	321,3	319,4	88,1	82,7
Архангельская область	14824	17218	99,2	102,1	5661	6210	120,6	120,7	292,9*	301,7*	80,3	78,1
Вологодская область	12193	12125	81,6	72,0	4851	5270	103,4	102,4	276,8	259,2	75,9	67,1
Двино-Печорский регион в целом	14905	16169	99,8	95,9	5513	5801	117,5	112,8	294,8	291,2	80,8	75,4

* По Архангельской области статистика не отражает соотношение среднедушевых доходов и прожиточного минимума в IV квартале, поэтому данное соотношение показано к величине начисленной заработной платы.

более быстрыми темпами, но именно они определяют степень материального достатка большей части населения.

- По соотношению реальных доходов и прожиточного минимума северные регионы уступают многим другим, что и влияет на отток населения.

- По динамике данного соотношения общероссийскому показателю среди трех рассматриваемых регионов уступает только Республика Коми, население которой сократилось весьма существенно – с 1240 тыс. в 1990 г. до 906 тыс. в 2010 г.

- Финансовый кризис негативно сказался на обеспечении деньгами населения Республики Коми и Вологодской области, ведущие предприятия которых в значительной мере ориентированы на экспорт; Архангельская область в этом аспекте социального развития оказалась устойчивее.

Распределение общего объема доходов по группам населения отражает степень социальной стратификации общества (табл. 7).

В России она чрезмерна повсеместно, особенно в регионах с высокой капитализацией нефтегазовых ресурсов, например в Республике Коми и Ненецком автономном округе. О том, что такое положение не соответствует образу социально справедливого государства, наукой заявлено уже давно. Однако положительных сдвигов в сторону социальной справедливости в последние годы не наблюдается; расслоение населения по доходам даже несколько увеличивается. Но есть и положительная динамика: доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в общей численности населения снизилась за период 2000 – 2009 гг. в России с 29,0 до 13,2%, Республике Коми – с 26,3 до 16,6, Архангельской области – с 33,5 до 14,0, в том числе Ненецком АО – с 37,9 до 7,3, Вологодской области – с 28,5 до 18,4, в целом по Двино-Печорскому региону – с 28,7 до 16,1%. В принципе же указанная доля должна быть приведена к нулевой отметке.

Таблица 6. Рост денежных доходов населения в реальном выражении и их соотношения с величиной прожиточного минимума, в %

Россия и регионы	Рост среднедушевых реальных доходов		Рост соотношения реальных доходов и прожиточного минимума	
	2005 – 2009 гг.	2009 г. к 2008 г.	IV кв. 2004 – IV кв. 2009 г.	IV кв. 2008 – IV кв. 2009 г.
Россия	148,7	101,0	120,2	105,8
Республика Коми	119,4	95,5	110,6	99,4
Архангельская обл.	155,8	103,3	122,0	109,0
Вологодская обл.	128,6	89,6	125,9	93,6
Двино-Печорский регион в целом	136,2	102,7	120,2	100,9

Таблица 7. Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в 2005 – 2009 гг.

Россия и регионы	Удельный вес группы населения, %				
	Первая (с наименьшими доходами)	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая (с наибольшими доходами)
Россия	5,5 – 5,1	10,2 – 9,8	15,2 – 14,8	22,7 – 22,5	46,4 – 47,8
Республика Коми	5,0 – 5,0	9,6 – 9,8	14,7 – 14,7	22,5 – 22,5	48,2 – 48,1
Архангельская область	6,5 – 5,9	11,3 – 10,8	16,1 – 15,6	23,0 – 22,9	43,1 – 44,8
в т.ч. Ненецкий АО	5,3 – 4,6	9,9 – 9,2	15,0 – 14,2	22,6 – 22,3	47,2 – 49,7
Вологодская область	6,4 – 6,3	11,3 – 11,2	16,0 – 16,0	23,0 – 23,0	43,3 – 43,5
Двино-Печорский регион в целом	6,1 – 5,8	10,8 – 10,6	15,7 – 15,5	23,0 – 22,8	44,5 – 45,3

Представим такое желаемое состояние, когда:

- коэффициент дифференциации доходов составит не более 10 раз, что предельно допустимо с точки зрения удержания социальной стабильности;
- группа населения с наименьшими доходами будет иметь среднедушевой доход не ниже прожиточного минимума;
- соотношение среднедушевых доходов и прожиточного минимума в сравниваемых регионах не ниже, чем в среднем по России, исключая Москву, то есть примерно 333%.

При заданных условиях и их проекции на ситуацию 2009 г. среднедушевые доходы должны были бы составить в месяц: в Республике Коми – 20,6 тыс. руб., Архангельской области – 18,6, Вологодской области – 16,0 тыс. руб. Отклонение от фактических доходов составляет от 2% (Республика Коми) до 32% (Вологодская область).

Как нам представляется, приведенные в *табл. 8* расчетные данные есть вектор региональной политики в направлении социальной справедливости и устойчивого развития. Ясно, что сам собой он не исполнится, поскольку доходы первых двух групп населения (из десяти) потребуются увеличить в Республике Коми в 3,0, Архангельской области – в 2,4, Вологодской области – в 1,7 раза. Именно жизнеобеспечение населения с наименьшими доходами сопряжено с решением наиболее трудных задач в области занятости, создания рабочих мест с относительно высокими доходами и соответствующей подготовкой кадров, активизации коммерческой предпринимчивости, организации общественных работ для обездоленных, нормативного регулирования различий в размерах заработной платы и предельных цен на товары первой необходимости, реструктуризации расходов населения⁵ и повышения объема социальных выплат.

Таблица 8. Распределение денежных доходов по 10-процентным группам населения с учетом величины прожиточного минимума в IV кв. 2009 г. и при заданных (желаемых) условиях*, тыс. руб.

Регион	Величина прожит. минимума	Группа населения										Среднедушевой доход в месяц		
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Расчет	Факт. IV кв. 2009 г.	Соотношение расчета и факта, раз
Республика Коми	6,8	7,0	8,2	10,3	12,6	13,4	16,5	20,6	24,7	31,0	62,0	20,6	20,1	1,02
Архангельская обл.	6,2	6,5	7,6	10,8	12,1	13,2	15,8	17,7	22,3	26,0	54,0	18,6	17,2	1,08
Вологодская обл.	5,3	5,5	6,4	9,5	10,7	12,0	13,6	16,2	19,4	22,1	44,8	16,0	12,1	1,32
Двино-Печорский регион в целом	6,0	6,3	7,2	10,1	11,8	12,9	15,4	17,9	21,7	25,7	52,0	18,1	14,9	1,21
Удельный вес групп населения в распределении общей суммы доходов, %	-	3,4-3,5	4,0-4,1	5,0-5,9	6,1-6,7	6,5-7,5	8,0-8,5	9,5-10,1	12,0-12,1	13,8-15,0	28,0-30,0	-	-	-

* Условия обозначены в тексте.

⁵ По данным Комистата за 2008 г., люди с наименьшими доходами тратили на питание 50,5% своих расходов, с наибольшими – 16,2%; на покупку непродовольственных товаров – соответственно 17,7 и 67,3%. Это тоже признак чрезмерной социальной стратификации.

Предлагаемые пропорции в распределении общей суммы реальных денежных доходов почти не затрагивают интересов групп населения со средними и высокими доходами, хотя социальный разрыв и общий уровень концентрации доходов (коэффициент Джини) заметно снизятся (табл. 9). Для реализации предлагаемого потребовалось бы (в общем ряду перечисленных мер) повышение роли государственных фондов социального обеспечения, что многие связывают с введением прогрессивной шкалы налогообложения. Правда, это политическое решение по известным причинам может быть заблокировано. В таком случае следовало бы дифференцировать саму базу налогообложения, выделив заработную плату, доходы от собственности, дивиденды, корпоративные премиальные и другие источники, каждый из которых имел бы свою плоскую налоговую ставку существенно выше, чем налог на заработную плату.

Согласованное развитие

Совершенствование регулирования социально-экономического развития во многом зависит от согласованных инициатив субъектов Федерации, тем более если они представляют интересы населения, объединенного единым социально-экономическим пространством, в нашем примере — Двино-Печорским.

На первых порах региональным правительствам целесообразно сосредоточить внимание на рационализации межбюджетных отношений, нормировании участия каждого региона в реализации общегосударственных программ и национальных проектов, формировании межрегиональных программ развития «транзитной» инфраструктуры и «смежных» окружных и районных муниципалитетов.

В согласованном развитии Вологодской, Архангельской областей и Республики Коми заинтересованы такие хозяйствующие субъекты, как Управление Северной железной дороги (г. Ярославль), ОАО «Белкомур» (г. Сыктывкар), Вологодская лесостроительная организация «Северный филиал государственной инвентаризации лесов Федерального государственного унитарного предприятия «Рослесинфорст», Двино-Печорское бассейновое водное управление Федерального агентства водных ресурсов (г. Архангельск), Архангельский центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, почти все нефтегазодобывающие и геологоразведочные организации, работающие на севере Республики Коми и в Ненецком автономном округе. Значительная роль в координации стратегий и программ социально-экономического развития отводится региональным правительствам

Таблица 9. Показатели социальной стратификации: фактически в 2009 г. и расчетно при заданных (желаемых) условиях

Регионы	Коэффициент фондов*		Коэффициент Джини**	
	Факт	Расчетно	Факт	Расчетно
Республика Коми	17,2	8,8	0,426	0,371
Архангельская область	12,8	8,3	0,385	0,340
Вологодская область	11,4	8,1	0,369	0,332
Двино-Печорский регион	13,5	8,3	0,391	0,342

* Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) характеризует степень социального расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самым высоким и 10% населения с самым низким доходами.
 ** Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения. Чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы.

и «смежным» муниципалитетам. Однако заметим, что они эту роль реализуют пока вяло, ограничиваясь договорами о сотрудничестве, без создания общих институтов инвестирования и проведения крупных хозяйственных мероприятий.

В качестве перспективного объекта пространственной интеграции можно было бы рассмотреть территорию под условным названием «пять углов»: юг Архангельской области (Котлас, Сольвычегодск, Коряжма, Вычегодский), юг Республики Коми (Объячево, Спаспоруб, Лойма, Летка), восток Вологодской области (Великий Устюг, Кичменгский Городок, Никольск, Пермас),

север Кировской области (Луза, Пинюг, Опарино, Мураши), восток Костромской области (Вохма, Пищуг, Павино). Это должен быть объект особого территориального планирования, районного проектирования и программно-целевого управления. Проблемность указанных территорий не вызывает сомнений, поскольку именно в этих «углах» особенно отчетливо проявляется неудовлетворительное состояние периферии. Сомнение возникает лишь относительно интеграционных желаний и способностей органов государственного и муниципального управления в их реализации.

Литература

1. Дмитриева, Т.Е. Методологический контекст пространственного развития северного региона / Т.Е. Дмитриева // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2009. – № 1(39). – С. 22-29.
2. Доклад Комиссии по оценке экономических результатов и социального прогресса // Вопросы статистики. – 2010. – № 11. – С. 12-29; № 12. – С. 13-46.
3. Зимин, Б.Н. Малые высокоразвитые страны Западной Европы – теоретические итоги исследования / Б.Н. Зимин // Известия РАН. Сер. географ. – 1993. – № 2. – С. 95-104.
4. Колосовский, Н.Н. Избранные труды / Н.Н. Колосовский. – Смоленск: Ойкумена, 2006. – 336 с.
5. Лаженцев, В.Н. Теория пространственной интеграции и практика межрегионального взаимодействия / В.Н. Лаженцев // Горизонты экономического и культурного развития: материалы пленарного заседания Второго Северного социально-экологического конгресса / отв. ред. В.А.Черешнев. – М.: Наука, 2007. – С. 64-68.
6. Лаженцев, В.Н. Взаимосвязь теории и практики (пример методологии экономико-географического исследования) / В.Н. Лаженцев // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2010. – № 3. – С. 99-105.
7. Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / под ред. Л.М. Григорьева, Н.В. Зубаревич, Г.Р. Хасаева. – М.: ТЕИС, 2011. – 347 с.
8. Северный город. – Л.: Стройиздат, 1984. – 168 с.

Пути и проблемы энергоэффективного развития экономики ЖКХ северных регионов России на базе инновационных технологий

В статье рассматриваются проблемы энергосбережения и повышения энергоэффективности в жилищно-коммунальном хозяйстве северных регионов России и пути их решения на базе применения инновационных технологий с использованием энергосервисных контрактов как возможного механизма финансирования инвестиций в этой сфере. В качестве примера рассмотрена реализация пилотного проекта «Энергоэффективный квартал» в г. Апатиты Мурманской области.

Энергоэффективность, инновационные технологии, жилищно-коммунальное хозяйство, северные регионы, энергосервисные контракты.

**Александр Борисович
КОТОМИН**

кандидат технических наук
ведущий научный сотрудник ИЭП КНЦ РАН
abkotomin@iep.kolasc.net.ru

Применение высоких технологий в промышленности и сельском хозяйстве является одной из основ и необходимой предпосылкой модернизации экономики РФ, но при этом, в условиях российского капитализма, само по себе оно не оказывает прямого положительного воздействия на качество жизни подавляющего большинства жителей страны.

В то же время внедрение инновационных технологий и материалов в сферу ЖКХ напрямую может снизить энергопотребление, повысить энергоэффективность и улучшить условия жизни людей. Особенно это актуально для северных муниципалитетов, на жителей которых оказывается давление с различных направлений. Это и суровые климатические условия, которые почему-то никак не смягчаются, несмотря на «глобальное потепление», что приводит к увеличению продолжительности отопительного сезона в этих регионах до 8 – 9

месяцев в году. Это и постоянно опережающий инфляцию рост тарифов на тепло- и электроэнергию для населения в условиях фактически монопольного рынка этих товаров и энергодефицитности большинства северных регионов.

Жилищный кодекс и принятые в дополнение к нему законы и подзаконные акты усугубляют ситуацию с долгами населения энергетикам за потребленное тепло из-за отсутствия регламентации использования управляющими компаниями средств, собранных с населения, и страхования рисков, связанных с банкротством этих компаний. Кроме того, эта ситуация характерна не только для северных регионов, но и для всей страны: «Практически полное отсутствие конкуренции на рынке услуг энергосбытовых компаний привело (в период с 2001 по 2010 г. – Прим. авт.) к более чем десятикратному росту стоимости тарифов ЖКХ» [1].

По данным департамента продаж элитной недвижимости компании Penny Lane Realty, в 2001 году у москвичей на оплату коммунальных услуг уходило в среднем 15% ежемесячного дохода, а в 2010 году – уже 25%, причем у пожилых людей почти вся пенсия (без доплат из московского бюджета) уходит на оплату жилья и коммунальных услуг. Таким образом, «...рост тарифов ЖКХ не только провоцирует рост цен на услуги по управлению жилой недвижимостью и создает условия для незаконного обогащения многих управляющих компаний, но и повышает социальную напряженность среди жителей столицы» [1].

Итак, энергосбережение и повышение энергоэффективности в сфере ЖКХ могут частично демпфировать негативные эффекты роста тарифов в этой сфере и смягчить возникающую при этом социальную напряженность.

По оценкам Всемирного банка, приведенным в докладе «Энергоэффективность в России: скрытый резерв», потенциал энергоэффективности выглядит следующим образом (табл. 1).

Как видно из таблицы, только около 45% потенциала энергоэффективности в жилищной и социальной сфере является привлекательным для инвесторов, а остальные 55% (в лучшем случае) придется оплатить собственникам жилья и муниципалитетам («бюджетная сфера») из своих в основном дефицитных бюджетов.

Правовые основы осуществления мероприятий по энергосбережению и повышению энергоэффективности в сфере ЖКХ в Российской Федерации

Федеральным законом № 261-ФЗ [2] в обязанности муниципалитетов внесено «утверждение и реализация муниципальных программ в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности, организация проведения энергетического обследования многоквартирных домов, помещения в которых составляют муниципальный жилищный фонд в границах муниципального образования...» Там же, в п. 4 ст. 12, прямо указано: «В целях повышения уровня энергосбережения в жилищном фонде и его энергетической эффективности в перечень требований к содержанию общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме включаются требования о проведении мероприятий по энергосбережению и повышению энергетической эффективности многоквартирного дома...органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации утверждают перечень мероприятий по энергосбережению и повышению энергетической эффективности в отношении общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме, подлежащих проведению одновременно и (или) регулярно. **Лицо, ответственное за содержание многоквартирного дома, или при непосредственном**

Таблица 1. Потенциал повышения энергоэффективности в среднем по России

Сфера достижения энергоэффективности	Общий потенциал, %	Финансово привлекательный потенциал, %
Здания	68,6	30,9
Обрабатывающая промышленность	41,5	33,2
Электроэнергетика	44,4	5,8
Производство тепла	10,4	2,6
Распределение тепла	17,3	15,9
В транспорте, в т.ч. трубопроводном	23,4	19,7

управлении многоквартирным домом собственники помещений в многоквартирном доме обязаны проводить мероприятия по энергосбережению и повышению энергетической эффективности, включенные в утвержденный перечень мероприятий по энергосбережению и повышению энергетической эффективности в отношении общего имущества... Собственники помещений в многоквартирном доме обязаны нести расходы на проведение указанных мероприятий... в праве требовать от лица, ответственного за содержание многоквартирного дома, осуществления действий, направленных на снижение объема используемых в многоквартирном доме энергетических ресурсов, и (или) заключения этим лицом энергосервисного договора (контракта), обеспечивающего снижение объема используемых в многоквартирном доме энергетических ресурсов».

Таким образом, в отношении общего имущества собственникам придется платить независимо от их желания. Расходы на данные мероприятия, по-видимому, просто будут включены в квитанции на оплату коммунальных услуг.

Кроме того, в п. 5 ст. 13 этого закона указано: «До 1 января 2012 года **... собственники помещений в многоквартирных домах, введенных в эксплуатацию на день вступления в силу настоящего Федерального закона, обязаны обеспечить оснащение таких домов приборами учета используемых воды, природного газа, тепловой энергии, электрической энергии, а также ввод установленных приборов учета в эксплуатацию.** При этом многоквартирные дома в указанный срок должны быть оснащены коллективными (общедомовыми) приборами учета используемых воды, тепловой энергии, электрической энергии, а также индивидуальными и общими (для коммунальной квартиры) приборами учета используемых воды, природного газа, электрической энергии».

С учётом средней стоимости одного квартирного счетчика в размере около 1,5 – 2 тысяч рублей только на приобретение и установку приборов учета в собственной квартире каждому собственнику помещения в течение 2011 года придется заплатить дополнительно от 3 до 6 тысяч рублей, что в масштабах страны составит от 150 до 300 миллиардов рублей! Откуда возьмут эти деньги малообеспеченные слои населения, неизвестно, скорее всего, чтобы не вызвать социального протеста, подобного тому, который последовал после принятия Федерального закона № 122-ФЗ, данный закон придется корректировать по ходу исполнения. Что же касается энергосервисных контрактов, то о них будет сказано ниже.

На сегодняшний день существует множество технологий производства и применения в домостроении современных энергосберегающих материалов и конструкций, энергоэффективных систем отопления и освещения, информационных технологий оптимального управления потреблением электроэнергии и тепла в жилищном хозяйстве.

Широкое применение имеющегося мирового, да и собственно российского опыта в этой сфере в нашей стране позволило бы в полной мере обеспечить параметры энергосбережения в сроки, прописанные в Энергетической стратегии России до 2030 г. (одобрена распоряжением Правительства РФ от 13.11.2009 № 1715-р) [3], Федеральном законе от 23.11.2009 № 261-ФЗ, Государственной программе энергосбережения и повышения энергетической эффективности на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 27.12.2010 № 2446-р) [4] и сопутствующих им нормативных актах.

Конечно, это в основном так называемые «догоняющие» инновации, но лучше они, чем ничего.

Важнейшим условием при этом является наличие источника (источников) финансирования необходимых и достаточных инвестиций. В российских условиях мы не можем применить ни опыт западных стран с их развитым рынком жилья, регламентированным экологизированным законодательством и нацеленным на энергосбережение и энергоэффективность, ни опыт наших соседей – белорусов, где государство в плановом порядке проводит соответствующие мероприятия, оплачивая основную долю расходов из бюджета. По доходам населения и по тому, что основным выгодоприобретателем при внедрении энергосбережения все-таки является государство, белорусский опыт нам ближе, но по идейно-политическим мотивам он, судя по всему, неприемлем для российской элиты, находящейся у власти в настоящее время. Поэтому, как уже было показано, основная доля расходов на проведение мероприятий по повышению энергоэффективности жилого фонда ляжет тяжелым грузом на плечи российских собственников жилья.

В соответствии с 261-ФЗ, во всех регионах и муниципалитетах России в 2010 году были разработаны программы комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры муниципальных образований (ПКР СКИ). В этих программах, согласно методическим рекомендациям, должны присутствовать мероприятия по энергосбережению и повышению энергоэффективности коммунальной инфраструктуры, включая жилой фонд. Так, например, пункт 32.3 «Методических рекомендаций по разработке ПКР СКИ», утвержденных приказом Министерства энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Мурманской области от 5 апреля 2010 года № 16, определяет: «Раздел «Предложения по применению ресурсосберегающих технологий» следует разрабатывать с учетом требований Федерального закона

от 23.11.2009 года № 261 «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», что и было формально сделано в региональной программе.

Инновационный потенциал программ по энергосбережению и повышению энергоэффективности в сфере ЖКХ

В то же время сфера ЖКХ могла бы стать масштабным и привлекательным рынком для внедрения инновационных технологий в области энергоэффективности. Перечислим некоторые инновационные проекты, потенциально реализуемые в сфере ЖКХ [5]:

1. Использование современных теплоизоляционных материалов для утепления ограждающих конструкций, а также стеклопакетов при строительстве и капитальном ремонте жилых домов.

2. Строительство блочных (домовых) электрокотельных высокого напряжения для диверсификации источников теплоснабжения и снижения теплопотерь в сетях городов с централизованным теплоснабжением.

3. Применение при строительстве и капитальном ремонте жилых домов современных тепловых центров и обогревателей с автоматической системой контроля и регулировки температуры.

4. Внедрение автоматизированных систем управления уличным и внутридомовым освещением.

5. Применение энергоэффективных, в том числе светодиодных, источников света, с целью существенного снижения энергопотребления, как для уличного и придомового освещения, так и в многоквартирных домах.

6. Применение ветроустановок в интегрированных системах с дизельными электростанциями и малыми ГЭС для энергоснабжения удаленных изолированных пользователей.

7. Применение тепловых насосов при строительстве жилых домов с использованием низкопотенциальной энергии земли, атмосферы, водоёмов.

8. Утилизация вторичного тепла вентиляционных потоков и сточных вод.

9. Перевод существующих котельных с мазута и газа на современные технологии использования в качестве топлива энергетических углей (Воркута, Инта, Артемовск и др.) и штыба с возможностью применения древесных отходов.

10. Строительство новых современных твердотопливных котельных вблизи центров тепловых нагрузок для снижения теплопотерь при транспортировке теплоносителя. Так, применение в Белоруссии минеральных плит, изготавливаемых в Гомеле и Березе методом каменного литья из базальтового сырья для утепления фасадов и кровель панельных домов («термомех»), позволило сократить теплопотери через ограждающие конструкции зданий в 3,5 – 4 раза и соответственно снизить затраты теплоносителя на их обогрев. Срок окупаемости таких проектов составляет 7 – 8 лет. В настоящее время идет активная работа по применению данной технологии утепления в городах Белоруссии (Минск, Витебск, Гомель, Могилев и ряд других) [6]. В России, например в Мурманской области, имеются все предпосылки (сырье, электроэнергия, рынок сбыта) для развертывания производства аналогичной продукции, что хорошо вписывается в стратегию повышения энергоэффективности.

Применение электродкотельных на высоком напряжении в Мурманской области, где имеется избыток мощности по выработке электрической энергии, позволило снизить затраты на закупку дорогого экспортного сырья – мазута и улучшить экологическую обстановку. При этом эксплуатация низковольтных электродкотельных оказалась экономически невыгодной.

Замена при проведении капитального ремонта многоквартирного дома нерегулируемого теплового узла элеваторного типа на тепловой узел с автоматическим регулированием и возможностью съема информации на компьютер (например, тепловой узел ООО «Данфос»), а также комплекс соответствующих мероприятий на внутридомовых тепловых сетях позволяют потреблять только реально необходимое тепло и оплачивать фактически потребленное количество теплоносителя, обеспечивая равномерное отопление всего дома.

Эффективность этого типа мероприятий тем выше, чем полнее выполнен комплекс энергоэффективных мероприятий, таких как:

- установка коллективных приборов учета;
- ремонт сетей электроснабжения;
- ремонт сетей теплоснабжения;
- ремонт сетей водоснабжения;
- ремонт системы водоотведения;
- ремонт подвальных помещений;
- утепление ограждающих конструкций здания;
- установка металлических утепленных подъездных дверей с домофонами;
- замена деревянных окон на стеклопакеты в местах общего пользования (подъезды) и квартирах и др.

По данным ООО «Данфос», окупаемость данных проектов составляет 2,5 – 3 года и требует затрат в размере 200 – 400 руб. на квадратный метр общей площади. Часть перечисленных работ можно выполнять с использованием средств Фонда содействия реформированию ЖКХ в соответствии с Федеральным законом №185-ФЗ. Остальные мероприятия требуют использования механизма энергосервисных контрактов и привлечения средств собственников жилья. Необходимо отметить, что выполнению данного комплекса работ должен предшествовать этап проведения энергоаудита здания с использованием тепловизионной съемки в холодное (зимнее) время года.

Использование в сфере ЖКХ энергоэффективных световых приборов, в частности, в числе и на основе применения светодиодов, в сочетании с автоматизированными системами управления, контролирующими уровень естественного освещения, и датчиками движения в помещениях способно снизить энергозатраты на уличное и внутридомовое освещение в 3,5 – 4 раза.

В ряде северных регионов России, например в Мурманской области, имеются все необходимые составляющие (сырье, технология, оборудование, кадры, рынок сбыта) для налаживания производства светодиодных осветительных приборов. В частности, налажен выпуск опытных образцов уличных и подъездных светильников в ООО «Северные кристаллы» в г. Апатиты. Сейчас они проходят эксплуатационную проверку в рамках проекта «Энергоэффективный квартал», однако уже ясно, что необходимо существенно снизить как себестоимость, так и цену приборов.

На значительных территориях на севере и северо-востоке России практически отсутствуют магистральные электрические сети. Имеющиеся централизованные электроэнергетические системы изолированы от Единой энергетической системы (ЕЭС) России, имеется значительное число удаленных изолированных пользователей, использующих дизельные электростанции (ДЭС). Из-за удаленности и сложности доставки дизельного топлива цена электроэнергии, получаемой от таких станций, в 3 – 4 раза, а то и более превышает рыночную. Многие из этих станций из-за высокой степени износа потребляют в два раза больше топлива, чем это положено по нормативам.

Именно для таких пользователей применение альтернативных источников энергии и использование ветроустановок и малых ГЭС (там, где это возможно), интегрированных с ДЭС, позволяет не

только повысить надежность энергоснабжения, но и сэкономить до 50% дизельного топлива [7].

К сожалению, применение тепловых насосов в российской строительной практике носит эпизодический характер в отличие, скажем, от развитых стран. Например, в Стокгольме примерно четверть жилого фонда отапливается с применением тепловых насосов. Использование тепловых насосов позволяет при новом строительстве полностью или частично отказываться от централизованного теплоснабжения, экономя при электроподогреве теплоносителя до 75% электроэнергии.

В ряде северных регионов России, например в Мурманской области [8], имеются достаточные условия для эффективного применения теплонасосов как в градостроительстве, так и в промышленности. Также практически не используются в российских условиях технологии рекуперации вторичного тепла вентиляционных потоков и сточных вод, что приводит к дополнительным затратам теплоносителя на обогрев зданий и «греет» окружающую среду.

Конечно, замена мазутных котельных и ТЭС на угольные трудно напрямую отнести к инновациям в сфере ЖКХ, однако она связана с ценой на теплоноситель для населения и при соблюдении ряда требований определенные элементы новаторства здесь также присутствуют.

По данным ОАО «Регионэнерго менеджмент групп» (Мурманская область), к таким требованиям относятся:

✓ механизированная подача угля и золоудаление (необходимо для обеспечения высокого КПД установки);

✓ автоматизация технологических процессов;

✓ обязательное наличие циклонов для очистки дымовых газов;

✓ обязательное оснащение котельной системой водоподготовки для предотвращения коррозии в тепловых сетях;

✓ возможность использования древесных отходов (до 50%);

✓ перенос котельных к центру тепловых нагрузок — для снижения потерь тепла при транспортировке теплоносителя.

При этом возможно использование низкосортных энергетических углей и даже штыба, причем их сжигание в «кипящем слое» существенно повышает КПД угольных установок. Кстати, оршинские энергетики (Белоруссия), сжигая фрезеровочный торф в смеси с песком в «кипящем слое», получили КПД энергетической установки, близкий к угольной. Значительный опыт по использованию торфа, наряду с биотопливом, в качестве местного энергоресурса и топлива для ТЭЦ накоплен в Финляндии. Может быть, использование опыта наших соседей и есть искомая альтернатива ежегодным пожарам на подмосковных торфяниках и дополнительный источник углеводородного топлива в регионах Европейского Севера, богатых этим ресурсом?

Конечно, при переходе с мазута и газа на уголь возникает проблема золоотвалов, которую придется решать в каждом конкретном случае индивидуально. С другой стороны, и мазут, и особенно газ являются экспортным сырьем, и его экономия на внутреннем рынке позволит сохранить экспортный потенциал даже в условиях сокращения добычи нефти и газа. Другим обоснованием перехода на уголь при производстве тепла и электроэнергии может служить цена сырья (табл. 2).

Таким образом, без учета затрат на содержание золоотвала использование угля в российских условиях экономичнее, чем использование мазута, в 2,8 раза. Эти расчеты подтверждаются на практике: так, цена гигакалории, получаемой жителями г. Апатиты от Апатитской ТЭЦ, работающей на угле, в несколько раз меньше, чем от мазутных котельных и ТЭЦ в других городах Мурманской области.

Еще одним источником повышения энергоэффективности для ТЭЦ является комплексная выработка тепла и электроэнергии (КВТЭ) при централизованном обслуживании потребителей. Так, применение КВТЭ в Финляндии позволило добиться существенной экономии топлива по сравнению с другими методами энергоснабжения, при этом выбросы вредных веществ в атмосферу сократились на 40%. В настоящее время производится подготовка к реализации КВТЭ на Апатитской ТЭЦ в рамках проекта подключения к централизованному отоплению от нее города Кировска, находящегося в 17 км от Апатитов, с выводом из эксплуатации кировской мазутной котельной с устаревшим оборудованием.

Энергосервисные контракты

В Бюджетный кодекс Российской Федерации (п. 3 ст. 72) Федеральным законом №261-ФЗ было внесено следующее изменение: «Дополнить предложениями следующего содержания: “Государственные или муниципальные заказчики вправе заключать

Таблица 2. Сравнение угля и мазута в качестве топлива для выработки тепла

Вид топлива	Уголь	Мазут
Калорийный эквивалент	0,822	1,370
Удельный расход условного топлива, кг у.т./Гкал	220	180
Удельный расход натурального топлива, кг/Гкал	268	131
Цена топлива с доставкой, тыс. руб	2200	12500
Топливная составляющая, тыс. руб/Гкал*	589	1642
% топливной составляющей к углю	100	280

* При анализе затрат на топливную составляющую учитывался КПД котельной.

государственные или муниципальные энергосервисные договоры (контракты), в которых цена определена как процент от стоимости сэкономленных энергетических ресурсов, на срок, превышающий срок действия утвержденных лимитов бюджетных обязательств. Расходы на оплату таких договоров (контрактов) планируются и осуществляются в составе расходов на оплату соответствующих энергетических ресурсов (услуг на их доставку)»».

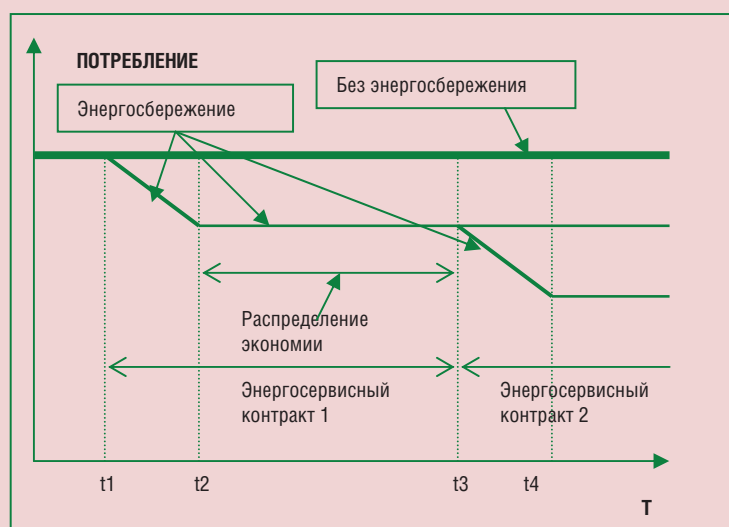
Однако опыт части северных муниципалитетов, имеющих дефицитный бюджет (Апатиты, Воркута) в пилотном проекте «Энергоэффективный квартал», показал невозможность непосредственного заключения ими энергосервисных контрактов даже на объекты бюджетной сферы. Для этого в Апатитах пришлось создать специального посредника – АНО «Энергосервисная компания города Апатиты» и решать все вопросы, связанные с энергосервисом через него.

Инвестиции в повышение энергоэффективности могут экономить энергоресурсы (особенно – экспортные) как напрямую в результате абсолютного сокращения потребления, так и косвенно,

в результате сокращения объемов энергозатрат на транспортировку и преобразование энергоносителей для конечного потребления.

Суть энергосервисного контракта заключается в применении принципов государственно-частного партнерства при инвестировании в энергосбережение бюджетных зданий и многоквартирных домов (МКД). При этом доля средств, сэкономленных в результате выполнения мероприятий по энергосбережению на весь период окупаемости проекта, изымается энергосервисной компанией – посредником – в пользу инвестора и лишь после этого становится «доходом» потребителя (муниципалитета или МКД), снижая оплату за энергоносители на величину достигнутого эффекта. При этом желательно осуществлять энергосервисные контракты в «револьверном» режиме, когда завершение одного контракта сразу «запускает» следующий контракт, обеспечивая непрерывность работы малых и средних предприятий – исполнителей энергоэффективных мероприятий. Схема работы на основе энергосервисных контрактов представлена на *рисунке 1*.

Рисунок 1. Энергосервисный контракт, потребление энергии, «револьверный процесс» запуска

Одним из возможных источников инвестиций в указанные мероприятия является получение кредитов от зарубежных организаций, содействующих решению проблем энергоэффективности в России (таких, например, как NEFCO или IFC).

Такая компания, как IFC (Международная финансовая корпорация), предлагает организовывать сотрудничество на следующих принципах:

- ▷ установление долгосрочных партнерских отношений;
- ▷ проведение детальной оценки финансовых, юридических, экономических, экологических и социальных аспектов проекта;
- ▷ готовность клиента следовать требованиям и рекомендациям по соблюдению лучших международных практик при проведении закупок по проекту, а также по соблюдению экологических и социальных стандартов;
- ▷ действие федерального закона о закупках не распространяется на привлечение кредитных ресурсов IFC;
- ▷ подготовка финансирования – от 4 до 6 месяцев;
- ▷ срок и график погашения адаптируются к потребностям проекта.

Возможные параметры получения кредита от IFC:

- ⇒ заемщик – регион, государственное или муниципальное предприятие под гарантию региона или муниципального образования;
- ⇒ объем – от 250 млн. руб.;
- ⇒ срок погашения – до 8 лет;
- ⇒ срок выборки – до 2 – 3-х лет;
- ⇒ льготный период на погашение основной суммы долга до 2 – 3-х лет
- ⇒ процентная ставка по кредитам: плавающая (на основе 3-х-месячного MOSPRIME) или фиксированная (фиксированный эквивалент 3-х-месячного MOSPRIME) плюс;

- ⇒ спрэд в зависимости от риска (заемщик, обеспечение, срок кредита, другие риски);

- ⇒ комиссии за выдачу кредита, проведение оценки и возмещение юридических расходов.

Схема финансирования, предлагаемая IFC по энергосервису для МКД, представлена на *рисунке 2*. К программам, реализуемым при поддержке IFC, относятся:

- повышение энергоэффективности жилого сектора;
- стимулирование инвестиций в ресурсоэффективность (прямые инвестиции);
- стимулирование инвестиций в энергоэффективность (через банки);
- развитие возобновляемой энергетики.

Одним из проектов в России, поддержанным IFC, стала программа для зданий социальной сферы города Петропавловск-Камчатский (население 200 тыс.), 87 школ и детских садов – энергоаудит 17 типовых зданий для определения эффективных мер (с тепловизированием). Инвестиции – 200 млн. руб.

Достижения:

- экономия бюджета – 45 млн. руб, срок окупаемости 4,4 года;
- экономия тепла – 13 тыс. Гкал;
- экономия воды – 104 тыс. куб. м.

Опыт энергосбережения в г. Апатиты Мурманской области

В период с 2000 по 2007 год в Апатитах были реализованы 3 проекта (2 – на социальных объектах и 1 – на МКД) с привлечением инвестиций Северной европейской финансовой корпорации (NEFCO) на принципах паритетного софинансирования (50% в качестве «условного гранта») с обязательством образования «револьверного» фонда («револьверное» кредитование за счет достигнутой экономии от энергосберегающих проектов).

Условием являлось создание в 2002 г. в г. Апатиты энергосервисной организации (ЭСКО). Однако до 2006 года не удавалось обеспечить «револьверное» кредитование. В 2006 году был разработан механизм возврата внебюджетных финансовых средств, который позволил трансформировать образовавшуюся в период 2001 – 2004 годов задолженность г. Апатиты в размере 3200 тыс. рублей в энергосберегающие мероприятия по утеплению контуров зданий муниципальных учреждений.

С 2009 года часть энергосберегающих мероприятий и работ по утеплению и ремонту жилых домов выполняется в рамках реализации Федерального закона №185-ФЗ за счёт средств Фонда содействия реформированию ЖКХ.

Идут переговоры с NEFCO и другими финансовыми институтами по вопросам возобновления схемы энергосервиса на объектах бюджетной сферы.

К сожалению, предусмотренных денег из регионального (15%) и федерального (20%) бюджетов, обещанных в 2009 году при запуске пилотного проекта «Энергоэффективный квартал», город так и не получил.

Опыт пилотного проекта «Энергоэффективный квартал» показал, что в рамках государственно-частного партнерства для финансирования должны **использоваться средства федеральных и региональных фондов развития на принципах софинансирования с привлечением средств собственников жилья.**

Основным инвестором должен выступить Федеральный бюджет, используя стабилизационный Фонд, поскольку он пополняется за счет экспорта первичных ресурсов. При этом для реализации принципа софинансирования может быть использована модель, аналогичная апробированной модели Федерального закона №185-ФЗ, т.е. через Фонд реформирования ЖКХ, с ежегодно увеличивавшейся долей участия собственников – потребителей энергоресурсов. Причем срок действия закона должен быть продлен хотя бы до 2015 года.

Должен быть отлажен механизм использования средств местных бюджетов (на объекты бюджетной сферы), с привлечением

целевых бюджетных кредитов из бюджетов вышестоящих уровней.

И, как было сказано выше, должно быть упрощено получение муниципалитетами кредитов через доверенные банки от зарубежных организаций, содействующих решению проблем энергоэффективности в России (например, NEFCO, IFC).

Всё перечисленное позволит сдвинуть с мертвой точки процесс модернизации российской экономики в области энергосбережения и повышения энергоэффективности, причем в самой актуальной области – повышения качества жизни населения и снижения социальной напряженности в сфере ЖКХ, что особенно актуально для северных регионов России.

Литература

1. За 10 лет ЖКХ подорожало в 10 раз. 26.04.2011 09:37. Личные Деньги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://finance.rambler.ru/news/economics/89524413.html>
2. Федеральный закон от 23.11.2009 г. № 261-ФЗ (ред. от 27.07.2010 г.) «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2011) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.
3. Энергетическая стратегия России до 2030 г. (одобрена распоряжением Правительства РФ от 13.11.2009 № 1715-р) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.
4. Государственная программа «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на период до 2020 года» (утверждена распоряжением Правительства РФ от 27.12.2010 № 2446-р) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/gov/results/13912/>
5. Котомин, А.Б. Инновации в энергоэффективности и энергосбережении в северных регионах европейской части РФ / А.Б. Котомин // Инновационная экономика: проблемы и перспективы развития в Северо-Западном федеральном округе РФ: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (СПб, 9-10 ноября 2010 г.) / РАН. ИПрЭ. – СПб.: ГУАП, 2010. – 391 с.
6. Лобас, Т. – БЕЛТА. ОАО «Гомельстройматериалы» первым в строительной отрасли получило право SE-маркировки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gomel-region.gov.by/ru/bottom_menu/news/economics/?ns_id=10839
7. Котомин, А.Б. Роль северных регионов в обеспечении энергетической безопасности РФ / А.Б. Котомин // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2010. – № 32 (89). – С. 103-109.
8. Котомин, А.Б. Эколого-экономические предпосылки использования тепловых насосов при разработке апатито-нефелиновых месторождений Хибинского массива / А.Б. Котомин, Е.А. Каменев // Экология промышленного производства: межотр. науч.-практ. журнал / ФГУП «ВИМИ». – 2008. – Вып. 2. – С. 77-80.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 911.3: 369 (470.13)

© Дмитриева Т.Е.

© Бурьян М.С.

Пространственное развитие социального сервиса северного региона *

В статье на материале Республики Коми рассмотрены параметры и особенности предоставления медицинских и образовательных услуг в северном регионе. Дана оценка проблем функционирования основных элементов территориального каркаса социального сервиса, обусловленных низкой плотностью, большими расстояниями и плохой связанностью пространства. Направления пространственного развития обозначены в контексте развития центров медицинских и образовательных услуг разного типа и укрепления взаимодействий в сети.

Социальный сервис, пространственное развитие, территориальный каркас.

**Тамара Евгеньевна
ДМИТРИЕВА**

кандидат географических наук, зав. лабораторией Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН
dmitrieva@iespn.komisc.ru

**Маргарита Степановна
БУРЬЯН**

старший научный сотрудник ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН
buryan@iespn.komisc.ru

Методологические основания исследования

Теоретико-методологический контур проблематизации и стратегирования пространственного развития социального сервиса в северном регионе обозначают общие и пространственные тенденции

мирового развития, существенные с позиции роли, структуры и территориальной организации социального сервиса.

Возрастание роли сервисного сектора

Движение к постиндустриальному обществу является безусловным глобальным вектором. Среди важнейших признаков

* Статья подготовлена в рамках выполнения Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез». Проект «Постиндустриальная трансформация как фактор снижения периферийности пространства северного региона».

постиндустриального общества Д. Белл выделяет центральную роль теоретического знания как основы технологических инноваций; рост класса носителей знания (технических специалистов и профессионалов); преобладание в характере труда взаимодействия людей друг с другом, а не с природой и искусственными объектами; переход от производства товаров к производству услуг и появление новых видов услуг в гуманитарной и интеллектуальной области [1].

Сервисный сектор – важный элемент постиндустриального общества, потому что оно, по мнению Д. Белла, определяется качеством жизни, измеряемым услугами и различными удобствами, которые становятся желанными и доступными для каждого. Фундаментальными для новой жизни являются здоровье и образование, необходимое для роста технических потребностей и профессионального мастерства. Здоровоохранение, образование, научно-исследовательская деятельность и управление – именно их рост и развитие являются решающим фактором для постиндустриального общества.

Своеобразным индикатором движения к постиндустриальному обществу служит диверсификация самого сервисного сектора. По укрупненной типологии секторов экономики, предложенной А. Фишером в 1934 г. и уточненной К. Кларком в 1940 г., строительство и сфера услуг (торговля, финансы, транспорт, здравоохранение, индустрия развлечений), а также наука, образование и управление были отнесены к третичному сектору хозяйства. В совершенствовании категории третичного сектора Д. Белл отмечает заслуги П. Хатта и Н. Фуа, которые в 1953 г. выделили «четвертичный» и «пятеричный» сектора, связали изменения в структуре занятости с характеристиками социальной мобильности и подчеркнули решающее значение «пятеричного», или интеллектуального, сектора [1].

В схеме Хатта – Фуа – Белла собственно третичный сектор включает транспорт и коммунальное хозяйство, к четвертичному сектору относятся торговля, финансовые услуги, страхование и операции с недвижимостью, а к пятеричному – здравоохранение, образование, научные исследования, индустрия отдыха и сфера государственного управления.

Широко используемая классификация (Browning and Singelmann, 1975 г.) подразделяет услуги на распределительные (транспорт, коммуникации, торговля), производственные (финансы, страхование, бизнес-услуги), социальные (здравоохранение, социальная защита, образование и наука, почтовая служба, управление), личные (бытовые услуги, гостиницы и рестораны, культура/развлечения, ремонт) [2].

Опираясь на эту классификацию, объединим первую и вторую группу в производственный сервис, а третью и четвертую – в социальный сервис.

Для постиндустриальной трансформации экономики региона, как показал А.Н. Пилясов, главную роль играют интеллектуальная часть сегмента социальных услуг и научно-техническая часть сегмента бизнес-услуг (консалтинг, технический сервис и др.) [3].

Базовый вклад сервисного сектора в обеспечение качества жизни определяет его средообразующую роль. Постиндустриальная трансформация невозможна без формирования местного и притока извне человеческого капитала, без опоры на креативный класс, требовательный к условиям жизнедеятельности. Создание высокоорганизованной среды, отвечающей высокотехнологичным представлениям о комфорте и сервисе, особенно актуально в северных регионах для прекращения оттока и для закрепления населения.

Постиндустриальное общество — это сервисная экономика с повышенным спросом на услуги, вниманием к человеку, к комфортности среды, к возможности и необходимости непрерывного обучения населения.

Доклад о мировом развитии 2009 г. «Новый взгляд на экономическую географию», подготовленный группой Всемирного банка, утверждает: развитие в интересах всего населения при объективно неравномерном экономическом росте обеспечивают выравнивание потребления (уровня жизни) и распределение выгод от концентрации производства [4].

Данный тезис, с одной стороны, отражает признание неравномерности экономического развития, связанной с объективными условиями формирования прибыли за счет близости к ресурсам, эффекта агломерации и концентрации других рыночных факторов. С другой стороны, подчеркивает приоритетность критерия социальной справедливости экономического развития — где бы люди ни жили, они не должны быть не равны в своих возможностях и качестве жизни.

Выравнивание потребления (уровня жизни) реализуется в значительной степени усилением мощности и равномерности генерирования и трансфера услуг населению сервисным сектором возможным за счет перелива средств от эффективного концентрированного производства.

Пространство развития и пространственное развитие

Распределить в пространстве выгоды концентрированного роста и выравнивания потребления благ и услуг можно путем экономической интеграции — экономически подтягивая отстающие районы к ведущим. Экономическая интеграция осуществляется через рыночные механизмы агломерации, миграции и специализации с особым вниманием к рынкам земли, труда и товаров.

Инструменты содействия экономической интеграции включают следующие меры государственной политики:

⇒ территориально-нейтральные — институты (правовые нормы использования земли, рабочей силы, социальных услуг);

⇒ территориально-связующие — инфраструктура (политика и инвестиции в строительство дорог, портов, систем связи);

⇒ территориально-адресные — стимулы (социальные программы, налоговые льготы и преференции) [4].

Примером активной интеграции является европейская политика «сплочения территории», девиз которой: «превращая территориальное разнообразие в силу» [5]. Его содержание конкретизирует переход от политики регионального экономического развития, нацеленной на компенсацию регионам за их неблагоприятные условия, к политике, проектирующей региональный рост и конкурентоспособность и направленной на управление их факторами.

Условия разработки и применения инструментов экономической интеграции и одновременно индикаторы ее преобразующего действия на экономику и экономическую географию территории характеризуют три измерения *пространства развития*: плотность, расстояние, разобщенность, названные в докладе Всемирного банка факторами социально-экономического развития.

Плотность (density) означает плотность экономической деятельности и населения. Расстояние (distance) характеризует близость к узлам высокой экономической плотности, рассчитывается не только как физическое — в километрах, но и как экономическое — в затратах на транспорт. Разобщенность, замкнутость (division) вызывается местными различиями в правилах ведения бизнеса, нормативной базе, обычаях, неразработанность или сложность которых повышает транзакционные издержки.

Вызовам низкой плотности, больших расстояний, высокой разобщенности пространства, затрудняющим ход экономического и социального развития, противостоят такие принципы политики территориального сплочения, как концентрация экономической активности, связанность, взаимодействие [6, 7]. Целенаправленная реализация этих принципов позволяет качественно изменить пространство функционирования различных процессов жизнедеятельности и повысить их эффективность.

В отличие от пространства развития, характеризующего «рельеф», в котором протекает процесс, *пространственное развитие* представляет понятие, «заточенное» под управление. Обобщая определение П. Щедровицкого и В. Глазычева, данное для страны [8], обозначим пространственное развитие как выявление реального пространственного каркаса развития объекта, включая узлы опережающего роста и связи между ними, планирование направлений опережающего развития этих узлов и связей.

«Каркасный» подход к пространственному развитию в постиндустриальной терминологии может быть интерпретирован как «сетевой», раскрывающий морфологию пространства потоков, которое М. Кастельс противопоставляет исторически укорененному пространству мест [9].

Материальную форму пространства потоков составляют три слоя:

- первый слой – сеть коммуникаций, технологическая инфраструктура – фундаментальная пространственная конфигурация;
- второй слой состоит из узлов, где осуществляются стратегически важные функции в данной местности, и коммуникационных центров, координирующих взаимодействие элементов в сети;

- третий слой относится к пространственной организации доминирующих менеджерских элит, осуществляющих управленческие функции, вокруг которых строится организованное пространство.

Выявление и параметризация указанных слоев, включенность местностей («хинтерландов») в сети центров, интенсивность взаимодействий (расстояний в сети) в зависимости от положения точек – все эти позиции, безусловно, продуктивны и требуют эмпирической проработки в контексте пространственного развития социального сервиса.

Функционально-территориальная организация социального сервиса Республики Коми

В данной работе из всех элементов социального сервиса рассматриваются медицинские и образовательные услуги, в значительной мере определяющие условия жизни и развития людей.

Система лечебно-профилактических учреждений республики включает уровни первичной амбулаторно-поликлинической помощи в городской и сельской местности и специализированной помощи, профилированной по группам заболеваний (онкологической, психиатрической, противотуберкулезной, наркологической и др.), а также специализированной высокотехнологичной медицинской помощи.

Первичную помощь оказывают самостоятельные учреждения здравоохранения и амбулаторно-поликлинические подразделения, входящие в состав больничных учреждений. В сельской местности они представлены врачебными амбулаториями (амбулаториями врача общей практики), фельдшерско-акушерскими пунктами (ФАП), домами сестринского ухода, станциями (отделениями) скорой медицинской помощи.

Специализированные стационарные и амбулаторно-поликлинические медицинские услуги в городах оказывают диспансеры и городские больницы, в сельской местности – центральные и районные больницы. Высококвалифицированную и высокотехнологичную медицинскую помощь оказывают пять учреждений здравоохранения, расположенных в г. Сыктывкаре.

Система образования, призванная обеспечить для каждого жителя возможность получения базовых знаний, пройти профессиональную переподготовку или получить образование по новой специальности, включает дошкольное, школьное общее, начальное, среднее и высшее профессиональное образование.

Школьная сеть представлена в республике начальными, основными и средними государственными, муниципальными и частными школами, часть из которых в ранге ресурсных и опорных центров образования выполняет учебно-методические функции.

Стационарные и филиальские учреждения начального и среднего профессионального образования практически все размещены в городской местности.

Центрами концентрации стационарных высших учебных заведений являются города Сыктывкар, Ухта и Воркута.

Принимая во внимание характер предоставляемых услуг, определяемый полнотой (разнообразием видов), и ареал (географию и число получателей), вышерассмотренные функционально-статусные типы интерпретируем в территориально-иерархические, фиксируя основные типы сервисных центров в медицинско-образовательной сети республики.

Поселенческие сервисные центры предоставляют первичные медицинские и общеобразовательные услуги. В них работают ФАПы, врачебные амбулатории, участковые больницы, начальные, основные и средние школы, обслуживающие жителей

сельских и городских поселений муниципальных районов, а также административно-территориальных образований городских округов.

В *базовых сервисных центрах*, расположенных, как правило, в «столицах» муниципальных районов и городских округов или в их «вторых» центрах (пунктах, выделяющихся в муниципалитете производственным потенциалом), в центральных больницах (ЦБ) предоставляется более широкий спектр медицинских услуг, особенно в городских больницах. В рамках профильных учреждений (станции переливания крови, психоневрологические учреждения, туберкулезные диспансеры) оказываются и специализированные медицинские услуги. Наряду со средними общеобразовательными школами в базовых центрах работают опорные школы, оснащенные современным компьютерным оборудованием и укомплектованные высококвалифицированными педагогическими кадрами. Характерны для этих центров услуги начального и среднего профессионального образования.

Комплексные сервисные центры отличаются наиболее полным набором услуг, в первую очередь специализированных, которые в сегменте здравоохранения характеризуются уникальностью для данного региона, технологичностью, высокой квалификацией персонала. Эти услуги предоставляют Кардиологический диспансер, Онкологический диспансер, Перинатальный центр, Центр микрохирургии глаза.

В комплексных центрах размещаются ресурсные центры общего образования, ретранслирующие опыт введения профильного обучения, применения здоровьесберегающих технологий и т.д., а также учреждения высшего профессионального образования. В настоящее время к комплексным центрам социального сервиса можно отнести города Сыктывкар, Ухту, Воркуту.

Проблемы пространственного развития социального сервиса

Функция социального сектора региона состоит в обеспечении своевременного и равного доступа к максимально полному (в рамках конкретного региона) набору услуг. Интегральный критерий доступности предусматривает не только наличие услуги, но и ее качество и стоимость. Это означает как физическую, так и экономическую доступность.

Современный уровень материально-технического и кадрового состояния, доступности сети недостаточно отвечает полноценному генерированию и трансферу медицинских и образовательных услуг. Анализ с опорой на параметры плотности деятельности; расстояний, влияющих на транспортную доступность услуг; разобщенности/разорванности пространства услуг позволит выявить особенности и сформулировать проблемы развития социального сервиса. Обобщенно основные позиции влияния плотности, расстояний и разобщенности на иерархизированное пространство медико-образовательных услуг представлены в *таблице 1*.

Как видно из таблицы, большие и труднопреодолимые расстояния в Республике Коми, как и любом другом северном регионе, оказываются критичным фактором пространства развития.

Дифференциация территории Республики Коми по уровню внутренней (от населенных пунктов до центра поселения) и внешней (от центров поселений до центров муниципальных районов) транспортной доступности была выявлена нами на основе специально разработанной методики [10].

Интерпретация ее результатов для анализа пространства развития социального сервиса позволила уточнить группировку административных территорий базовых сервисных центров и выбрать из них пилотные.

По соотношению территорий с разными типами транспортной доступности среди 20 муниципалитетов республики выделены 6 наиболее неблагоприятных по условиям связанности. При этом учитывалась доля дисперсных (с большими расстояниями до населенных пунктов от центров поселений) и удаленных от муниципального центра территорий.

В число неблагоприятных районов попали периферийные Ижемский, Усть-Цилемский, Троицко-Печорский, Усть-Куломский, Удорский и Прилузский. Для сопоставления характеристик из группы благоприятных муниципалитетов в качестве условно эталонных взяты Усть-Вымский и Койгородский районы.

Таблица 1. Особенности пространства медико-образовательных услуг

Параметры пространства развития	Специфика сети (пространственного каркаса) социального сервиса Характеристика размещения сервисных центров		
	Первичные	Базовые	Комплексные
Плотность предоставления услуг	Размещение центров с ФАПами и школами в целом соответствует системе расселения и удовлетворяет потребности в наличии услуг	Размещение центров с ЦБ и средними школами в целом удовлетворяет потребности Местные дисбалансы в услугах начального и среднего профобразования	Размещение центров со специализированными мед. услугами не отвечает современным требованиям. Дисбаланс по структуре специальностей высшего профобразования
Расстояния – транспортная доступность услуг	Низкая доступность центров в периферийных поселениях, районах, округах и их группах из-за удаленности населенных пунктов, неудовлетворительного состояния дорог и речных переправ, неустойчивого автобусного сообщения		
Разобщенность – неравный доступ к качественным услугам	Существенная дифференциация физической и экономической доступности услуг из-за различий в материально-техническом состоянии ФАПов, больницы, школ, квалификации персонала, в затратах на достижение центров с необходимыми услугами		

Проблема предоставления услуг первичной сети социального сервиса заключается не столько в недостатке центров, сколько в неудовлетворительном их состоянии, снижающем качество медицинской помощи и общего образования.

Размещение ФАПов, врачебных амбулаторий (ВА), участковых больниц (УБ), школ в целом соответствует системе расселения населения и приближено к потребителям. Их плотность неравномерна и зависит от людности, компактности/дисперсности размещения населенных пунктов, состояния транспортных коммуникаций и наличия круглогодичной или сезонной связи.

Особенности конфигурации сельского расселения в северном регионе отражают влияние природных и экономических факторов. Преимущественно линейный характер расположения пунктов в малоосвоенных районах связан с долинным, а в освоенных районах — с трассовым расселением. Южные районы, где географически и исторически развивалась дисперсная лесо- и сельскохозяйственная деятельность, отличаются большей плотностью, а значит, и меньшими расстояниями в системе расселения, но малой людностью населенных пунктов.

В размещении объектов здравоохранения выделяются ареалы с высокой плотностью первичной сети медицинских учреждений, отмеченные на картосхеме интенсивным качественным фоном (рис. 1). При этом типы размещения первичных центров различны и отражают характер расселения, что можно продемонстрировать на пилотных районах.

Долинный тип характерен для районов нижней Печоры (Усть-Цилемского и Ижемского) с речной системой расселения и слабой транспортной сетью. С учетом сравнительно большого числа и разреженности пунктов в каждом из поселений

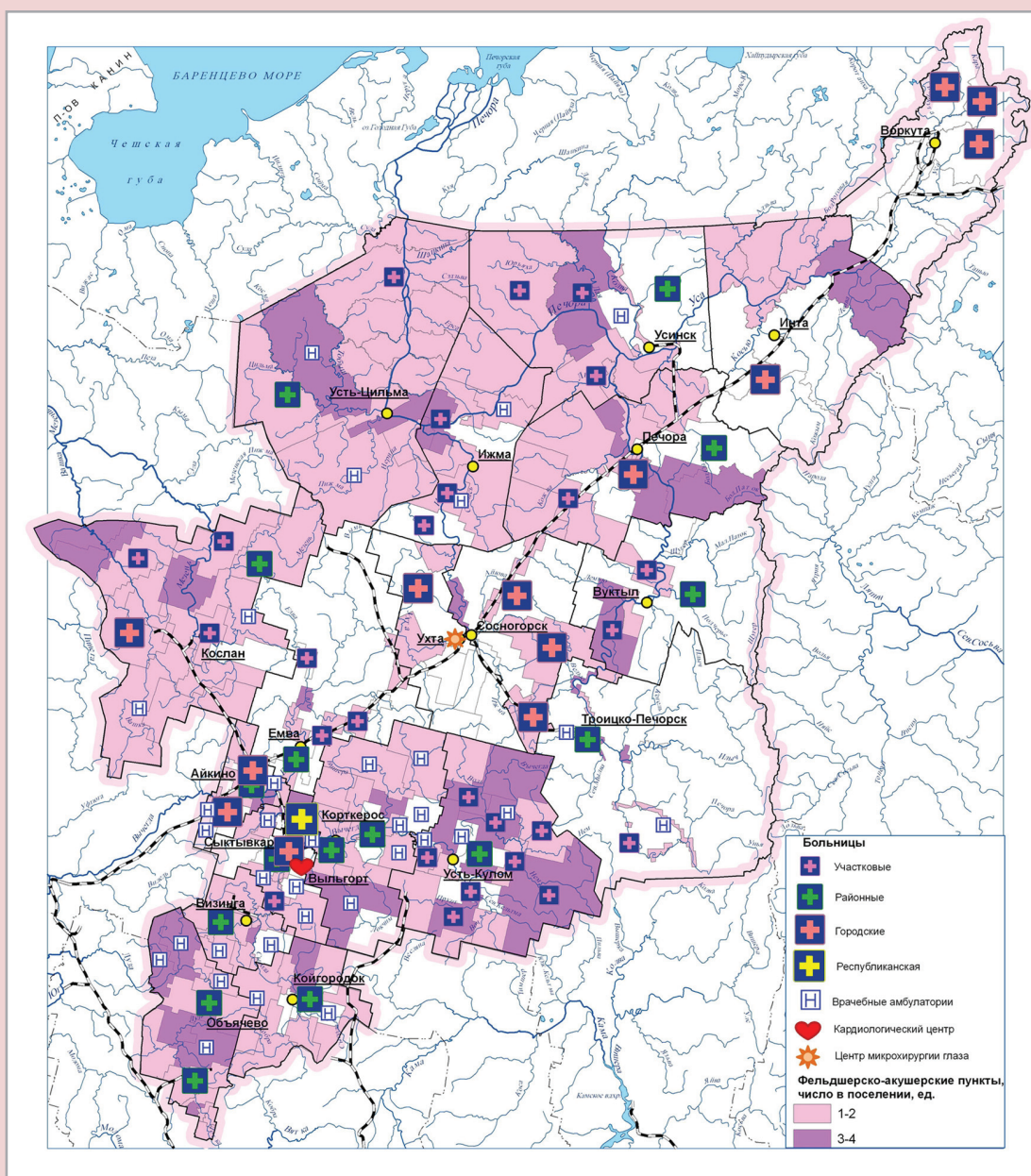
указанных районов действуют от трех до шести медицинских учреждений, обслуживающих от 100 до 700 человек. В половине поселений медицинскую помощь можно получить во всех населенных пунктах, а в остальных поселениях — почти во всех (за исключением одного, редко двух малочисленных пунктов).

Трассово-долинный тип размещения первичных сервисных центров присущ районам, располагающимся в верховьях рек — Печоры (Троицко-Печорскому), Вычегды (Усть-Куломскому), Мезени (Удорскому) и имеющим одну-две районные трассы. Как и в нижнепечорских районах, медицинские учреждения здесь есть в трех из четырех пунктов. Села и деревни без медучреждений находятся в приемлемой доступности к ФАПам и амбулаториям, за исключением двух-трех пунктов на район, население которых ограничено в получении первичной медицинской помощи.

Особенностями Прилузского, самого южного, района республики является плотное мелкоселенное расселение и в качестве транспортной оси — федеральная автодорога «Вятка». Здесь преобладает трассовый тип размещения центров первичной медицинской помощи, оказывающих услуги населению не одного населенного пункта, а нескольких. В первичной медпомощи из-за барьерности и удаленности ограничено население двух пунктов.

При расселенчески адекватной сети первичных медицинских услуг их качество сдерживает изношенная и устаревшая материально-техническая база. В целом по республике более половины зданий медучреждений — деревянные. В ряде районов от 60 до 80% деревянных помещений ФАПов имеют 100%-ный износ. Износ свыше 50% имеет 54% основных фондов, а в периферийных районах эти цифры составляют 100 и 70% соответственно.

Рисунок 1. Размещение учреждений здравоохранения Республики Коми

Размещение школьной сети зависит от демографической структуры населения и транспортной доступности населенных пунктов со школами. Для учащихся, проживающих на более удаленном расстоянии от школы, организуется подвоз на специальных автобусах. Максимально приближены к местам проживания начальные школы.

В районах с речной системой расселения средние школы расположены во всех поселениях (одна на четыре – пять населенных пунктов), при этом на одну среднюю школу в поселении приходится одна – две начальных. Число населенных пунктов без школ составляет два – четыре на поселение.

В районах со смешанным долинно-трассовым типом размещения первичных сервисных центров одна средняя школа действует на два — четыре, реже пять — шесть населенных пунктов, есть поселения только с начальным звеном обучения (одна школа на два — три населенных пункта), число населенных пунктов без школ достигает 3 — 5 на поселение.

В районах с преобладанием трассового характера размещения первичных центров на одну среднюю школу приходится в среднем три — семь, реже десять и более населенных пунктов, но с наличием в поселении начальной или основной школы. Много населенных пунктов без школ.

Главные проблемы предоставления общих образовательных услуг — недостаток и старение педагогических кадров, слабая материально-техническая база — особенно остры в сельских периферийных школах, где низкий уровень благоустройства, высокий износ деревянных зданий, нет преподавателей иностранного языка и информатики, работают учителя пенсионного возраста.

Ухудшение демографической ситуации (снижение рождаемости, постарение населения поселков и деревень, их обезлюдение), отток населения из северных районов и из села в город потребовали оптимизации школьной сети.

За последние 10 лет число школ существенно сократилось, а количество поселков и деревень без школ выросло. Республика приобрела опыт поиска взвешенных и неконфликтных решений при совмещении комплекса условий: нахождение школ по месту жительства школьников, допустимые (не более получаса и без рискованных лодочных переправ) расстояния доставки, обеспечение необходимого уровня образования (преподавание всех предметов, соответствующее оборудование).

При этом становится очевидным, что, учитывая социальную роль сельской школы, важно сохранить существующую сеть, технически обновив старые или построив, используя новые технологии, новые малокомплектные современно оборудованные и комфортные школы. Такие решения актуальны не только для труднодоступных, но и экономически и демографически устойчивых пунктов.

Основная проблема базового уровня сети социального сервиса заключается в низкой доступности центров, что относится главным образом к медицинскому обслуживанию. Не хватает в базовых центрах учреждений начального и среднего профессионального образования, готовящих квалифицированных рабочих для отраслей специализации республики — лесозаготовительной, деревообрабатывающей, нефтегазодобывающей, решающей данную проблему за счет вахтовиков из других регионов.

Ограничения транспортной доступности районных больниц из-за дальних расстояний, барьеров в движении по причине неудовлетворительного состояния дорог и речных переправ, редкого и неустойчивого автобусного сообщения вызывают дискриминацию части населения в получении своевременной и квалифицированной медицинской помощи, профилированной по заболеваниям.

Для оценки доступности базовых сервисных центров выполнена группировка населенных пунктов периферийных районов и их сопоставление с условно эталонными районами. Пороги дифференциации интервалов групп выбраны с учетом нормативного времени помощи при сердечно-сосудистых заболеваниях, принятого в Республике Коми, — 40 минут (или 30 км пути по местным дорогам). Населенные пункты с расстоянием от райцентра до 30 км попали в группу ближних, более 30 км — в группу дальних.

К «барьерным» независимо от расстояния отнесены пункты, располагающиеся за водной преградой, которая зачастую преодолевается требующим ремонта мостом, неустойчивой лодочной, паромной или сезонной ледяной переправой.

Результаты оценки выявили следующие особенности доступности услуг центральных больниц, расположенных в муниципальных образованиях с низкой внутренней связанностью (рис. 2):

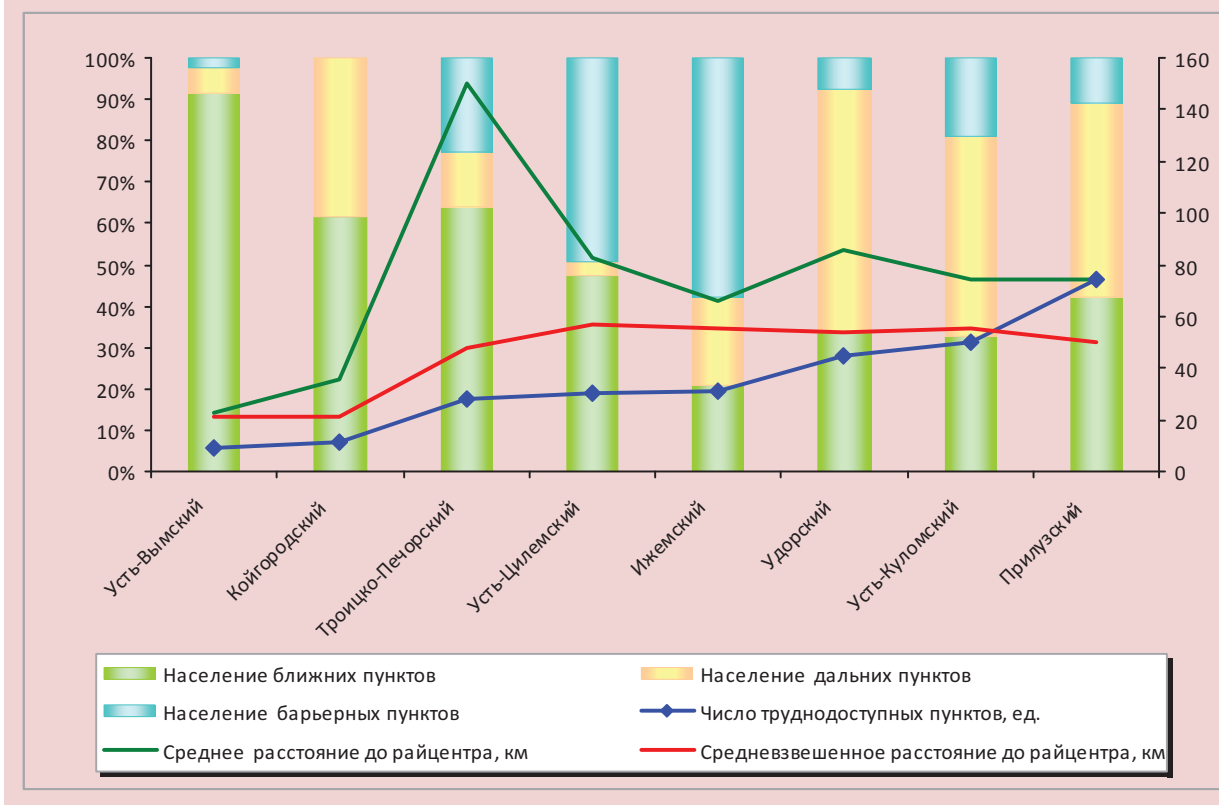
- доля населения, проживающего за пределами нормативного времени медицинской помощи, колеблется в пределах от 50 до 80% и превышает соответствующую величину в условно эталонных районах;
- концентрация населения в районном центре (51% в Троицко-Печорском районе и по 30% в Усть-Цилемском и Прилузском) повышает долю населения, проживающего в ближних поселениях;

- повышенная доля населения барьерных пунктов в Усть-Цилемском и Ижемском районах связана с преобладанием долининного типа расселения;

- многоселенность и мелкоселенность южного Прилузского района нашла отражение в высоком удельном весе числа труднодоступных пунктов, пропорциональном общему числу пунктов в районе.

Среднее расстояние пунктов до райцентра характеризует физическое расстояние доступности медицинских услуг. Пик кривой Троицко-Печорского района отражает труднодоступность пунктов поселения Митрофан-Дикост, население которых из-за отсутствия круглогодичной связи вынуждено добираться до своей центральной больницы за 350 км через два муниципалитета. Средневзвешенное расстояние дает представление о реальной

Рисунок 2. Транспортная доступность базовых сервисных центров в слабосвязанных районах Республики Коми

нагрузке на пути сообщения с учетом заселенности территории. Отметим, что факторы заселенности и занятости населения учитывались при детальной оценке транспортной доступности 2616 коммун (муниципалитетов) Бельгии как сопротивление сообщению [11].

Высокая доля населения, дискриминированного по условиям получения своевременных медицинских услуг, говорит о необходимости ослабления критичной ситуации с транспортной доступностью за счет снижения барьерности путем строительства мостов, обеспечения бесперебойной работы речных переправ, строительства дорог, улучшающих внутреннюю связанность, в Троицко-Печорском, Удорском и Усть-Куломском районах.

Проблема достижения специализированных услуг на данном этапе связана с их практически полной концентрацией в г. Сыктывкаре. Эксцентриситет Сыктывкара, вызывающий удаленность районных центров от столицы на 200 – 1000 км, а также отсутствие железнодорожных выходов у многих муниципалитетов существенно затрудняют получение и увеличивают стоимость соответствующих услуг.

Многие пункты республики не имеют даже двухчасовой доступности до железнодорожной станции, что неблагоприятно по европейским меркам.

По расчетам американских исследователей, плата за медицинские услуги в связи с некачественной транспортной средой жизнедеятельности с ростом расстояния в четыре раза возрастает в 30 раз [12].

К сожалению, примеры подобной прогрессии снижения экономической доступности услуг в настоящее время реальны для многих жителей Республики Коми.

Направления пространственного развития социального сервиса

В соответствии с заявленным содержанием цель пространственного развития социального сервиса – выстроить такой каркас сектора, чтобы улучшить обслуживание населения республики, повысить качество и доступность медицинских и образовательных услуг на всей территории.

Как отмечалось выше, ответить на вызовы «низкой плотности», «больших расстояний» и «сильной разобщенности», деформирующих пространство развития объектов, способны концентрация экономической активности (*concentration*), связанность (*connection*) и взаимодействие (*cooperation*) или налаживание связей (*networking*).

Конкретизация этих принципов в планировании направлений развития центров и связей сегмента медико-образовательных услуг социального сервиса Республики Коми в общем виде представлена в *таблице 2*.

Предложенные направления могут быть реализованы мероприятиями, обозначенными в стратегических документах модернизации республиканского здравоохранения и образования [13, 14, 15].

Уплотнение сети центров обслуживания

Укрепление первичных центров медицинского обслуживания осуществляется заменой старых ФАПов и реконструкцией врачебных амбулаторий и участковых больниц. За последние четыре года во многих муниципальных районах появилось более 20 модульных ФАПов, обслуживающих от 400 до 600 человек. Проводятся и запланированы ремонты объектов оказания первичной (самой близкой) врачебной помощи в первую очередь в пунктах, расположенных в периферийных районах с трудной доступностью населенных пунктов – Троицко-Печорском, Удорском, Ижемском, Усть-Куломском, Усть-Цилемском и др.

Таблица 2. Укрепление пространственного каркаса социального сервиса

Принципы пространственного развития	Направления развития и взаимодействия сервисных центров		
	Первичные	Базовые	Комплексные
Концентрация – количественное и качественное уплотнение сети	Реконструкция, строительство, техническое и кадровое обновление ФАПов, амбулаторий, участковых больниц, школ Оптимизация первичной сети с учетом расселения и интересов населения	Реконструкция, современное оснащение, кадры для центральных больниц Дополнение начального и среднего профобразования подготовкой специалистов для ЛПК* и ТЭК* в центрах соответствующих районов	Организация новых центров и видов специализированных медицинских услуг Подготовка специалистов высшей квалификации с учетом потребностей региона
Связанность – улучшение транспортной доступности услуг	Сокращение физических и экономических (транспортных расходов) расстояний за счет улучшения транспортной инфраструктуры (дорог, мостов, переправ, автобусного и местного авиасообщения), появления новых центров, использования мобильных диагностических комплексов		
Взаимодействие и налаживание связей – доступ к качественным услугам	Снижение разобщенности сервисного пространства и выравнивание возможностей потребителей на всей территории через доставку услуги потребителю (формирование телемедицины и дистанционного обучения, а также интернет-систем здоровья и образования), расширение спектра и емкости бесплатных высокотехнологичных услуг		

* ЛПК – лесопромышленный комплекс; ТЭК – топливно-энергетический комплекс.

Усилить первичное звено медицинского обслуживания поможет организация сети общих врачебных практик и комплексных терапевтических участков.

Новыми элементами каркаса медицинского обслуживания станут межрайонные центры: сельские и городские диагностические, а также центры оказания медицинской помощи (рис. 3).

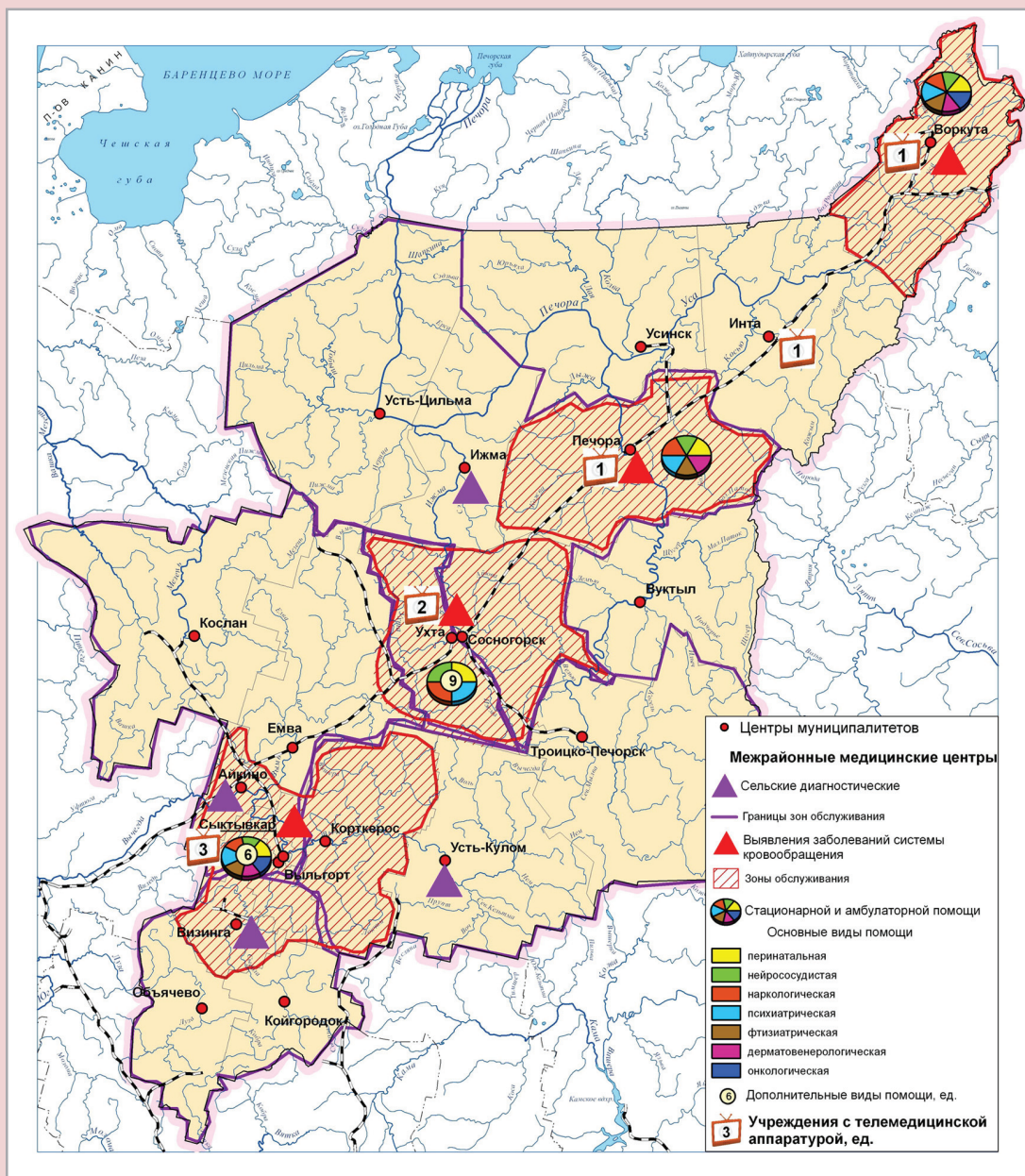
Диагностические центры организуются на базе нескольких сельских центральных больниц и оснащаются мобильными комплексами для ранней диагностики и выделения групп риска социально значимых заболеваний (сердечно-сосудистой патологии, патологии органов дыхания, сахарного диабета, глаукомы, рака молочной железы). Работа мобильных диагностических комплексов будет осуществляться преимущественно в отдаленных и труднодоступных населенных пунктах. Сельские диагностические центры (Сысольский, Усть-Куломский, Усть-Вымский, Ижемский), в сфере деятельности которых окажется более 33% численности населения республики, существенно усилят базовые центры в этих районах и поднимут уровень медицинской помощи во всех муниципальных районах.

Для раннего выявления заболеваний системы кровообращения организуются сосудистый центр в г. Сыктывкаре и первичные сосудистые отделения в городах Воркуте, Печоре, Ухте, имеющие свои зоны обслуживания и маршруты своевременной (в течение 40 минут) доставки больных с инсультом и инфарктом, охватывающие 2/3 населения республики.

Межрайонные центры оказания медицинской помощи, расположенные в Сыктывкаре, Ухте, Печоре и Воркуте, будут оказывать стационарную и амбулаторную помощь по многим основным и дополнительным направлениям. Наиболее диверсифицированные услуги по стационарной, а также взрослой и детской амбулаторной помощи предлагают Сыктывкарский и Ухтинский центры.

Таким образом, сочетания новых медицинских структур, сконцентрированных в наиболее крупных городах республики, усилят Сыктывкарский и создадут новые комплексные центры медицинских услуг. Их равномерное распределение по транспортно-хозяйственной оси исправит территориальные диспропорции столичной централизации и существенно улучшит доступ населения к специализированной высококвалифицированной медицинской помощи.

Рисунок 3. Комплексные центры медицинского обслуживания

Улучшение транспортной доступности услуг

В 2010 г. 36% сельских населенных пунктов республики не имело дорог с твердым покрытием для связи с сетью путей сообщения общего пользования. В то же время почти треть из них расположена рядом с железнодорожной станцией или пристанью.

Для улучшения транспортной связанности территории определены следующие стратегии: 1) сохранение существующей сети путей сообщения общего пользования, доведение ее технического состояния до уровня, соответствующего нормативным требованиям, и наведение паромных переправ; 2) обеспечение надежной транспортной связи на ряде направлений от

муниципальных центров до центров поселений и отдельных населенных пунктов за счет строительства новых участков дорог и мостовых переходов [16].

В рамках первой задачи улучшение транспортной связанности может быть обеспечено:

- ⇒ за счет сохранения эксплуатации малоинтенсивных железнодорожных линий Сосногорск – Троицко-Печорск, Микунь – Кослан – Вендинга;

- ⇒ повышения качества автодорожной сети, а также капитального ремонта мостов через средние и малые реки, наведения паромных переправ;

- ⇒ организации регулярного автобусного сообщения между опорными населенными пунктами и центрами муниципальных образований, строительства подъездов к населенным пунктам;

- ⇒ улучшения состояния и качественных характеристик водных путей рек Печорского и Вычегодского водных бассейнов и обеспечения устойчивой работы социально значимых пассажирских речных перевозок;

- ⇒ дальнейшего развития внутриреспубликанских и межрегиональных авиационных перевозок.

Обеспечению устойчивого транспортного сообщения населенных пунктов с муниципальными и поселенческими центрами будет способствовать реконструкция существующих и строительство новых участков дорог.

Не только внутреннюю, но и внешнюю доступность периферийных территорий улучшат реконструкция и строительство участков автомобильных дорог на направлениях Ухта (Сосногорск) – Троицко-Печорск – Комсомольск – Якша – далее на Соликамск, Пермь и Печора – Вуктыл – Троицко-Печорск – Усть-Кулом – Койгородок – федеральная автодорога «Вятка», которые станут новыми транспортными коридорами республики.

С окончанием строительства автомобильных дорог Сыктывкар – Ухта – Печора – Усинск – Нарьян-Мар и Айкино – Кослан более 200 тыс. человек в пяти муниципальных образованиях получают выход на опорную сеть автомобильных дорог общего пользования.

Взаимодействие и налаживание связей в сети

Развитие сервисного сектора и рост комфортности среды в сельских труднодоступных поселениях требует изменения самого принципа доставки услуги.

Действующая ситуация, когда сельский потребитель вынужден далеко и дорого получать необходимые услуги здравоохранения или образования, то есть «доставка потребителя к услуге», должна с учетом специфики услуги смениться на мобильную «доставку услуги к потребителю» на основе телемедицины, дистанционного обучения и других форм обслуживания.

Проект по развитию телемедицинских технологий, позволяющих связать комплексные и базовые центры услуг, реализуется в республике с 2007 г.

В настоящее время соответствующей аппаратурой располагают: Кардиологический диспансер, Коми республиканский перинатальный центр, Коми республиканская больница (г. Сыктывкар); городская больница и городская поликлиника (г. Ухта); городская больница скорой медицинской помощи» (г. Воркута); городская больница (г. Инта), центральная районная больница (г. Печора). Контроль и координацию осуществляет Республиканский медицинский информационно-аналитический центр (см. рис. 3).

С использованием данной системы, которая экономит расходы на санитарную авиацию и средства больных, проводятся: пренатальная диагностика врожденных

пороков развития; консультирование по ведению беременных и больных с кардиологической патологией; экстренные консультации для оказания квалифицированной помощи больным, находящимся в критическом состоянии; догоспитальное консультирование пациентов для уточнения предварительного диагноза, метода лечения и госпитализации; дистанционное повышение квалификации специалистов.

Для школ в труднодоступных пунктах перспективным является дистанционное обучение. Использование интернет-технологий позволяет доставить лучшего учителя в каждую школу и в каждый дом. Такая форма обучения требует особых индивидуальных образовательных программ и новых организационных форм поддержки со стороны федеральных и региональных образовательных центров, в которых может быть организовано сессионное заочное и очное обучение одаренных ребят по конкретным направлениям.

Новая форма обучения начала внедряться в республике с 2010 г. на базе Центра дистанционного образования детей-инвалидов во всех муниципальных центрах, подключенных к оптоволоконной связи.

В рамках пилотного проекта на дистанционное образование вышли малокомплектные школы в п. Ираель (Сосногорский район) и в с. Ыб (Сыктывдинский район).

Инфраструктура новой связи становится решающим фактором продвижения новых технологий взаимодействия и электронной связанности в сети социального сервиса. В первую очередь, это завершение подключения к оптоволоконной связи всех центров муниципалитетов с последующим присоединением пери-

ферийных населенных пунктов, что даст возможность обеспечить широкополосный доступ и существенно улучшить качество связи со всеми базовыми и многими первичными центрами предоставления медико-образовательных услуг.

В заключение зафиксируем следующие основные положения пространственного анализа социального сервиса.

В выравнивании уровня жизни населения, направленном на достижение социальной справедливости при объективно неравномерном экономическом развитии, социальный сервис, и в первую очередь медицинские и образовательные услуги, играет главную роль.

Обеспеченность услугами зависит от уровня развития системы сервиса и доступности услуг для населения, которые определяет соотношение таких параметров пространства развития деятельности, как плотность, расстояния и связанность (или разобщенность).

На территории Республики Коми как типичного северного региона своевременный доступ к качественным услугам, предоставляемым разными центрами иерархической сети, затрудняют:

- ✓ неудовлетворительное материально-техническое состояние учреждений первичных сервисных центров, наиболее приближенных к потребителю;

- ✓ низкая транспортная и экономическая доступность базовых центров с профилированными медицинскими услугами, ограничивающая их получение для более чем половины жителей муниципалитетов, проживающих в удаленных населенных пунктах;

- ✓ удаленность от большей части населения специализированных высокотехнологичных медицинских услуг из-за их концентрации в столице.

С учетом выявленных проблем содержанием пространственного развития социального сервиса республики должны стать:

⇒ уплотнение сети (каркаса) за счет обновления учреждений первичной медицинской помощи и общего образования и формирования новых медицинских центров специализированных услуг диагностики и лечения;

⇒ рост связанности и взаимодействия пространства медицинских и образовательных услуг, снижающих время их предоставления и расширяющих круг получателей услуг высокого качества, на основе улучшения транспортной инфраструктуры, а также активного внедрения электронных форм доставки услуг — телемедицины и дистанционного обучения.

Литература

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. — М.: Academia, 1999. — 956 с.
2. The handbook of Service Industries / edited by John R. Bryson and Peter W. Daniels. London: Edward Elgar, 2007. — 504 p.
3. Пилясов, А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знаний / А.Н. Пилясов. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 544 с.
4. Новый взгляд на экономическую географию. Доклад о мировом развитии за 2009 год / Всемирный банк. — Вашингтон, 2009.
5. Green Paper on Territorial Cohesion, the way ahead // en Inforegio panorama. — 2008. — № 28. — December.
6. Growing Regions, growing Europe — Fourth report on economic and social cohesion / European Commission. — Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. — 222 p.
7. Investing in Europe's future — Fifth report on economic and social cohesion / European Commission. — Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2010. — 298 p.
8. Россия: пространственное развитие. Доклад 2004. — М.: Архитектура-С, 2004. — 128 с.
9. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. — М.: ГУ-ВШ, 2000. — 608 с.
10. Дмитриева, Т.Е. Транспортная доступность локальных систем / Т.Е. Дмитриева // Атлас Республики Коми. — М.: Феория, 2011.— С. 280-282.
11. Vandenbulke, G. Mapping accessibility in Belgium: a tool for land-use and transport planning / G. Vandenbulke, T. Smeerberger, I. Thomas // J. Transport Geography. — 2009. — V. 17. — №1. — P. 39-53.
12. Бугроменко, В.Н. Современная география транспорта и транспортная доступность / В.Н. Бугроменко // Известия РАН (Серия географическая). — 2010. — № 4. — С. 7-16.
13. Программа модернизации здравоохранения Республики Коми на 2011 — 2012 годы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://minzdrav.rkomi.ru>
14. Государственный доклад о состоянии здоровья населения Республики Коми в 2010 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://minzdrav.rkomi.ru>
15. Концепция развития дошкольного, общего и дополнительного образования Республики Коми на 2011 — 2015 гг.: проект [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.komiedu.ru/legislation/info>
16. Основные направления развития транспортной системы Республики Коми до 2020 года: проект [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://minprom.rkomi.ru>

УДК 614.2 (470.12)

© Дуганов М.Д.

© Калашников К.Н.

Методологические подходы к оценке эффективности регионального здравоохранения

Предлагаемая публикация посвящена проблеме оценки эффективности регионального здравоохранения. Обсуждаются ныне существующие подходы к оценке эффективности затрат на здравоохранение, даётся их краткий сравнительный анализ. Сделан вывод о нецелесообразности использования методик, основанных на анализе только ресурсной составляющей здравоохранения, без учёта социального эффекта. В качестве альтернативы предлагается методика, основанная на параллельной оценке финансовых (затраты на оказание медицинской помощи) и демографических (потери региона от преждевременной смертности населения) показателей.

Здравоохранение, эффективность, методика, затраты, потерянные годы потенциальной жизни.

**Михаил Давидович
ДУГАНОВ**

кандидат медицинских наук
зам. начальника Департамента здравоохранения Вологодской области
mduganov@rambler.ru

**Константин Николаевич
КАЛАШНИКОВ**

научный сотрудник Института социально-экономического развития
территорий РАН
konstantino-84@mail.ru

Введение

Эффективность является ключевым понятием в экономике и государственном управлении, и лица, ответственные за принятие управленческих решений, вынуждены учитывать в практической деятельности критерии результативности прежде всего в силу ограниченности имеющихся в их распоряжении ресурсов. С широким распространением в последние годы в отраслях социальной сферы принципов бюджетирования, ориентированного на конечный результат (БОР), и нового госу-

дарственного менеджмента (New Public Management, NPM) – нового подхода к управлению общественным сектором на основе инструментов, традиционно характерных для частного сектора (децентрализация, разграничение полномочий между центром и периферией, существенная роль мониторинга и отчётности, мотивация госслужащих, ориентация на среднесрочное планирование, оценка результата и т.д.), – востребованность методик экономического анализа в здравоохранении возрастает.

Мировой и российский опыт предлагает множество подходов к экономическому анализу и оценке эффективности инвестиций в социальной сфере и здравоохранении, однако для управления отраслью на уровне региона многие из них оказываются малоприменимыми: они либо слишком поверхностны (например, анализ показателей использования основных фондов, медицинского персонала, коечного фонда), либо технически сложны для использования в условиях оперативной работы (метод свёртки данных). В то время как методика оценки эффективности здравоохранения должна быть функциональной, прозрачной и её формула должна быть понятной широкой общественности.

Понятие эффективности в здравоохранении

Широта трактовки понятия «эффективность», обусловленная контекстом, в котором оно используется, не позволяет подойти к характеристике эффективности исключительно как частного от приращения результата (эффекта, outputs) к понесённым затратам (inputs), хотя именно в такой математической интерпретации эффективность в наибольшей степени наделена практически полезным содержанием.

Термином «эффективность» оперируют самые различные специалисты: инженеры, экономисты, медики и пр. Однако если инженер имеет дело с технологической эффективностью, то для экономиста наиболее важна экономическая эффективность, выражающаяся в сравнительной оценке альтернатив и выборе наиболее приемлемого, как правило, связанного с наименьшим уровнем расходов варианта. Как писал американский экономист Пол Хейне, добиться эффективности — значит получить как можно больше из доступных ограниченных ресурсов [7].

При этом эффективность и экономичность, по словам Хейне, в экономике являются синонимами, поскольку характеризуют «результативность» (effectiveness) использования средств для достижения целей. Но применительно к социальной сфере такая трактовка эффективности недостаточна: широкая общественная роль медицинской помощи не позволяет ограничиться утилитарными соображениями в управлении отраслью. Здесь следует остановиться на двух принципиально важных моментах.

Во-первых, в здравоохранении следует принимать во внимание не только сугубо экономический (экономический анализ с выбором наиболее дешёвых вариантов вложения средств), но и медицинский (за счёт регламентации и стандартизации медицинской помощи), а также социальный (ориентация на снижение заболеваемости и смертности, повышение продолжительности и качества жизни, рост производительности труда) аспекты эффективности¹.

Во-вторых, в здравоохранении имеет место сложность оценки результата на макро- и мезоуровнях, который должен выражаться в снижении смертности, заболеваемости, нетрудоспособности и пр. Инерционность медико-демографических показателей и полидетерминированность здоровья обуславливают практическую сложность установления связи между ассигнованиями (inputs) на охрану и укрепление здоровья населения и их практическими результатами (outputs), то есть проведение инкрементного, или приростного, анализа.

¹ Специфика здравоохранения состоит в том, что в организации служб оказания медицинской помощи имеет место понимание эффективности в сугубо экономическом смысле (например, выбор наиболее дешёвой альтернативы при госзакупках), и в то же время в здравоохранении есть сферы и виды деятельности, где вопрос об эффективности не может подниматься (содержание санитарной авиации, оказание медицинской помощи детям с врождёнными патологиями, недоношенным и пр.). Это характерный пример преобладания гуманистических принципов над экономической целесообразностью в социальной сфере.

Так, дополнительные затраты на реализацию медицинских программ могут привести к позитивным результатам лишь через несколько лет, но могут вызвать и вовсе парадоксальный эффект, когда увеличение финансирования здравоохранения за счёт повышения доступности и качества услуг открывает ранее латентную заболеваемость.

Таким образом, определение эффективности относительно общественного сектора является более сложным, поскольку затраты здравоохранения ориентированы на потребности населения и социальный эффект, а не на прибыль, как в частном секторе. И сами потребители (пациенты) видят обязательства государства как неограниченное предоставление всего объёма медицинских услуг (термин «эффективность» может рассматриваться как неприемлемый), и функция медицинских работников, работающих в государственных и муниципальных учреждениях, выглядит принципиально по-иному, поскольку роль врачей государственных клиник намного шире, чем у их коллег из частного сектора.

Какие подходы к оценке эффективности существуют в здравоохранении?

Вопрос об эффективности здравоохранения поднимался ещё в условиях социалистической экономики, когда отрасль «здравоохранение» рассматривалась в контексте непроектной сферы².

² Отметим, что ряд авторов отказывает социалистическим системам в эффективности здравоохранения и принципиальной возможности её измерения, поскольку финансирование медицинских учреждений в условиях административно-командной экономической системы осуществлялось по смете, то есть учреждения попросту содержались (Дуганов М.Д. Оценка эффективности расходов на здравоохранение на региональном и муниципальном уровнях; Шейман И.М. Экономика здравоохранения). Действительно, об эффективности хотя бы в самом простом понимании результата вообще можно говорить только в условиях обязательного медицинского страхования, в которых деньги ориентированы на конкретные услуги, а не на содержание учреждений.

Так, советские авторы М.В. Солодков, Р.И. Самар, Л.И. Якобсон выделяли народнохозяйственную и внутреннюю эффективность экономических процессов и мероприятий в здравоохранении. Народнохозяйственная эффективность, по их мнению, должна выражаться отношением прироста уровня благосостояния населения, обусловленного затратами в здравоохранении, к этим затратам:

$$\mathcal{E} = \frac{\Delta\Phi}{\Delta Z},$$

где $\Delta\Phi$ – прирост фонда личного потребления общества;

ΔZ – прирост затрат в здравоохранении, обусловивший $\Delta\Phi$ [4, с. 118].

Уровень народного благосостояния авторы предлагают выражать величиной фонда личного потребления общества (ФЛП), прирост которого как результативная сторона оценки эффективности складывается из двух компонентов – прямого (прирост производства нематериальных благ, то есть медицинских услуг) и косвенного (результат воздействия здравоохранения на эффективность функционирования других отраслей экономики) эффектов затрат в здравоохранении.

Иными словами, прямой эффект инвестиций в здравоохранение состоит в увеличении количества и в повышении качества услуг, косвенный – в увеличении выпуска продукции в прочих отраслях народного хозяйства за счёт увеличения потенциала здоровья и роста производительности труда. Этот методический принцип получил выражение не только в теоретических выкладках, но и практических рекомендациях, прежде всего в рамках «Методики определения эффективности затрат в непроектную сферу (основные положения)», утверждённой в 1979 г. Научным советом АН СССР [4, с. 125].

Данный подход к оценке эффективности здравоохранения, бесспорно, наиболее целесообразен для научных исследований и оценки эффективности здравоохранения на макроуровне, причём и в условиях рыночной экономики, поскольку учитывает теоретически верную связь отрасли с развитием региональной экономики в целом. Однако его практическое использование затруднено в основном в силу сложности количественного выражения результата. Если размер ассигнований и объёмы медицинских услуг поддаются точной количественной оценке, то позитивный результат в виде снижения заболеваемости и смертности трудно «оцифровать». Это обстоятельство делает описанный методический подход неприменимым в контексте оперативного управления здравоохранением. **Инструментарий оценки эффективности здравоохранения должен удовлетворять требованию доступности статистической информации и характеризоваться сравнительной простотой расчёта.**

Только во второй половине 2000-х гг. появилась формализованная методика, вполне удовлетворяющая данным критериям. В 2007 г. Комиссией при Президенте Российской Федерации по вопросам совершенствования государственного управления и правосудия во исполнение Указа Президента Российской Федерации «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» от 28 июня 2007 г. №825 была утверждена официальная практическая методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации [3].

Рекомендуемая схема экономической оценки направлена на решение следующих задач:

1. Выявление зон, требующих приоритетного внимания региональных и муниципальных властей.

2. Разработка перечня мероприятий по повышению результативности деятельности региональных органов исполнительной власти, в том числе по оптимизации неэффективных расходов.

3. Выявление внутренних ресурсов (финансовых, материально-технических, кадровых и др.) для увеличения заработной платы работников бюджетной сферы, повышения качества и объёма предоставляемых населению услуг.

В практической части методики определены пороговые значения основных ресурсных показателей здравоохранения, отклонение от которых расценивается как свидетельство нерационального подхода к организации функционирования отрасли и как составляющая неэффективности регионального здравоохранения в целом. Более того, степень отклонения от норматива рассчитывается арифметически и отражается в конкретном значении суммы так называемых «неэффективных» расходов.

В качестве примера рассмотрим уровень госпитализации. В целях более эффективного использования коечного фонда в Вологодской области планировалось снизить уровень госпитализации до 22,3 случая на 100 человек населения к 2009 г.

Объём неэффективных расходов на госпитализацию больных рассчитывается следующим образом:

$$P4 = \frac{P^1 4 \times V_n}{100},$$

$$P^1 4 = (Y\phi - Y\psi) \times C,$$

где $P4$ — объём неэффективных расходов на стационарную медицинскую помощь вследствие высокого уровня госпитализации (тыс. рублей);

$P^1 4$ — показатель неэффективных расходов на стационарную медицинскую помощь вследствие высокого уровня госпитализации из расчёта на 100 человек населения (тыс. рублей);

$Уф$ – фактический уровень госпитализации в государственные (муниципальные) учреждения здравоохранения из расчёта на 100 человек населения (случаев);

$Уц$ – среднее значение показателя уровня госпитализации в государственные (муниципальные) учреждения здравоохранения из расчёта на 100 человек населения (случаев);

$Ин$ – среднегодовая численность населения в субъекте Российской Федерации (тыс. человек);

$С$ – стоимость лечения стационарного больного в государственных (муниципальных) учреждениях здравоохранения (рублей)

(Методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Протокол № 1 от 18 июля 2007 г.).

Согласно проведённым расчётам, дополнительных (экономически нецелесообразных) расходов отрасли, понесённых по причине повышенного уровня госпитализации (в сравнении с принятым нормативом), уже к 2008 г. в регионе не наблюдалось (табл. 1).

Аналогичный подход к оценке масштабов неэффективных расходов, но на уровне муниципальных образований субъектов РФ, был разработан экспертами Минздравсоцразвития и в 2008 г. утверждён Указом Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» № 607 от 28.04.2008.

Однако сопоставление результатов обоих подходов методически некорректно, так как при оценке неэффективных расходов по методике, закреплённой Указом №825, учитываются показатели всех медицинских учреждений области, включая государственные, тогда как по другой методике, согласно Указу № 607, – только муниципальных, без учёта государственных, что приводит к несопоставимости получаемых результатов. Более того, в районах, прилегающих к крупным городам, – в Череповецком и Вологодском – уровень госпитализации значительно ниже (5,4 и 9,6 соответственно), поскольку часть больных из этих районов лечится в государственных учреждениях здравоохранения и городских ЛПУ (здесь и далее ЛПУ – лечебно-профилактическое учреждение) Вологды и Череповца.

Наконец, некорректность данного подхода состоит ещё и в том, что неэффективные расходы оцениваются в абсолютных показателях, поэтому в более крупных муниципальных образованиях масштабы неэффективных расходов оказываются выше, чем в муниципалитетах с меньшей численностью населения.

Фактически суть предложенной системы оценки соответствует методологии экономического анализа минимизации затрат, когда экономический эффект рассчитывается в терминах расходов, которых удалось избежать в результате замены базового варианта программы новым, экономически более рациональным [10].

Таблица 1. Оценка эффективности расходов здравоохранения Вологодской области на госпитализацию больных в 2006 – 2009 гг.

Показатели	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Уровень госпитализации на 100 чел. (фактический)	25,3	25,5	24,0	22,2
Уровень госпитализации на 100 чел. (нормативный)	22,3	22,3	22,3	22,3
Стоимость лечения стационарного больного в день, руб.	669,59	809,30	1031,20	1079,03
Население области, чел.	1231600	1225300	1222890	1205300
Неэффективные расходы, тыс. руб.	24740,0	421288,7	162686,2	–

Представляется, что методические разработки, закреплённые указами Президента РФ № 825 и 607, следует применять, но — как дополнительные, конкретизирующие ориентиры развития ресурсной базы здравоохранения, что является необходимым в рамках общегосударственной политики оптимизации медицинской помощи и повышения эффективности функционирования отрасли. Вместе с тем их использование в оперативной работе и стратегическом планировании сопряжено с рядом принципиальных проблем.

Во-первых, при расчёте неэффективных затрат на федеральном уровне в рамках методики, закреплённой Указом № 825, первые позиции «эффективности» занимают субъекты Федерации, имеющие низкий на общегосударственном фоне уровень развития сети учреждений здравоохранения.

Во-вторых, при расчёте неэффективных затрат на региональном уровне в рамках методики, закреплённой Указом № 607, первые позиции по эффективности занимают муниципальные образования, имеющие низкий на общерегиональном фоне уровень развития сети учреждений здравоохранения.

В-третьих, расчёт неэффективных затрат по Указу № 607 не учитывает использования муниципальными образованиями госпитальной базы государственных учреждений здравоохранения, что искажает оценку эффективности.

В-четвёртых, нет «привязки» затрат к социально-экономическому результату деятельности здравоохранения. Поэтому существенные масштабы неэффективных расходов, рассчитанные в системе здравоохранения территории (или муниципального образования), не означают неэффективности системы здравоохранения в целом.

Наконец, в-пятых, методика отражает относительную эффективность, то есть успешность достижения заданных параметров, однако остаётся неясным, насколько это способствует получению социально-экономического результата. **Оценка эффективности здравоохранения на региональном и страновом уровнях должна затрагивать не только экономический, но и социальный аспект**³.

В течение ряда лет (с 2003 г.) в Вологодской области проводится оценка эффективности здравоохранения на региональном и муниципальном уровнях, которая, с одной стороны, основана на доступных и статистически достоверных данных и, с другой стороны, ориентирована на измерение социального результата.

Методика

Суть предлагаемой к рассмотрению методики заключается в сопоставлении совокупных затрат бюджета и внебюджетных государственных фондов на финансирование системы здравоохранения с масштабами социальных потерь общества от болезней⁴. Алгоритм оценки состоит из трёх последовательных этапов:

1. Анализ затрат по муниципальным образованиям и классам⁵ МКБ-10.

2. Анализ социальных потерь по муниципальным образованиям и классам МКБ-10.

3. Собственно экономический анализ — через сопоставление затрат и социальных потерь.

³ Стоит отметить, что в системе показателей обсуждаемой методики присутствуют и такие, как удовлетворённость населения медицинской помощью и уровень смертности населения, однако они рассматриваются отдельно от показателей деятельности здравоохранения, в результате чего отчётные документы по результатам расчётов фактически представляют собой справочную информацию и, строго говоря, не содержат собственно оценок эффективности.

⁴ Для здравоохранения вообще традиционен парадоксальный подход к оценке результата по уровню потерь. Аналогично проводится оценка здоровья населения по уровню заболеваемости и смертности.

⁵ МКБ-10 — международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, последний, десятый, пересмотр которой был осуществлён в 1989 г.

Рассмотрим содержание данных этапов подробнее.

1. Для оценки затрат используются показатели расходов на здравоохранение, объединяющие бюджетный и страховой источники финансирования, конкретизируемые и дифференцируемые по территориям, классам болезней и диагностическим единицам с помощью специального пакета компьютерных программ «Финздрав» [1].

2. В качестве оценочного критерия потерь принят уровень преждевременной смертности населения от болезней⁶. Он рассчитывается по следующей формуле:

$$ПППЖ = \sum_{x=0}^{x=L} d_x(L-x),$$

где d_x – число случаев смерти в возрасте x в рамках данного класса заболеваний или муниципального образования;

L – базовое значение продолжительности жизни, возраст, все смерти ранее достижения которого считаются преждевременными.

3. Сопоставление расходов и демографических потерь сводится к построению системы координат, состоящей из двух осей: «потери» и «затраты».

Точка пересечения данных осей определяется как среднеарифметическое значение для однородных показателей (затрат и потерь). Система координат образует четыре квадранта, соответствующие четырём вариантам соотношений показателей затрат и социальных потерь: «высокие затраты – высокие потери», «высокие затраты – низкие потери», «низкие затраты – высокие потери», «низкие затраты – низкие потери» (табл. 2).

В зависимости от того, какие значения принимают показатели затрат и социальных потерь (высокие – низкие) для того или иного объекта анализа (муниципальный район, класс заболеваний, нозологическая единица), уровень эффективности затрат будет оцениваться соответственно четырём указанным вариантам интерпретации данных.

Высокие относительные затраты при высоких потерях характеризуют ситуацию как неэффективное использование ресурсов с точки зрения предупреждения преждевременной смертности.

Таблица 2. Схема типологической матрицы муниципальных образований или классов и нозологических единиц МКБ-10

		Затраты	
		Высокие	Низкие
Социальные потери (ППЖ)	Высокие	1. Затраты неэффективны? Каковы причины неэффективности?	2. Нехватка ресурсов? Если да, то – дополнительное финансирование: - здравоохранение - социальная сфера - производственная сфера
	Низкие	3. Избыток ресурсов? Если да, то – перераспределение: – другие виды заболеваний – меры профилактики – стационарозамещающие технологии	4. Реальная эффективность? Если да, каковы дальнейшие действия? Если нет, существует недофинансирование.

⁶ Использование показателя «ППЖ» в практике государственного управления является перспективным в силу ряда его стратегических преимуществ. Во-первых, он точно отражает степень развития системы охраны здоровья населения, поскольку одной из её первоочередных задач выступает именно предотвращение смертности населения в тех возрастах, в которых она является неестественной. Во-вторых, статистическая информация по смертности населения удовлетворяет двум ключевым критериям – объективности (данные о смертности населения наименее подвержены влиянию таких субъективных факторов, как неточность учёта, недостатки механизма сбора данных) и доступности (практически во всех субъектах Федерации имеются обширные базы данных, содержащие информацию о демографических потерях в разрезе целого ряда существенных признаков – медицинских, половозрастных, территориальных и пр.).

Низкие затраты при высоких потерях трактуются как дефицит ресурсов. Причём дополнительные ресурсы могут быть направлены как в систему здравоохранения, так и в другие отрасли социальной сферы, а также производственный сектор.

При этом важно спрогнозировать, какие мероприятия дадут максимальный эффект по предупреждению или уменьшению преждевременной смертности. Высокие затраты при относительно низких потерях должны оцениваться как «избыток» ресурсов. При этом возможно перераспределение средств внутри системы здравоохранения на лечение болезней других классов либо с затратных видов помощи, таких как стационарная, на более дешёвые формы (например, дневные стационары) и профилактическую деятельность.

И наконец, низкие затраты при низких потерях могут характеризовать ситуацию неоднозначно: либо как реально эффективную с точки зрения предупреждения преждевременной смертности, либо как остро негативную. В силу этого на указанном этапе исследования данные выводы носят преимущественно гипотетический характер, для уточнения полученных фактов необходимо проводить углублённый детальный анализ по каждой из групп, а также по отдельным категориям и объектам оценки.

Для сравнительного анализа объектов, объединённых в рамках единой типологической группы (квадранта), используется индекс «стоимость – эффективность», рассчитываемый как отношение относительных показателей затрат и потерь:

$$T = \frac{C}{L},$$

где C – затраты на здравоохранение (руб. на 1 жителя);

L – потери от преждевременной смертности населения в ПГПЖ (чел.-лет на 1000 чел. населения).

Значение индекса прямо пропорционально уровню расходов и обратно пропорционально уровню социальных потерь. Большее значение T свидетельствует о большем уровне затрат и, следовательно, меньшей эффективности, что, однако, правомерно лишь в рамках отдельных квадрантов и несостоятельно при сравнении показателей, расположенных в разных категориях типологической матрицы.

Использование описанного подхода к оценке эффективности затрат на здравоохранение в Вологодской области позволило сформулировать ряд выводов, важных для принятия управленческих решений в региональном здравоохранении.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим примеры использования алгоритма анализа применительно к муниципальным образованиям Вологодской области на основе данных 2009 г. Типологическая матрица муниципальных районов и городов региона по показателям затрат на здравоохранение и социальных потерь имеет следующий вид (территории здесь распределены по четырём категориям; *табл. 3*).

Для каждого города и района приведены значения индекса «стоимость – эффективность», позволяющие сравнить оцениваемые объекты в рамках отдельных квадрантов матрицы.

Рассмотрим основные результаты оценки за пятилетний период. Опираясь на них, можно отметить, что наибольшие в регионе демографические потери от преждевременной смертности населения и подушевые затраты на здравоохранение имеют место в Междуреченском районе.

Как свидетельствуют статистические данные, в 2007 г. масштабы бюджетных расходов, понесённых в рамках стационарного звена медицинской помощи (в относительном выражении) в Междуреченском районе, превысили аналогичный показатель для крупнейшего в регионе города Череповца почти в два раза.

Таблица 3. Типологическая матрица муниципальных образований Вологодской области по показателям затрат и социальных потерь (по данным 2009 г.)

		Затраты	
		Высокие	Низкие
Социальные потери (ПГПЖ)	Высокие	Междуреченский р-н – 56,23* Кичменгско-Городецкий р-н – 49,71 Вашкинский р-н – 51,52 Усть-Кубинский р-н – 49,28	Устюженский р-н – 48,33 Чагодощенский р-н – 46,81 Кирилловский р-н – 44,86 Кадуйский р-н – 36,13 Череповецкий р-н – 41,29 Грязовецкий р-н – 35,14 Бабаевский р-н – 46,08 Харовский р-н – 42,2 Никольский р-н – 38,04 Вытегорский р-н – 37,67 Вожегодский р-н – 36,03 Бабушкинский р-н – 33,84
	Низкие	Сямженский р-н – 63 Белозерский р-н – 58 Тарногский р-н – 62 г. Вологда – 120 Верховажский р-н – 67 г. Череповец – 68 Великоустюгский р-н – 108	Сокольский р-н – 71 Шекснинский р-н – 54 Нюксенский р-н – 52 Тотемский р-н – 49 Вологодский р-н – 51

* Индекс «стоимость – эффективность», Т.

Таким образом, в одном из самых малочисленных районов области (в нём проживает чуть более 7000 чел.), но в котором расположены центральная районная и участковые больницы, содержатся все основные медицинские службы, расходы на душу населения оказываются очень высокими на общеобластном фоне. Вместе с тем подобная ситуация оценивается как неблагоприятная, поскольку Междуреченский район демонстрирует высокие показатели преждевременной смертности населения, то есть высокие затраты на здравоохранение не являются залогом его демографического благополучия, так как реализуются с преобладанием затратных форм оказания медицинской помощи.

Великоустюгский район и г. Череповец вошли в категорию «высокие затраты – низкие потери». Более детальный анализ показал, что наблюдаемые здесь относительно высокие затраты на здравоохранение отражают сложившийся уровень оснащённости ЛПУ дорогостоящим

медицинским оборудованием, весьма массивным коечным фондом, что требует проведения реструктуризации медицинской сети, внедрения в медицинскую практику стационарозамещающих технологий.

Среди тех муниципальных образований, где отмечаются низкие расходы на здравоохранение на фоне неблагоприятной ситуации с преждевременной смертностью, стоит выделить Никольский и Вытегорский районы. Они требуют особого внимания в процессе принятия управленческих решений, потому что проблемы с недофинансированием здесь дополняются неблагоприятными демографическими тенденциями.

Муниципальные образования, демонстрирующие приближенный к среднеобластному показателю уровень расходов на здравоохранение, но незначительные (ниже среднеобластного значения) показатели преждевременной смертности населения, могут быть отнесены к «относительно благополучным».

В соответствии с приведённым алгоритмом проводится оценка затрат и социальных потерь и в разрезе основных причин смерти по классификации МКБ-10. Подробный анализ указанных параметров позволил установить, что причинами высоких демографических и финансовых потерь в регионе во все рассматриваемые годы были травмы и отравления, заболевания сердечно-сосудистой системы, в частности хроническая ишемическая болезнь сердца, и заболевания органов пищеварения.

Подобная картина является типичной для области в целом и для большинства муниципалитетов в отдельности, однако степень влияния того или иного фактора может существенно колебаться по территориям. Это свидетельствует о необходимости расширения профилактических мероприятий по обозначенным направлениям деятельности и совершенствования механизмов оказания неотложной медицинской помощи пострадавшим, особенно в тех муниципальных образованиях, где такая потребность оценивается как острая (табл. 4).

Для более детальной оценки эффективности проводится углублённый анализ затрат и социальных потерь по тому или иному классу заболеваний или диагнозу в рамках системы МКБ-10 в отдельных муниципальных образованиях региона и затем, на основе сравнения со среднеобластными и максимальными в области показателями и расчёта коэффициентов отклонения, выявляются конкретные причины, детерминирующие высокий уровень расходов и преждевременной смертности в данном муниципалитете.

Таким образом, возможности оценки с применением предлагаемого механизма чрезвычайно широки, поскольку он позволяет выявить конкретные факторы риска – те причины смертности, которые обуславливают наибольший вклад в сумму расходов на здравоохранение и социальные потери общества от преждевременной смертности как в целом в регионе, так и в отдельных муниципальных образованиях.

Таблица 4. Типологическая матрица причин смерти (МКБ-10) в Вологодской области по показателям затрат и социальных потерь (2009 г.)

		Затраты	
		Высокие	Низкие
Социальные потери (ППЖ)	Высокие	Болезни органов дыхания – 163,07* Болезни органов пищеварения – 49,40 Болезни системы кровообращения – 32,15 Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин – 10,83	Новообразования – 24,77
	Низкие	Некоторые инфекционные и паразитарные болезни – 316,00 Психические расстройства и расстройства поведения – 2 175,74 Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани – 1618,22 Беременность, роды и послеродовой период – 13 848,57	Врожденные аномалии, деформации и хромосомные нарушения – 18,67 Отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде – 118,58 Болезни нервной системы – 119,55 Болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ – 299,63 Болезни мочеполовой системы – 561,13 Болезни крови, кроветворных органов, нарушения иммунного механизма – 657,91 Болезни кожи и подкожной клетчатки – 972,96 Болезни уха и сосцевидного отростка – 1624,17
* Значение технического индекса «стоимость – эффективность».			

Управленческие решения

Систематическая практика мониторинга, предоставляющая информацию о затратах, потерях (ПППЖ) по отдельным территориям, причинам смерти и отдельным диагнозам, позволяет с достаточной долей достоверности и научной обоснованности отслеживать и оценивать ситуацию с эффективностью затрат на здравоохранение в муниципальных образованиях региона. Особое внимание при этом уделяется тем из них, которые проявляют негативные тенденции в показателях затрат на здравоохранение и социальных потерь вследствие преждевременной смертности среди населения в многолетнем временном контексте.

Внедрение в практическую деятельность здравоохранения результатов анализа затрат и социальных потерь, проведённого в соответствии с представленным алгоритмом, на сегодняшний день позволило:

1. Повысить уровень целеполагания и обоснованности управленческих решений.

Выводы, получаемые в ходе исследования, используются при обсуждении проектов бюджета и финансирования целевых программ в сфере здравоохранения с департаментом финансов области, в результате чего достигнут ежегодный устойчивый рост финансирования здравоохранения, составивший за период с 2003 по 2008 г. 2,7 раза. Был обоснован также ряд целевых программ по ключевым направлениям деятельности, в частности по профилактике и лечению туберкулеза, артериальной гипертензии, сахарного диабета, анти-ВИЧ/СПИД.

2. Выявить классы болезней и отдельные заболевания, смертность от которых приносит наибольший социально-экономический ущерб.

Установлено, что причинами высоких демографических и финансовых потерь в регионе являются травмы, отравления и другие последствия воздействия внешних

причин (в рамках этого класса – следующие нозологические единицы: асфиксия, токсическое действие алкоголя, переломы костей черепа и др.), заболевания сердечно-сосудистой системы (в частности, хроническая ишемическая болезнь сердца, кардиомиопатия, внутримозговое кровоизлияние, инфаркт миокарда), заболевания органов пищеварения (фиброз и цирроз печени, алкогольная болезнь печени, токсическое поражение печени).

И хотя структура смертности от заболеваний типична для большинства муниципалитетов региона, вклад той или иной причины смерти в общий объём демографических потерь может существенно колебаться в разрезе территорий, что даёт возможность «дифференцировать» управленческие решения по отдельным муниципалитетам, выявляя специфические для них условия и факторы риска.

3. Проводить работу по реструктуризации коечной сети и развитию дневных стационаров при определении государственных и муниципального заказов на предоставление медицинских услуг.

Полученные результаты используются департаментом здравоохранения в процессе сотрудничества с органами местного самоуправления при обосновании реструктуризации коечного фонда и создания межрайонных центров – узлов оказания медицинской помощи. В 2008 году проведена концентрация коек инфекционного и акушерского профилей в Сокольском районе для обслуживания населения Харовского, Вожегодского и Усть-Кубинского районов, в 2009 году – концентрация коек хирургического и педиатрического профиля в Тотемском районе для обслуживания жителей соседнего Бабушкинского района. Казалось бы, между результатами исследования и практическими мерами существует противоречие, так как анализ выявляет затратные единицы и в то же время создаются межрайонные центры,

области локализации и концентрации ресурсов, что автоматически приводит к «удорожанию» медицинской помощи в них. Однако противоречия никакого нет, поскольку результативность массивных коечных мощностей как таковых гораздо ниже результативности меньших по масштабам коечных фондов, но оснащённых современной техникой и обеспеченных квалифицированными кадрами.

Как было показано выше, Междуреченский и Великоустюгский районы, а также г. Череповец демонстрируют самые высокие в регионе показатели расходов на здравоохранение. В ходе исследования выяснилось, что это обусловлено затратностью созданных в них коечных фондов (здесь работает так называемый Закон Рёмера: расширение коечного фонда приводит к росту масштабов госпитализации, поскольку возникает необходимость заполнить созданные койки). На основе полученных выводов были приняты меры по реструктуризации стационарной помощи, в результате чего за период с 2008 по 2010 г. коечные ёмкости муниципальных учреждений здравоохранения уменьшились: в Великоустюгском районе – на 23%, в Междуреченском – на 18%, в г. Череповце – на 22%. Параллельно с сокращением числа коек активно развивались приёмно-диагностические отделения и дневные стационары, что позволяет оказывать медицинские услуги должного качества в амбулаторных условиях и, как следствие, добиваться значительного экономического эффекта.

4. Обосновывать необходимость инвестиций на развитие здравоохранения по тем службам, которые отвечают за профилактику и лечение наиболее «проблемных» заболеваний.

За 5 лет (с 2003 по 2008) в регионе были расширены штаты областного центра медпрофилактики, развернуты его филиалы во всех муниципальных районах.

Кроме того, увеличены штаты и расширены функциональные обязанности центра ВИЧ/СПИД, организован оргметодкабинет на базе областной инфекционной больницы. Вложены значительные инвестиции в строительство и оснащение радиологического корпуса областного онкодиспансера (596 млн. рублей), который начал работать с июня 2009 года. В связи с этим повысилась доступность данного вида помощи, прежние расходы на которую, как позволили заключить исследования, были недостаточными.

За счёт организации трехуровневой системы оказания медицинских услуг беременным и роженицам удалось снизить практически в два раза младенческую смертность. Данные о высокой смертности среди населения от дорожно-транспортных происшествий на трассе «Вологда – Сокол» послужили основанием для создания двух травмцентров на базе Вологодской областной и Сокольской городской больниц с целью оказания эффективной помощи тем, кто получил множественные травмы, и доставлять пострадавших в стационар в течение «золотого часа».

Результаты экономического анализа, проводимого по представленной методике, используются для обоснования приоритетов финансирования в рамках отрасли и определения наиболее приемлемых вариантов вложения средств в обеспечение деятельности по охране и укреплению общественного здоровья. Реализация и тиражирование данного проекта в масштабах области позволит обеспечить повышение эффективности расходов на охрану здоровья населения и прозрачности процесса управления и планирования в региональном здравоохранении.

Литература

1. Дуганов, М.Д. Оценка эффективности расходов на здравоохранение на региональном и муниципальном уровнях / М.Д. Дуганов. – М.: ИЭПП, 2007. – 112 с.
2. Кочуров, Е.В. Оценка эффективности деятельности лечебно-профилактических учреждений: сравнительный анализ методов и моделей / Е.В. Кочуров // Вестник СПбГУ. Сер. 8. – 2005. – № 3. – С. 100-120.
3. Методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Протокол № 1 от 18 июля 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.primorsky.ru/files/5584.doc>
4. Непроизводственная сфера СССР / под ред. М.В. Солодкова. – М.: Мысль, 1981. – 351 с.
5. Об утверждении Плана действий по реализации Программы социально-экономического развития Вологодской области на 2011 – 2013 годы: постановление Правительства Вологодской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://vologda-oblast.ru/periodic.asp?CODE=8052> (дата обращения 14.04.2011).
6. Стратегический план «Охрана и укрепление здоровья населения Вологодской области на 2003 – 2010 годы». – Вологда, 2002. – 100 с.
7. Хейне, П. Экономический образ мышления / П. Хейне. – М.: Новости, 1997. – 704 с.
8. Чубарова, Т.В. Экономика здравоохранения: теоретические аспекты (научный доклад) / Т.В. Чубарова. – М.: Институт экономики РАН, 2008. – 68 с.
9. Шейман, И.М. Экономика здравоохранения: учебное пособие / И.М. Шейман. – М.: ТЕИС, 2001. – 323 с.
10. Drummond, M.F. Methods for the Economic Evaluation of Health Care Programmes / M.F. Drummond, M.J. Sculpher, G.W. Torrance, B. J. O'Brien., G.L. Stoddart. – Third edition (Oxford Medical Publications). – Oxford University Press, 1997. – 379 p.
11. Premature Mortality in the United States of America: Public Health Issues in the Use of Years of Potential Life Lost (YPLL) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cdc.gov/mmwr/preview/mmwrhtml/00001773.htm> (дата обращения 15.03.2011).
12. Калашников, К.Н. Здравоохранение и экономика региона / К.Н. Калашников // Проблемы развития территории. – 2011. – №1(53). – С. 75-82.
13. Калашников, К.Н. Оценка эффективности расходов на здравоохранение: опыт Вологодской области / К.Н. Калашников, М.Д. Дуганов, А.А. Шабунова // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 3. – С. 201-218.

УДК 64.012(470.12)

© Таслунов А.Н.

© Барабанов А.С.

Анализ тарифного регулирования в сфере жилищно-коммунального хозяйства (на примере г. Вологды)

В статье рассматриваются вопросы тарифного регулирования в сфере жилищно-коммунального хозяйства г. Вологды. На основе собранных сведений об оплате населением жилищно-коммунальных услуг выявлен рост тарифов на данные услуги. Определены органы государственной власти, регулирующие тарифы, их компетенция. Рассмотрены схемы формирования тарифов на жилищно-коммунальные услуги, особенности и мероприятия, сдерживающие повышение тарифов.

Жилищно-коммунальное хозяйство, тарифы на жилищно-коммунальные услуги, схема формирования тарифов, тарифное регулирование.

**Александр Николаевич
ТАСЛУНОВ**

младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН
an.taslunov@gmail.com

**Андрей Сергеевич
БАРАБАНОВ**

младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН
qwerdsa-asb@mail.ru

Жилищно-коммунальное хозяйство, являясь одной из наиболее значимых сфер экономики, оказывает существенное влияние на все стороны жизнедеятельности общества. Доступность и качество жилищно-коммунальных услуг – факторы, определяющие уровень жизни населения, возводящие в ранг стратегической задачи развитие социальной инфраструктуры.

Реформа жилищно-коммунального хозяйства, сформировавшая качественно новую сферу жилищных отношений, вместе с тем породила определенные проблемы в развитии этого сектора экономики. Это несформированность полноценного рынка услуг по эксплуатации и надлежащему содержанию жилищного фонда, отсутствие государственного контроля за

Таблица 1. Участники анализа тарифов жилищно-коммунальных услуг в г. Вологде

№ п/п	Адрес	Форма управления*	Наименование организации	Район города
1.	ул. Ударников, 29	УК (частная)	ООО «Висис»	Центральный
2.	ул. Козленская, 65	УК (муниципальная)	МАУ «Управление жилищного хозяйства г. Вологды», участок №2	Центральный
3.	ул. Первомайская, 5	УК (муниципальная)	МАУ «Управление жилищного хозяйства г. Вологды», участок №2	Центральный
4.	ул. Дальняя, 18	ТСЖ	ТСЖ «Дальняя 18»	Заречный
5.	ул. Самойло, 18	УК (частная)	ОАО «Фрязиново»	Заречный
6.	ул. Дальняя, 22а	УК (муниципальная)	МАУ «Управление жилищного хозяйства г. Вологды», участок № 3	Заречный
7.	ул. Ленинградская, 77	ЖСК	ЖСК «Риск»	Западный
8.	ул. Гончарная, 8	ЖК	ЖК «МЖК»	Западный
9.	ул. Петрозаводская, 26	УК (частная)	ООО УК «РЭС-12+»	Восточный
10.	ул. Текстильщиков, 10	УК (частная)	ООО УК «РЭС-12»	Восточный

* Основными формами управления многоквартирным домом являются: товарищество собственников жилья, управляющие компании и непосредственное управление многоквартирным домом (ст. 135, 162, 164 ЖК РФ). Управление многоквартирными домами могут осуществлять также жилищные и жилищно-строительные кооперативы, являющиеся особыми видами потребительских кооперативов (ст. 110 ЖК РФ).

его нормативным содержанием, а также административных рычагов воздействия на эксплуатационные службы, низкая подготовленность большинства собственников жилья в вопросах эффективного управления.

Особый дисбаланс в развитии жилищно-коммунального хозяйства прослеживается в системе ценообразования в тарифной политике относительно услуг естественных монополий, от которой зависит возможность нормальной эксплуатации и развития предприятий коммунального комплекса. Порядок установления и формирования тарифов на услуги предприятий данного комплекса затрагивает интересы как самих предприятий (в части формирования финансового результата хозяйственной деятельности), так и населения (в части доступности и возможности оплаты данного вида услуг).

Поэтому участники системы тарифного регулирования заинтересованы в обеспечении согласованности интересов, объективности и прозрачности процедур тарифного регулирования. Повышенное внимание к вопросам тарифообразования в сфере услуг

предприятий городского жилищно-коммунального комплекса обусловливается высокой монополизированностью указанной сферы экономической деятельности, что порождает и обосновывает необходимость анализа тарифного регулирования данной категории предприятий.

Анализ тарифного регулирования производился на основе информации об оплате жилищно-коммунальных услуг населением в г. Вологде. В качестве материалов использовались счета-квитанции собственников квартир из десяти многоквартирных домов (различных по формам управления и территориальному размещению; табл. 1).

На основе собранных данных произведен расчет структуры платежей за жилищно-коммунальные услуги¹ в целях обоснования влияния отдельных тарифов на общую стоимость услуг.

¹ Расчет структуры платежей производился на основе данных, представленных в счетах-квитанциях собственников жилья за 2010 г., для стандартной квартиры (находящейся под управлением муниципальной управляющей компании) площадью 54 кв. м и семьи из трех человек со среднемесячным электропотреблением 200 кВт/ч.

Самой затратной услугой является отопление – 34% от суммы жилищно-коммунальных платежей, на втором и третьем месте – содержание жилья и горячее водоснабжение – 18 и 14% соответственно (табл. 2). Это в целом соответствует общероссийским тенденциям.

В структуре совокупного платежа за жилищно-коммунальные услуги в г. Вологде почти 78% приходится на коммунальные и 22% – на жилищные услуги (для сравнения: по России в целом – 84 и 16% соответственно [10]).

Анализ платежей за коммунальные услуги показал, что они одинаковы для жителей всех домов независимо от формы управления и территориального признака (район размещения). Однако увеличение тарифов за 2006 – 2010 гг. было весьма существенным (на электричество – 158%, горячую воду – 171%, отопление – 172%, газ – 218%, холодную воду – 220%, водоотведение – 240%, вывоз бытовых отходов – 192%; табл. 3). За рассмотренный период рост тарифов на некоторые виды коммунальных услуг более чем на 50% опередил индекс потребительских цен (рис. 1).

Таблица 2. Структура платежей за жилищно-коммунальные услуги в г. Вологде (рассчитано для квартиры площадью 54 кв.м и семьи из трёх человек)

Вид жилищно-коммунальных услуг	2006 г.	2007 г.	2008	2009 г.	2010 г.	Изменение 2010 – 2006 гг., п.п.
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	х
Отопление	34,8	34,0	32,6	33,5	34,2	-0,6
Содержание	22,2	18,2	20,6	19,8	17,7	-4,5
Горячая вода	14,1	13,8	13,2	13,5	13,8	-0,3
Электричество	11,8	10,9	10,5	9,6	10,7	-1,1
Холодная вода	6,8	7,2	7,6	8,7	8,6	1,8
Водоотведение	4,6	5,1	4,9	6,6	6,3	1,7
Капитальный ремонт	2,3	6,3	6,0	4,9	4,4	2,1
Газ	1,9	2,0	2,4	2,0	2,4	0,5
Вывоз бытовых отходов	1,5	2,5	2,2	1,4	1,9	0,4

Таблица 3. Динамика тарифов на коммунальные услуги в г. Вологде (на 1 января)

Показатель	2006 г.		2007 г.		2008 г.		2009 г.		2010 г.		
	стоимость	к 2005 г., %	стоимость	к 2006 г., %	стоимость	к 2007 г., %	стоимость	к 2008 г., %	стоимость	к 2009 г., %	к 2006 г., %
Отопление, руб./кв. м	15,95	н/д	19,03	119,3	19,03	100,0	23,94	125,8	27,41	114,5	171,9
Газ, руб./чел.	16,08	н/д	20,28	126,1	25,22	124,4	25,22	100,0	34,98	138,7	217,5
Холодная вода, руб./чел.	56,12	н/д	73,00	130,1	80,03	109,6	112,18	140,2	123,76	110,3	220,5
Горячая вода, руб./чел.	116,5	н/д	138,98	119,3	138,98	100,0	174,31	125,4	199,54	114,5	171,3
Водоотведение, руб./чел.	37,93	н/д	51,01	134,5	51,19	100,4	85,00	166,0	90,93	107,0	239,7
Электричество, кВт/час	1,46	н/д	1,65	113,0	1,65	100,0	1,85	112,1	2,31	124,9	158,2
Вывоз бытовых отходов, руб./чел.	12,50	н/д	25,35	203,0	23	91,0	1,03*	80,6	1,34*	130,0	192,1
Индекс потребительских цен, %	109,0		111,9		113,3		108,8		108,8		164,0

* Стоимость с квадратного метра.

Рост тарифов на коммунальные услуги predetermined повышение их общей стоимости за 2006 – 2010 гг. для квартиры с полной степенью благоустройства площадью 54 кв. м и семьи из трех человек в 1,8 раза (для сравнения: по РФ в целом рост составил почти 2 раза; табл. 4).

Что касается жилищных услуг, то анализ соответствующих тарифов позволяет сделать вывод о том, что они различны для собственников квартир в домах с разной формой управления. Рост тарифов за 2006 – 2010 гг. на содержание жилья в ТСЖ (191%) был большим, чем в управляющих

Рисунок 1. Сравнение индексов потребительских цен и тарифов на коммунальные услуги в г. Вологде (в 2010 г. по отношению к 2006 г.), в %

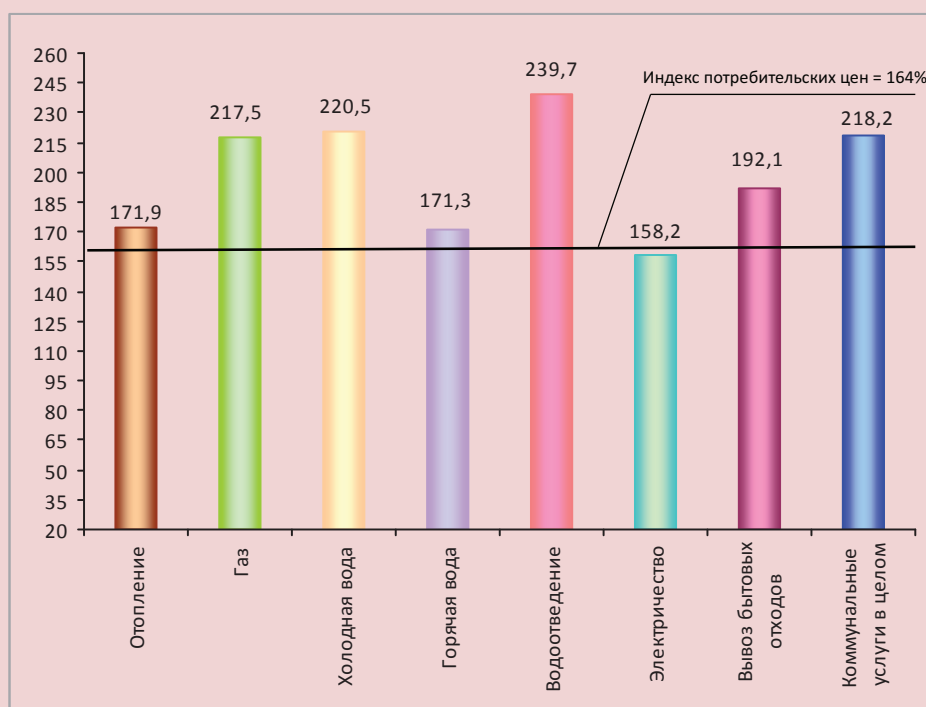

Таблица 4. Стоимость коммунальных услуг в месяц для квартиры с полной степенью благоустройства площадью 54 кв. м и семьи из трех человек*

Показатель	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2010 г. к 2006 г., %
Общая стоимость коммунальных услуг в г. Вологде, руб.	1578,5	1953,3	1982,6	2542,3	2899,8	183,7
В том числе:						
- отопление, руб./м ²	861,3	1027,6	1027,6	1296,7	1480,1	171,8
- газ, руб./чел.	48,2	60,8	75,6	75,6	104,9	217,6
- холодная вода, руб./чел.	168,3	219,0	240,0	336,5	371,2	220,6
- горячая вода, руб./чел.	349,5	416,9	416,9	522,9	598,6	171,3
- водоотведение, руб./чел.	113,7	153,0	153,5	255,0	272,7	239,8
- вывоз бытовых отходов, руб./чел.	37,5	76,0	69,0	55,6	72,3	192,8
Общая стоимость коммунальных услуг в РФ, руб.	1629,1	1813,8	2137,1	2637,9	3243,5	199,1

* Расчет произведен на основе тарифов, официально установленных РЭК Вологодской области, а также счетов-квитанций, представленных собственниками жилья.

компаниях (142 и 139%; табл. 5). Но в абсолютном значении тарифы в ТСЖ были ниже. Особняком стоит жилищный кооператив, в котором тариф на содержание жилья в 2006 г. составлял 9,77 руб. с квадратного метра, таким же он остался и на протяжении всего рассматриваемого периода (данный факт требует дополнительных исследований). Увеличение тарифа на содержание жилья в ЖСК за 2006 – 2010 гг. составило 571%, вместе с тем величина тарифа в 2010 г. была на общегородском уровне.

Плата за *капитальный ремонт* в домах с формой управления ТСЖ, ЖК, ЖСК с жильцов не взималась по причине того, что дом новый и не нуждается в капитальном ремонте либо плата за текущий ремонт включена в плату за содержание жилья, как, например, в ТСЖ «Дальняя, 18».

Рост тарифа на оплату капитального ремонта в домах под управлением частных и муниципальных компаний за период 2006 – 2010 гг. составил 332%, однако в структуре платежей данная услуга занимает 4,4%, что говорит о незначительном ее влиянии на общую стоимость жилищно-коммунальных услуг (табл. 6).

Следовательно, можно сделать вывод о том, что тарифы на коммунальные услуги за последние пять лет выросли в среднем на 218% (рост потребительских цен – 164%). При этом рост тарифов опережает рост индекса потребительских цен на 54%. Соответственно ежегодно возрастает и доля семейного бюджета, идущего на оплату жилищно-коммунальных услуг (с 5,4% в 2000 г. до 10,2% в 2009 г.; рис. 2).

Таблица 5. Динамика тарифов на содержание жилья в домах с различными формами управления в г. Вологде (на 1 января)

Форма управления жилым домом	2006 г.		2007 г.		2008 г.		2009 г.		2010 г.		
	стоимость	к 2005 г., %	стоимость	к 2006 г., %	стоимость	к 2007 г., %	стоимость	к 2008 г., %	стоимость	к 2009 г., %	к 2006 г., %
Муниципальная управляющая компания	10,17	н/д	10,17	100	12,0	118,0	14,16	118	14,16	100	139,2
УК «Фрязиново»	10,17	н/д	10,17	100	12,0	118,0	12,0	100	14,16	118	139,2
УК «Висис»	10,17	н/д	10,17	100	12,0	118,0	12,0	100	14,50	120	142,6
УК «РЭС-12+»	10,17	н/д	10,17	100	12,0	118,0	12,0	100	14,50	120	142,6
УК «РЭС-12»	10,17	н/д	10,17	100	12,0	118,0	12,0	100	14,50	120	142,6
ЖСК	2,48	н/д	5,01	202,0	12,0	239,5	14,16	118	14,16	100	571
ТСЖ	7,33	н/д	9,0	122,8	11,20	124,4	11,20	100	14,00	125	191
ЖК	9,77	н/д	9,77	100	9,77	100	9,77	100	9,77	100	100
Индекс потребительских цен, %	109,0		111,9		113,3		108,8		108,8		164,0

Таблица 6. Динамика тарифов на капитальный ремонт в домах под управлением частных и муниципальных компаний (на 1 января)

Показатель	2006 г.		2007 г.		2008 г.		2009 г.		2010 г.		
	стоимость	к 2005 г., %	стоимость	к 2006 г., %	стоимость	к 2007 г., %	стоимость	к 2008 г., %	стоимость	к 2009 г., %	к 2006 г., %
Капитальный ремонт, руб./кв. м	1,06	н/д	3,52	332,0	3,52	100,0	3,52	100,0	3,52	100,0	332,0
Индекс потребительских цен, %	109,0		111,9		113,3		108,8		108,8		164,0

Рисунок 2. Доля расходов населения на оплату услуг ЖКХ в г. Вологде, %

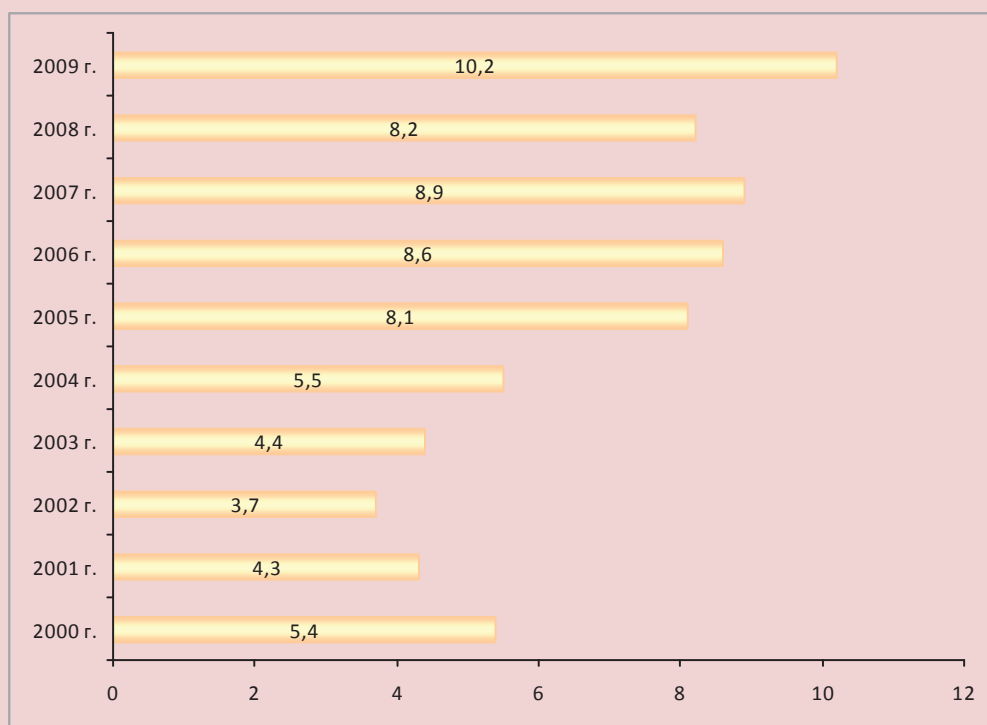

Таблица 7. Заработная плата работников организаций г. Вологды, руб.

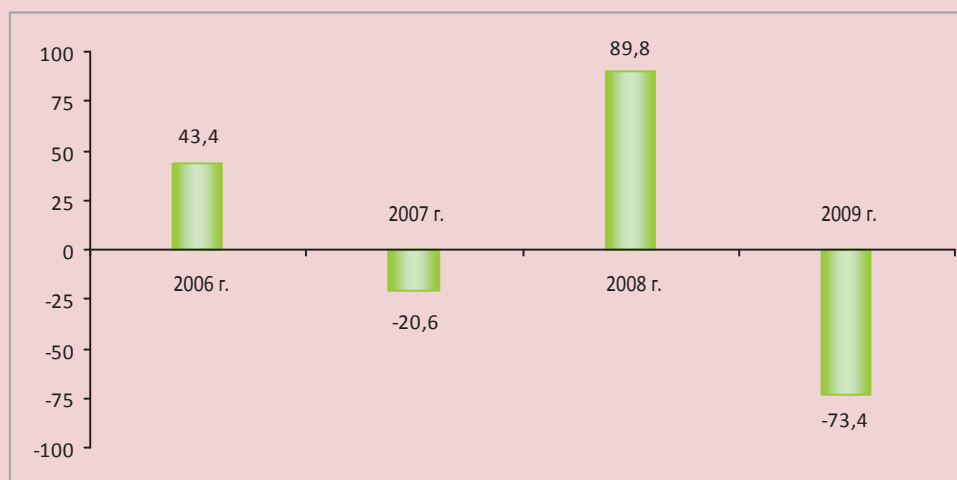
Показатель	2006 г.		2007 г.		2008 г.		2009 г.		2010 г.	
В среднем по городу	11061	100,0	13821	100,0	17273	100,0	17580	100,0	18634	100,0
Жилищно-коммунальное хозяйство	16561	149,7	18233	131,9	22136	128,2	24993	142,2	26492	142,2
Транспорт и связь	12321	111,4	14597	105,6	18805	108,9	20921	119,0	22364	120,0
Обрабатывающие производства	10026	90,6	12818	92,7	15629	90,5	15029	85,5	15479	83,1
Оптовая и розничная торговля	8701	78,7	10928	79,1	14841	85,9	14048	79,9	14581	78,2
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	8507	76,9	10533	76,2	13411	77,6	13107	74,6	13985	75,1
Образование	7440	67,3	9253	66,9	11604	67,2	12618	71,8	13627	73,1

Источник: Районы и города Вологодской области. Социально-экономические показатели: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2010.

Согласно данным опроса, проведенного сотрудниками ИСЭРТ РАН, в 2010 г. средняя по городу доля оплаты жилищно-коммунальных услуг в структуре семейного бюджета составляла 20 – 30% (отметили около 63% опрошенных). Однако около 13% респондентов тратят на это 40% семейного бюджета.

Вместе с тем ситуацию в жилищно-коммунальном хозяйстве г. Вологды можно охарактеризовать как противоречивую. С одной стороны, в данной сфере достаточно высокие темпы роста заработной платы, которая более чем на 40% превышает (в натуральном выражении) средний показатель в экономике города (табл. 7).

Рисунок 3. Финансовый результат деятельности организаций жилищно-коммунального хозяйства г. Вологды, млн. руб.

Источник: Районы и города Вологодской области. Социально-экономические показатели: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2010.

С другой стороны, результативность работы жилищно-коммунального комплекса все еще остается низкой.

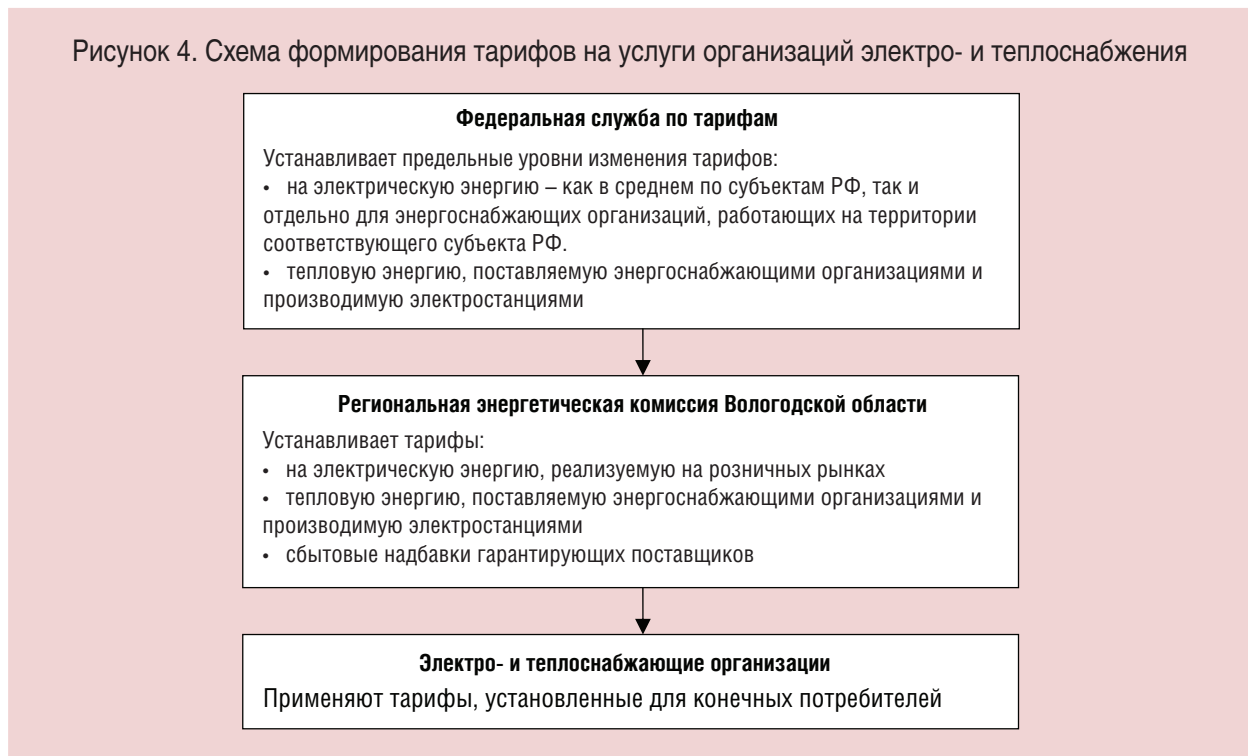
Об этом свидетельствует тот факт, что финансовый результат деятельности организаций жилищно-коммунального хозяйства в 2007 и 2009 гг. был отрицательным (убыток составил 20,6 и 73,3 млн. руб. соответственно; *рис. 3*).

Значительный рост тарифов на жилищно-коммунальные услуги вызывает закономерный вопрос о схеме их формирования. Этот вопрос живо интересует население города, судя по результатам социологического опроса «Оценка состояния сферы жилищно-коммунального хозяйства г. Вологды», проведенного ИСЭРТ РАН в 2010 г. Система расчета тарифов на услуги ЖКХ по-прежнему остается непонятной для 28% жителей г. Вологды; более 40% понимают ее лишь частично; 69% респондентов считают, что тарифы завышаются и не соответствуют качеству предоставляемых услуг; более 42% респондентов не имеют представления о способах управления своим домом [9].

Данные опроса говорят о низкой информированности населения г. Вологды в части изменений, происходящих в жилищно-коммунальном комплексе, а также о сложности восприятия нормативно-правовой базы регулирования тарифов в сфере ЖКХ – многочисленных законодательных актов федерального, регионального и местного значения. Наиболее важные из них:

- Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ;
- Федеральный закон РФ от 30.12.2004 № 210-ФЗ «Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса»;
- Федеральный закон РФ от 14.04.1995 № 41-ФЗ «О государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию в Российской Федерации»;
- Постановление Правительства РФ от 26.02.2004 № 109 «О ценообразовании в отношении электрической и тепловой энергии в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации».

Рисунок 4. Схема формирования тарифов на услуги организаций электро- и теплоснабжения

Исполнительным органом государственной власти, осуществляющим функции в сфере регулирования тарифов и надбавок к ним организаций жилищно-коммунального комплекса, является Региональная энергетическая комиссия Вологодской области, которая устанавливает:

- тарифы (цену, плату за передачу) на электрическую и тепловую энергию, отпускаемую всеми энергоснабжающими организациями;
- цены на природный и сжиженный газ, реализуемый населению;
- тарифы организаций коммунального комплекса (водоснабжение и водоотведение, очистка сточных вод и утилизация твердых бытовых отходов).

Тарифы на услуги организаций, осуществляющих производство и передачу **тепловой и электрической энергии**, формируются согласно схеме (рис. 4). Особенность регулирования данных тарифов заключается в том, что Федеральная

служба по тарифам устанавливает предельные уровни их изменения² на основании прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на очередной год.

Схема ценообразования на услуги организаций газоснабжения отличается от предыдущей схемы тем, что Федеральная служба по тарифам формирует не предельные уровни изменения тарифов, а оптовую цену на ресурс (рис. 5).

Согласно действующим полномочиям органы государственной власти формируют тарифы на **холодное и горячее водоснабжение, водоотведение, очистку сточных вод и утилизацию твердых бытовых отходов** на основе учета финансовых потребностей данных организаций, реализующих производственные и инвестиционные программы (рис. 6).

² Предельные уровни изменения – предельные минимальный и (или) максимальный уровни регулируемых тарифов, в рамках которых устанавливаются тарифы и сбытовые надбавки.

Рисунок 5. Схема формирования тарифов на услуги организаций газоснабжения

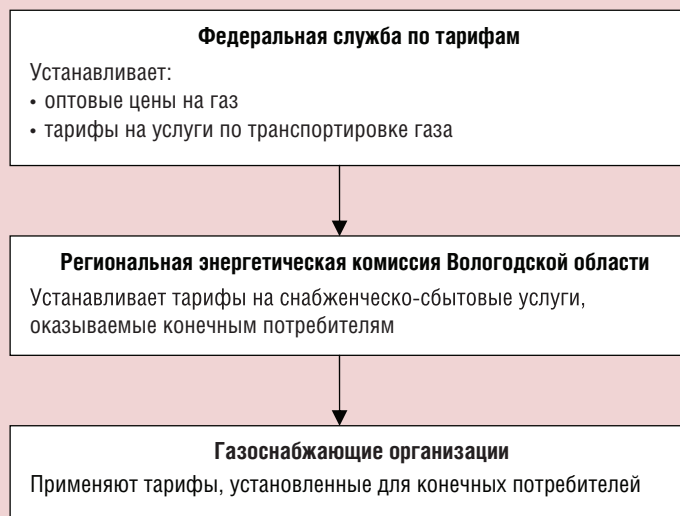

Рисунок 6. Схема формирования тарифов на услуги организаций, предоставляющих холодное и горячее водоснабжение, водоотведение, очистку сточных вод и утилизацию ТБО

В отличие от вышеприведенных схем, при формировании тарифов на **жилищные услуги** размер платы за содержание и ремонт жилого помещения не регулируется государством, порядок ее формирования законом не закреплён. Она устанавливается на общем собрании собственников жилья на основе сметы заказанных работ и услуг, утвержденной управляющей компанией или товариществом собственников жилья. Себестоимость работ планируется в соответствии с постановлениями Госстроя РФ³.

Однако если собственники жилья не определились с формой управления домом или с величиной тарифа, размер платы за ремонт и содержание жилья устанавливается органами местного самоуправления. В Вологде его устанавливает глава города [5]. Этим объясняется различие в оплате жилищных услуг в домах с разной формой управления.

Анализ схем формирования тарифов на услуги организаций жилищно-коммунального комплекса позволяет выделить следующие особенности данных тарифов:

1. Ценообразование тарифов и надбавок на товары и услуги энергоснабжающих организаций базируется на прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации [7]. Такой подход является экономически необоснованным. На наш взгляд, в сфере регулирования деятельности естественных монополий ценообразование должно учитывать издержки производства продукции, исключая возможность получения экономической прибыли за счет монопольного положения на рынке.

³ Методические рекомендации по финансовому обоснованию тарифов на содержание и ремонт жилищного фонда, утвержденные Приказом Госстроя России от 28.12.2000 № 303; Рекомендации по нормированию материальных ресурсов на содержание и ремонт жилищного фонда, утвержденные Приказом Госстроя России от 22.08.2000 № 191.

2. Система расчетов регулирующими органами предельных индексов и тарифов и неучастие в данном процессе представителей общественности характеризуют данную систему как непрозрачную.

3. Сложная трехуровневая система регулирования дает возможность реализовывать интересы ресурсоснабжающих организаций, что делает процедуру утверждения тарифов политизированной. Причиной служит то, что органы местного самоуправления являются одновременно и собственниками коммунальных предприятий. Это приводит к тому, что отношения между предприятиями жилищно-коммунального хозяйства и органами местного самоуправления принимают чисто административный характер.

4. Сложившаяся нормативная система оплаты жилищно-коммунальных услуг не позволяет учитывать реально понесенные производителем затраты, объемы фактического потребления и уровень потерь продукта в процессе его получения и доставки. Это вызывает существенное расхождение между объемами подачи и потребления продукта (к примеру, потребление холодной воды в г. Вологде по нормативу составляет 180 л/сутки на чел., по показаниям прибора учета порядка – 73 л/сутки; горячей воды – 120 л/сутки на чел., фактически потребляется 55 л/сутки) [9].

5. Формирование тарифа на жилищные услуги фактически не находится в сфере регулирования государства и зависит от деятельности управляющих компаний.

Выявленные особенности регулирования тарифов на жилищно-коммунальные услуги объясняют различие в темпах их роста и тем или иным образом являются причиной их увеличения.

В целях определения объективности формирования тарифов на жилищно-коммунальные услуги необходимо вводить обязательную аудиторскую экспертизу тарифов, осуществляемую специальной

комиссией, состоящей из представителей РЭК, независимых экспертов по вопросам ЖКХ и представителей общественности, что позволит:

- выявить неэффективные и необоснованные затраты (различного вида потери ресурсов при их транспортировке до конечного потребителя), включаемые в расчеты тарифов;
- учитывать факторы снижения производственной себестоимости на всех уровнях ценообразования;
- провести независимую оценку полезности и окупаемости инвестиционных программ, предваряющую принятие решения об их включении в структуру тарифа.

Администрациями г. Вологды и г. Череповца уже делаются первые шаги по регу-

лированию деятельности управляющих компаний. В Череповце создан Общественный совет по контролю в сфере ЖКХ, представители которого совместно с властями города намерены участвовать в проведении аудита эффективности расходования управляющими компаниями денежных средств.

В Вологде по инициативе группы депутатов городской Думы от партии «Единая Россия» формируется рейтинг управляющих компаний, который учитывает число обращений на «горячую линию», оперативность решения вопросов, задолженность управляющих компаний перед поставщиками коммунальных услуг, общую площадь жилых домов, находящихся в управлении, и другие показатели (табл. 8).

Таблица 8. Рейтинг управляющих компаний г. Вологды на 5.05.2011 г.

№ п/п	Управляющая компания	Число домов	Число обращений	Из них решено	Рейтинг, %
1.	УК «ЦентрЖилСтрой»	6	20	20	89,8
2.	УК «Теплосервис»	9	23	22	89,2
3.	УК «Жилстройиндустрия-сервис»	13	6	3	88,9
4.	УК «Вологдаагрострой-Сервис»	14	15	9	88,6
5.	УК «Вологодский речной порт»	1	1	0	88,5
6.	УК «Владистройкомфорт»	2	2	0	87,7
7.	УК «Жилкомхоз»	9	6	0	86,8
8.	Управляющая организация «Росжилком»	3	3	2	86,0
9.	УК «Сантехмонтаж 1»	3	0	0	81,0
10.	УК «Управдом»	8	0	0	81,0
...
16.	УК «Висис»	7	5	3	80,1
17.	УК «Новые технологии»	29	55	48	79,9
...
33.	МАУ «Управление жилищного хозяйства города Вологды»	1281	782	734	71,9
34.	УК «РЭС-3»	78	175	145	71,7
...
39.	УК «Фрязиново»	120	190	182	71,3
...
42.	УК «РЭС-12+»	35	81	71	71,1
...
45.	УК «РЭС-12»	78	174	138	70,7
...
47.	УК «Дом-Сервис-3»	20	32	12	19,3

Источник: Официальный сайт Администрации города Вологды. – Режим доступа: http://vologda-portal.ru/oficialnaya_vologda/urcomp/

Чем выше рейтинг, тем более надежной считается компания, предоставляющая услуги ЖКХ.

Вместе с тем необходимо отметить, что население г. Вологды недостаточно информировано об организациях, управляющих жилищным фондом. Подробную информацию в виде отчетов о предоставлении жилищно-коммунальных услуг в 2010 г. разместили в Интернете лишь УК «Фрязиново» и УК «Висис». Дома по улицам Ленинградская, 77 и Гончарная, 8 вообще отсутствуют в списке обслуживаемых домов на официальном сайте администрации г. Вологды.

На наш взгляд, в целях определения объективности формирования тарифов на жилищно-коммунальные услуги целесообразно следующее.

⇒ *Необходимо ввести обязательную аудиторскую экспертизу тарифов специальной комиссией, состоящей из представителей Региональной энергетической комиссии Вологодской области, независимых экспертов по вопросам ЖКХ и представителей общественности.* Аудиторская экспертиза тарифов может осуществляться не реже 1 раза в год (на базе РЭК Вологодской области) с обязательной публикацией результатов в СМИ (газеты «Красный Север», «Вологодская неделя» и др.).

⇒ *Чтобы деятельность управляющих компаний г. Вологды стала более прозрачной*

и открытой, отчётность о результатах их деятельности должна быть в свободном доступе для населения. Для собственников жилищного фонда должны быть доступны ежегодные отчёты управляющих компаний. В связи с этим, руководствуясь Постановлением Правительства РФ от 23 сентября 2010 г. № 731, необходимо обязать управляющие компании публиковать отчёты о своей деятельности на своём сайте или сайте органа местного самоуправления муниципального образования. Причем они должны быть доступны в течение 5 лет.

⇒ *Требуется более широко информировать население г. Вологды об изменениях законодательства в жилищно-коммунальной сфере.* Органам местного самоуправления и управляющим компаниям необходимо регулярно информировать жителей г. Вологды о ходе реформирования жилищно-коммунального хозяйства, об изменениях законодательства в сфере жилищно-коммунального хозяйства как на уровне муниципалитета и региона, так и РФ в целом.

Внедрение подобных мероприятий в практику управления жилищным фондом позволит внести ясность в решение многих спорных вопросов, будет способствовать удержанию роста тарифов на жилищно-коммунальные услуги, что в результате обеспечит защиту экономических интересов населения.

Литература

1. Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 29.12.2004 № 188-ФЗ.
2. О газоснабжении в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ.
3. О государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 14.04.1995 № 41-ФЗ.
4. Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса: Федеральный закон РФ от 30.12.2004 № 210-ФЗ.
5. Об установлении платы за содержание и ремонт жилого помещения для нанимателей жилых помещений по договорам социального найма и договорам найма жилых помещений муниципального жилищного фонда: Постановление Главы г. Вологды от 10.04.2009 № 1854 (ред. от 29.12.2010).

6. Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание и ремонт жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность: Постановление Правительства РФ от 13.08.2006 № 491.
7. О ценообразовании в отношении электрической и тепловой энергии в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 26.02.2004 № 109.
8. Афонина, А.В. О защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг / А.В. Афонина // Журнал руководителя и главного бухгалтера. – 2008. – № 4. – С. 56-61.
9. Предложения по повышению эффективности потребления ресурсов в сфере водоснабжения жилых домов: отчет о НИР / А.С. Барабанов, А.Н. Нестеров. – Вологда, 2010. – 98 с.
10. Гражданское общество и жилищно-коммунальное хозяйство: материалы доклада Общественной палаты РФ от 6.04.2011.
11. Экономика и организация жилищно-коммунального хозяйства города: учеб. пособ. для студ. высш. учеб. заведений / под ред. Д.М. Жукова. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – 216 с.
12. Каменева, Е.А. Финансы жилищно-коммунального хозяйства / Е.А. Каменева, С.В. Барулин. – М.: Ось-89, 2003. – 312 с.
13. Ключева, О.Н. О предельных индексах роста тарифов на 2010 г. / О.Н. Ключева // Тарифы и инвестиции. – 2009. – № 4. – С. 46-47.
14. Огнев, И.А. Реформа ЖКХ в тупике / И.А. Огнев // ЭКО. – 2010. – № 3. – С. 92-107.
15. Чернышов, Л.Н. Ценовая и тарифная политика в жилищно-коммунальном хозяйстве / Л.Н. Чернышов; под ред. Е.В. Басина. – М.: Книжный мир, 2005. – 183 с.

УДК 314.174(470)

© Морев М.В.

© Любов Е.Б.

Социально-экономический ущерб вследствие смертности населения от самоубийств

В статье представлены результаты анализа социально-экономического бремени суицидальной смертности в России, проведенного научным коллективом ИСЭРТ РАН в рамках НИР «Социальное здоровье населения» в сотрудничестве с ФГУ «Московский НИИ психиатрии» Минздравсоцразвития РФ.

Определено место суицидов в структуре смертности населения. Показано, что Россия является одной из стран, имеющих наиболее высокий уровень самоубийств в Европе.

Рассчитан социально-экономический ущерб от самоубийств в различных половозрастных группах на региональном и государственном уровнях. Он наиболее высок среди мужчин в возрасте от 20 до 29 лет. Регионы с максимальным количеством потерянных лет продуктивной жизни вследствие самоубийств сосредоточены на юге России (Приволжский, Уральский и Сибирский федеральные округа).

Дана сравнительная оценка бремени суицидов в ранжире с распространенными причинами смертности от естественных и внешних причин. По уровню причиняемого социально-экономического ущерба самоубийства значительно превосходят другие причины класса «Несчастные случаи, травмы и отравления» и сравнимы с потерями от ишемической болезни сердца.

Суицид, социальный и экономический ущерб.

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

кандидат экономических наук, научный сотрудник
Института социально-экономического развития территорий РАН
379post@mail.ru

**Евгений Борисович
ЛЮБОВ**

доктор медицинских наук, профессор
руководитель отделения суицидологии ФГУ «Московский
научно-исследовательский институт» Минздравсоцразвития РФ
lyubov.evgeny@mail.ru

Демографическая ситуация в России на протяжении последних двух десятилетий характеризуется высоким уровнем смертности и низким качеством здоровья населения.

Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что она приобретает стадию «длительной стагнации». В перспективе «оценки населения имеют преимущественно пессимистический характер» [13].

Возможности сохранения и укрепления здоровья часто являются предметом научных дискуссий, однако лишь в последнее время ученые стали обращаться к экономическим аспектам данного вопроса. «Это обусловлено пониманием того обстоятельства, что население страны формирует, пожалуй, самый важный ее ресурс, является основой будущего экономического роста и научно-технического развития, а потому требует внимательного исследования и с точки зрения экономики» [16].

Различные аспекты экономического ущерба от потерь здоровья рассматривали:

1. С.Н. Бобылев, В.Н. Сидоренко, Ю.Ф. Сафонов (изучали экологические издержки для здоровья населения, связанные с загрязнением воды и атмосферного воздуха).

2. Д.И. Шмаков, Б.Б. Прохоров (разработали методику оценки потерь капитала здоровья, как составной части человеческого капитала, вследствие заболеваемости и смертности населения трудоспособного возраста).

3. А.А. Афанасьев, Б.П. Максименко (рассматривали различные виды издержек энергетики, в том числе негативное влияние производства электроэнергии на здоровье населения).

4. В.П. Корчагин, В.Л. Нарожная (анализировали потери населения в результате природных и техногенных катастроф, аварий и стихийных бедствий).

В настоящее время негативный характер демографической ситуации в России во многом определяется повышенным уровнем смертности от «внешних причин», среди которых значительную долю занимают самоубийства. Суицидальному поведению уделяется все большее внимание, однако в основном исследователи обращаются к его демографическим или психологическим аспектам. Между тем смертность населения от самоубийств имеет также существенные

социальные и экономические последствия, обусловленные широкой распространенностью суицидов среди лиц трудоспособного возраста. Одним из таких последствий является высокий уровень социально-экономического ущерба, оценка которого лежит в основе данного исследования.

В программе Всемирной организации здравоохранения «Здоровье – 21: политика достижения здоровья для всех в Европейском регионе ВОЗ» улучшение психического здоровья населения отмечено как одна из задач первостепенной важности. Так, указывается, что «улучшение психического здоровья – особенно снижение числа самоубийств – требует самого пристального внимания к вопросам укрепления и охраны психического здоровья на протяжении всей жизни, в частности, в находящихся в неблагоприятном социально-экономическом положении группах населения» [5].

За период с 1950 по 1995 г. показатели распространенности самоубийств в мире возросли на 60%. В СССР статистика самоубийств была засекречена, поэтому достоверными можно считать только данные, которые были опубликованы Отделом моральной статистики в 1926 г. (тогда уровень самоубийств составлял 6,4 на 100 тыс. нас.), и сведения за 1965 г., обнародованные в период хрущевской «оттепели» (уровень суицидов составлял 17,1 на 100 тыс. нас.) [2].

Таким образом, за период с 1965 по 1995 г. уровень смертности от самоубийств в России возрос на 42% (с 17 до 41 случая на 100 тыс. населения).

В Европейском регионе самоубийство в настоящее время является ведущей причиной смерти среди лиц молодого и среднего возраста, в особенности мужского пола. Среди причин смерти в возрастной группе 15 – 35 лет самоубийства занимают второе место после дорожно-транспортных происшествий [10].

В Российской Федерации (по данным на 2009 г.) в указанной возрастной категории суициды находились на первом месте, опережая количество смертей вследствие дорожно-транспортных травм на 10% (13,7 и 12,4 тыс. случаев соответственно).

Следует также отметить, что суицидальное поведение – проблема более широкая, чем уровень смертности населения от самоубийств. С ней связаны лица, совершившие парасуицид (попытка самоубийства, не закончившаяся летальным исходом), близкие и родственники суицидента, все люди, имеющие суицидальные мысли.

Согласно формуле экспертов ВОЗ, на n завершенных самоубийств приходится $10-20n$ парасуицидов, $8n$ близких и родственников суицидента (которые входят в группу повышенного суицидального риска), $100n$ людей, помышляющих о самоубийстве или осуществляющих аутодеструктивные действия на подсознательном уровне [3].

Таким образом, на 37580 самоубийств (1,9% от общего уровня смертности), официально зарегистрированных в Российской Федерации в 2009 г., приходится, по расчетам, 0,4% жителей страны, пытавшихся покончить жизнь самоубийством, 0,2% людей из числа ближайшего окружения суицидента и 2,7% лиц, имеющих «внутренний суицидальный дискурс». В целом же в проблему суицидального поведения может быть включено до 4,7 млн. человек, что составляет 3,3% населения страны.

По данным Всемирной организации здравоохранения, Россия на протяжении последних 20 лет постоянно входит в пятерку

стран, имеющих наиболее высокий уровень смертности населения от самоубийств (в 1990 и 2010 гг. Россия занимала 6 место; табл. 1).

Тенденции суицидальной активности населения в 1990-х гг. были обусловлены критическими для страны событиями 1991 и 1998 гг. Распад Советского Союза оказал более существенное влияние на психическое здоровье населения, чем экономический кризис 1998 г. Этим объясняется более длительный период роста уровня самоубийств (1991 – 1994 и 1998 – 1999 гг. соответственно).

Как отмечает главный специалист Управления федеральной государственной службы занятости населения по Республике Карелия к.э.н. Т.М. Шумилова, «экономические последствия кризисов нивелируются гораздо быстрее, чем последствия социальной дезадаптации личности» [18].

Несмотря на позитивную тенденцию снижения, наблюдающуюся с начала 2000-х гг., среднероссийский показатель смертности от самоубийств превышает предельно-критическое значение, установленное Всемирной организацией здравоохранения (20 случаев на 100 тыс. населения; рис. 1). Для сравнения: в странах Европейского региона среднее число случаев самоубийств составляет 17,5 на 100 тыс. населения [3].

Внешние причины смертности, к которым относятся суициды, занимают 3-е по распространенности место в структуре смертности населения Российской Федерации.

Таблица 1. Ранжирование стран – лидеров по уровню смертности от самоубийств (число умерших на 100 тыс. населения; объем выборки – 53 страны) [4]

1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2009 г.
1. Венгрия (38,1)	1. Литва (47,9)	1. Литва (46,7)	1. Литва (37,0)	1. Литва (31,5)
2. Финляндия (29,1)	2. Россия (41,6)	2. Россия (37,8)	2. Россия (29,8)	2. Казахстан (24,5)
3. Словения (28,0)	3. Эстония (40,9)	3. Беларусь (34,2)	3. Беларусь (29,0)	3. Россия (24,1)
4. Эстония (27,6)	4. Латвия (40,7)	4. Казахстан (32,7)	4. Казахстан (26,8)	4. Венгрия (21,8)
5. Литва (27,2)	5. Казахстан (33,3)	5. Латвия (30,7)	5. Венгрия (23,2)	5. Латвия (20,7)
6. Россия (27,0)	6. Беларусь (32,3)	6. Венгрия (29,2)	6. Латвия (22,5)	6. Словения (18,7)

При этом в рамках данного класса на самоубийства приходится максимальное число смертей, несмотря на тенденцию снижения их числа за период 1990 – 2009 гг. (табл. 2).

Таким образом, распространение самоубийств является для Российской Федерации актуальной проблемой, причем не только с демографической, но и с экономической точки зрения.

Рисунок 1. Соотношение уровня самоубийств в Российской Федерации [9] и предельно-критического значения показателя суицидов по данным ВОЗ (умерших на 100 тыс. нас.) [4]

Таблица 2. Изменения в структуре смертности населения Российской Федерации в 1990 – 2009 гг.* [10]

Класс причин смертности	Число умерших на 100 тыс. нас.			В % от всех причин смертности		
	1990 г.	2000 г.	2009 г.	1990 г.	2000 г.	2009 г.
<i>Структура общей смертности</i>						
Все причины	1119,1	1529	1416,78	100,0	100,0	100,0
болезни системы кровообращения	618,7	846,1	800,98	55,3	55,3	56,5
новообразования	194,4	204,7	206,89	17,4	13,4	14,6
внешние причины	134	219	158,25	12,0	14,3	11,2
болезни органов пищеварения	28,7	44,4	62,69	2,6	2,9	4,4
болезни органов дыхания	59,4	70,2	56,00	5,3	4,6	4,0
некоторые инфекционные и паразитарные болезни	12,1	24,9	24,03	1,1	1,6	1,7
Причины смертности	Число умерших на 100 тыс. нас.			в % от внешних причин		
	1990 г.	2000 г.	2009 г.	1990 г.	2000 г.	2009 г.
<i>Структура смертности от внешних причин воздействия</i>						
Внешние причины	134	219	158,25	100,0	100,0	100,0
самоубийства	26,5	39,1	26,48	19,7	17,9	16,7
все виды транспортных несчастных случаев	–	–	21,22	–	–	13,4
случайные отравления алкоголем	10,9	25,6	15,04	8,1	11,7	9,5
убийства	14,3	28,2	15,06	10,7	12,9	9,5

* Ранжировано по значению показателя в %.

По данным за 2009 г., 50% самоубийств было совершено людьми в возрасте до 40 лет, при этом максимальное число суицидов приходилось на возрастную группу 25 – 29 лет (4231 ед.). Другими словами, суицидальное поведение широко распространено среди наиболее молодых, трудоспособных категорий населения, что вызывает необходимость не только рассмотрения психологического и демографического аспектов данной проблемы, но и анализа ее как фактора, обуславливающего существенный экономический ущерб вследствие ранней смертности и потерь продуктивных лет жизни.

Для расчета потерь продуктивных лет жизни вследствие самоубийств нами использовался показатель Всемирной организации здравоохранения YLL (Years of Life Lost, потерянные годы жизни из-за преждевременной смертности) [8]. При этом в отсутствие информации о точном возрасте человека на момент совершения суицида было сделано статистическое допущение, что он имел средний возраст 12 лет в группе от 10 до 14 лет, 17 лет в группе от 15 до 19 лет и т.д.

$$YLL = N \times L,$$

где N – число смертельных случаев;

L – средняя продолжительность жизни в возрасте смерти (в годах). В нашем случае за этот показатель был принят возраст выхода на пенсию (54 полных года для женщин и 60 лет для мужчин).

Для выражения в экономических единицах каждый потерянный год умножается на среднедушевой ВРП изучаемого года.

Согласно полученным данным потери ВРП вследствие ПГПЖ (потерянные годы продуктивной жизни) от самоубийств значительно превышают ущерб от других причин класса «Несчастные случаи, травмы и отравления» и сравнимы с потерями от наиболее распростра-

ненных причин смерти (злокачественные новообразования и ишемическая болезнь сердца; *табл. 3*).

Региональные особенности формирования социально-экономического ущерба от суицидов требуют углубленного анализа (чему будет посвящен дальнейший этап исследований), в настоящее же время можно констатировать, что регионы с максимальными потерями ПГПЖ от самоубийств сосредоточены на юге России (Приволжский, Уральский и Сибирский федеральные округа), что обусловлено повышенным уровнем суицидов на данных территориях среди представителей наиболее молодых возрастных групп (до 30 лет; *рис. 2*).

Минимальные потери ПГПЖ отмечаются в республиках Северного Кавказа. На наш взгляд, это может быть связано с влиянием религиозного фактора (ислам категорически запрещает суицид и при этом достаточно жестко контролирует личную жизнь человека).

Наиболее высокие потери ПГПЖ от самоубийств возникают в наиболее ранних возрастных категориях (20 – 29 лет; в целом на данную группу приходится до 37% всех потерь ПГПЖ от самоубийств; *табл. 4*). Аналогичная ситуация наблюдается только в отношении транспортных несчастных случаев, что может быть связано с повышенной смертностью детей и подростков от ДТП из-за несоблюдения правил дорожного движения.

Для сравнения: наибольшие потери от ведущих причин смертности происходят в более поздних возрастных группах (от убийств – в группе от 25 до 35 лет, от алкогольных отравлений – 30 – 39 лет, от новообразований и ишемической болезни сердца – 45 – 55 лет). Это говорит о том, что суицидальные тенденции начинают формироваться и проявлять себя в раннем возрасте.

Таблица 3. Социально-экономический ущерб вследствие потерянных лет продуктивной жизни (ПГПЖ), 2009 г.

Территория	Ишемическая болезнь сердца		Злокачественные новообразования		Случайные отравления алкоголем		Транспортные несчастные случаи		Убийства		Самоубийства	
	ПГПЖ (лет)	в % к ВРП	ПГПЖ (лет)	в % к ВРП	ПГПЖ (лет)	в % к ВРП	ПГПЖ (лет)	в % к ВРП	ПГПЖ (лет)	в % к ВРП	ПГПЖ (лет)	в % к ВРП
<i>Регионы с наиболее высоким уровнем социально-экономического ущерба от самоубийств</i>												
Республика Башкортостан	26779	0,659	16905	0,416	3064	0,075	15952	0,393	7657	0,189	36508	0,899
Пермский край	10693	0,395	12338	0,456	6811	0,252	12623	0,467	12694	0,469	23612	0,873
Челябинская область	12818	0,365	15669	0,447	5246	0,150	13126	0,374	10361	0,295	22712	0,647
Иркутская область	15765	0,630	12514	0,500	4159	0,166	12949	0,517	13131	0,524	22580	0,902
Свердловская область	15704	0,357	19239	0,438	6459	0,147	14025	0,319	14405	0,328	22525	0,513
<i>Регионы с наименее высоким уровнем социально-экономического ущерба от самоубийств</i>												
Республика Ингушетия	214	0,042	1101	0,215	0	0	1331	0,260	2311	0,451	39	0,008
Чеченская Республика	2205	0,176	4497	0,359	0	0	3915	0,312	272	0,022	42	0,003
Республика Северная Осетия-Алания	4008	0,571	2253	0,321	54	0,008	3341	0,476	708	0,101	378	0,054
Карачаево-Черкесская Республика	1231	0,288	1519	0,356	232	0,054	2876	0,673	944	0,221	533	0,125
Магаданская область	937	0,578	813	0,502	401	0,247	646	0,398	736	0,454	651	0,402
<i>Справочно по России</i>	<i>675369</i>	<i>0,476</i>	<i>640249</i>	<i>0,451</i>	<i>229896</i>	<i>0,162</i>	<i>580350</i>	<i>0,409</i>	<i>350586</i>	<i>0,247</i>	<i>645061</i>	<i>0,455</i>

Рисунок 2. Распределение регионов Российской Федерации по уровню потерь ПГПЖ вследствие самоубийств (2009 г.)

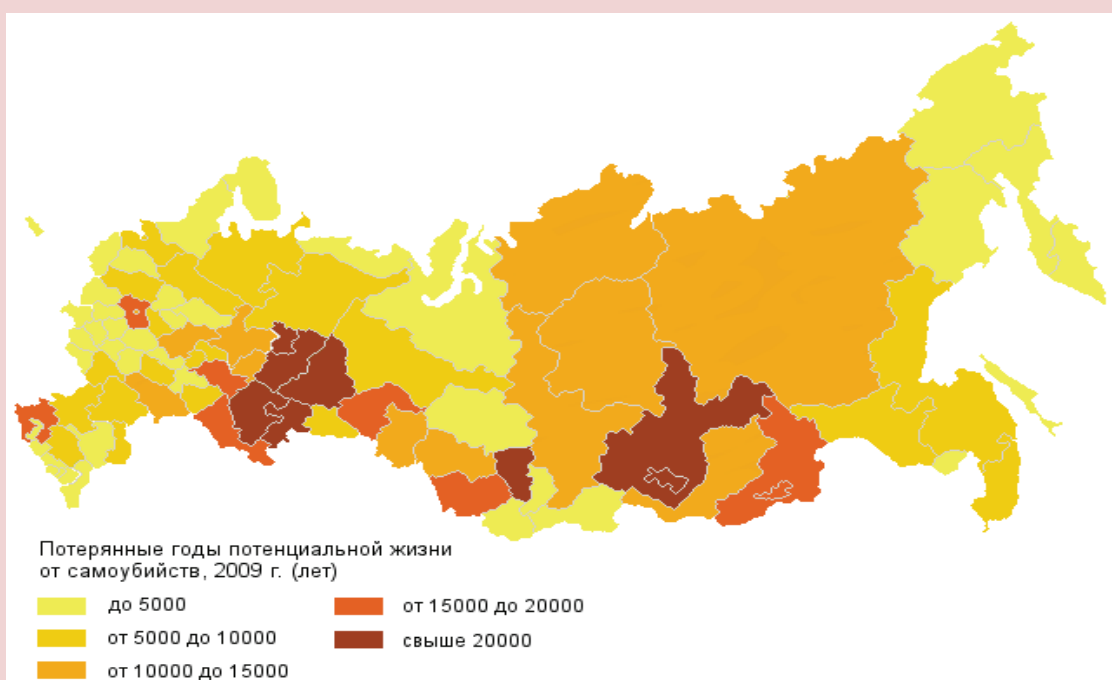

Таблица 4. Динамика ПГПЖ в различных возрастных группах населения Российской Федерации

Причина смерти	Возраст (лет)										
	5 – 9	10 – 14	15 – 19	20 – 24	25 – 29	30 – 34	35 – 39	40 – 44	45 – 49	50 – 54	55 – 59
Ишемическая болезнь сердца	47	42	3146	10276	25922	48541	72757	109537	175137	169830	60134
Злокачественные новообразования	12715	10881	20656	28413	40380	53263	63737	84667	132767	125041	44832
Случайные отравления алкоголем	0	136	2077	12534	29580	42136	42833	36123	37503	21740	4758
Транспортные несчастные случаи	13342	16119	68327	138348	113427	82378	52997	37639	29036	13881	2634
Убийства	2631	2408	21944	53928	64600	65788	52168	35366	28861	13749	2578
Самоубийства	515	10613	71571	135401	133027	105111	71107	48737	41590	22823	4566

Таблица 5. Потери ПГПЖ и ВРП среди мужчин и женщин на территории Российской Федерации (2009 г.)

Причина смерти	Мужчины			Женщины		
	ПГПЖ (лет)	Ущерб ВРП (млрд. руб.)	Ущерб ВРП (в %)	ПГПЖ (лет)	Ущерб ВРП (млрд. руб.)	Ущерб ВРП (в %)
Ишемическая болезнь	608686	137,568	0,429	66683	15,071	0,047
Злокачественные новообразования	416882	94,218	0,294	223367	50,483	0,157
Случайные отравления алкоголем	198411	44,842	0,140	31485	7,116	0,022
Транспортные несчастные случаи	468194	105,815	0,330	112156	25,348	0,079
Убийства	285510	64,527	0,201	65076	14,708	0,046
Самоубийства	571575	129,180	0,403	73486	16,608	0,052

В дальнейшем, если ситуация остается неразрешенной, это может привести к иным формам девиантного поведения – агрессии по отношению к окружающим или наркотизации, которые и являются факторами смертности от убийств, алкогольных отравлений, онкозаболеваний, болезней сердечно-сосудистой системы.

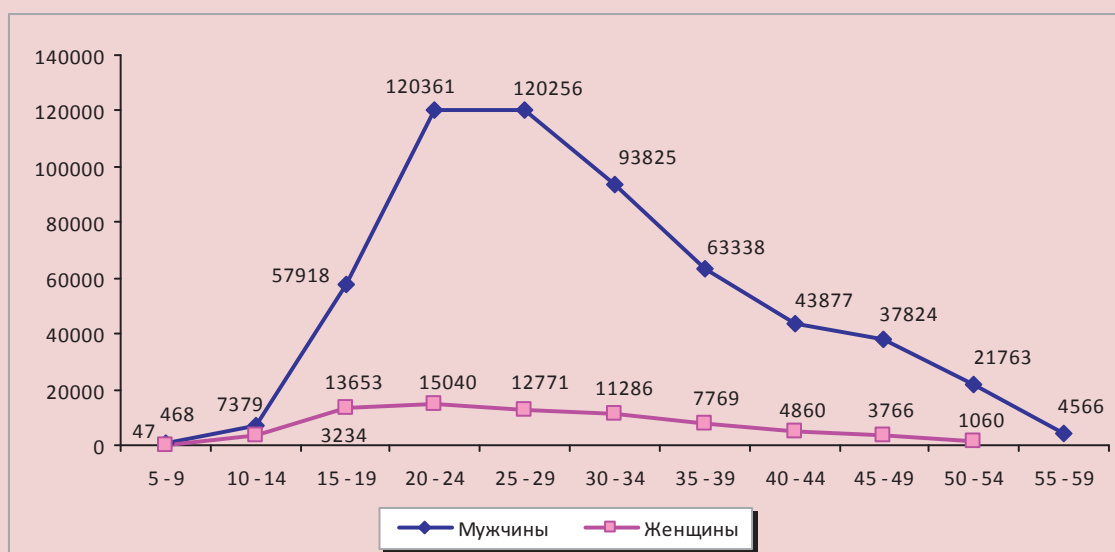
Среди молодежи (по определению ВОЗ это возрастная группа от 15 до 24 лет) размер ПГПЖ от самоубийств составляет 206972 года, что выше, чем потери вследствие всех рассматриваемых причин смертности. В целом на детей и подростков (до 24 лет) приходится 34% всех потерь ПГПЖ от самоубийств. Для сравнения: потери от ишемической болезни сердца составляют 2%, от новообразований – 15%, от алкогольных отравлений – 7%, от транспортных несчастных случаев – 43%.

Таким образом, самоубийства, наряду с дорожно-транспортными происшествиями, являются теми причинами смертности, которые несут наибольший экономический ущерб из-за широкого их распространения среди людей молодого возраста.

Среди мужчин по потерям ПГПЖ самоубийства уступают только ишемической болезни сердца, в то время как уровень смертности от суицидов в данной группе примерно в 8 раз ниже (за период с 2000 по 2009 г. он составил 56,4 на 100 тыс. нас., от ишемической болезни – 441,5; табл. 5). Среди женского населения суициды, несмотря на значительно меньшую распространенность, приводят к более существенным экономическим потерям, чем другие причины смертности.

Совокупные потери продуктивной жизни вследствие смертности населения

Рисунок 3. Потери продуктивной жизни от самоубийств на территории Российской Федерации, лет

от самоубийств по Российской Федерации составляют 645,1 тыс. лет (рис. 3). Из них на долю мужчин приходится 89%. Причина такого распределения обусловлена двумя факторами:

1. Во-первых, в силу своего характера и типа поведения мужчины традиционно чаще, чем женщины, прибегают к такому поступку, как суицид. Эта особенность, проявляющаяся во всех возрастных группах, отмечается в различных исследованиях. К примеру, мужчины реже, чем женщины, обращаются за помощью к специалистам в случае возникновения проблем психологического характера; в случае попытки суицида избирают способ с максимальной вероятностью летального исхода (повешенье, самострел).

2. Во-вторых, высокий уровень потерь продуктивной жизни вследствие самоубийств среди мужской части населения связан со значительным числом суицидов в молодом возрасте (от 10 до 29 лет). На долю только этой возрастной категории приходится более половины (54%) бремени суицидов среди мужчин.

Суицидальное поведение в детско-подростковом возрасте чаще всего является результатом ситуационно-личностной реакции (преимущественно реакции оппозиции) [16]. Ее объектом выступают родители, позже — учителя и сверстники. Таким образом, высокий уровень самоубийств среди детей и подростков может свидетельствовать о негативном характере взаимоотношений между этими субъектами социума.

В целом повышенный уровень самоубийств среди мужчин отмечается во многих как классических (П. Сорокин, Э. Дюркгейм), так и современных (Д. Вассерман, Г.В. Старшенбаум) исследованиях. Ученые сходятся во мнении, что главным фактором суицидального поведения являются недостаток социальной интеграции, психологическое ощущение одиночества, душевная боль. С этим связан, например, тот факт, что чаще всего суициды совершают мужчины 45 — 50 лет. В этом возрасте у них возникают проблемы со здоровьем, появляется ощущение старости, на фоне этого они перестают чувствовать поддержку супруги, которая в этот период

максимально востребована детьми или внуками. Кроме того, мужчины болезненнее реагируют на потерю работы, являющейся основным источником дохода в семье, и трудового коллектива, выступающего одной из наиболее важных для них социальных групп.

В территориальном разрезе, как среди мужчин, так и среди женщин, по потерям ПГПЖ от самоубийств лидирующие места занимают Приволжский и Сибирский федеральные округа (табл. 6). Это происходит за счет Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Пермского края (Приволжский федеральный округ) и Красноярского края, Иркутской и Кемеровской областей (Сибирский федеральный округ).

Следует обратить внимание, что наиболее важным из представленных в таблице показателей потерь наиболее репрезентативен ущерб ВРП в процентах, поскольку он является относительным и не зависит от таких характеристик, как численность населения и абсолютная величина ВРП в рублях.

На примере Вологодской области мы имеем возможность сравнить экономические затраты системы здравоохранения на лечение классов заболеваний, соответствующих рассматриваемым причинам смертности. Затраты на лечение болезней системы кровообращения и психических расстройств в 2009 г. были примерно

одинаковы (1,04 и 1,06 млрд. руб. или 11,5 и 11,7% от общего уровня затрат соответственно; рис. 4). В то же время индекс ПГПЖ в Вологодской области только по одним самоубийствам в 2009 г. составил 1532, что в 13 раз больше, чем ПГПЖ от ишемической болезни сердца (116 лет). При этом следует учесть, что часть убийств, алкогольных отравлений, дорожно-транспортных происшествий и смертей по неясным причинам также происходит под влиянием суицидального импульса, однако по различным причинам не регистрируется как самоубийство.

Таким образом, проблема суицидального поведения остается актуальной на территории Российской Федерации на протяжении последних 20 лет. Высокий уровень смертности от самоубийств свидетельствует о недостаточном благополучии психологического микроклимата в стране, а также представляет собой существенную социально-экономическую проблему, обусловленную ранним возрастом смерти большинства суицидентов.

Помимо перечисленных показателей социально-экономического ущерба, в данной работе остались неучтенными прямые затраты системы здравоохранения на ликвидацию негативных последствий парасуицидов и косвенные затраты на психологическую и экономическую помощь ближайшему окружению суицидента.

Таблица 6. Территориальное распределение потерь ПГПЖ И ВРП среди мужчин и женщин (2009 г.)

Территория	Мужчины			Женщины		
	ПГПЖ (лет)	Ущерб ВРП (млрд. руб.)	Ущерб ВРП (в %)	ПГПЖ (лет)	Ущерб ВРП (млрд. руб.)	Ущерб ВРП (в %)
Российская Федерация	571575	129,180	0,403	73486	16,608	0,052
Центральный федеральный округ	81448	25,113	0,219	10033	3,093	0,027
Северо-Западный федеральный округ	45138	11,430	0,336	7008	1,775	0,052
Южный федеральный округ	49652	7,200	0,362	6494	0,942	0,047
Приволжский федеральный округ	161155	26,312	0,535	17687	2,888	0,059
Уральский федеральный округ	63412	22,726	0,517	7666	2,747	0,062
Сибирский федеральный округ	130878	22,692	0,669	19553	3,390	0,100
Дальневосточный федеральный округ	39892	10,705	0,618	6155	1,652	0,095

Рисунок 4. Затраты системы здравоохранения Вологодской области на лечение отдельных классов заболеваний (в % от общего уровня затрат; 2009 г.)

Однако даже при подсчете потерь от официально зарегистрированных случаев завершеного суицида становится очевидным экономический эффект, который возможен при реализации мероприятий, направленных на раннюю профилактику суицидального поведения и снижение смертности от самоубийств.

Осознание мировым сообществом суицидального поведения как фактора, имеющего негативные последствия для экономики и демографической ситуации в стране, способствует повышению внимания к решению данного вопроса со стороны общественности и органов власти. Создание и реализация национальных стратегий превенции суицидов с 1989 г. отнесена Всемирной организацией здравоохранения к числу приоритетных направлений в сфере общественного здоровья [15]. Такие стратегии действуют в ряде европейских стран (Финляндия, Эстония, Венгрия, Швеция).

В Российской Федерации суициды являются одной из наиболее распространенных причин смертности населения в трудоспособном возрасте, однако это

обстоятельство не отражено в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. при формировании такого стратегического направления, как «снижение смертности населения, прежде всего высокой смертности мужчин в трудоспособном возрасте от внешних причин». Аналогичным образом аспект психического здоровья не отражен при реализации второго направления — «сохранение и укрепление здоровья населения, увеличение роли профилактики заболеваний и формирование здорового образа жизни» [7].

На региональном уровне в рамках программы модернизации здравоохранения планируется совершенствование форм и методов помощи больным алкоголизмом, наркоманией и психическими расстройствами, но категория суицидентов также не выделена среди приоритетных [12]. Между тем эффективные шаги в решении проблемы суицидального поведения возможны только в условиях скоординированных действий различных общественных и политических институтов.

Для этого необходима разработка специальных программ (на федеральном и региональном уровнях), ориентированных на снижение уровня суицидальной активности населения.

В субъектах Российской Федерации инициативы по созданию системы профилактики суицидального поведения встречаются достаточно часто, однако для достижения максимальной эффективности они должны быть поддержаны на федеральном уровне, что может быть достигнуто путем разработки и принятия единой Концепции предотвращения самоубийств и оказания помощи суицидентам.

Аналогичные решения должны быть приняты на региональном уровне, при этом должны быть учтены следующие направления деятельности:

1. Развитие сети кризисных и реабилитационных центров, суицидологических кабинетов на базе ЛПУ.

2. Учреждение службы статистической информации по вопросам, связанным с общественным психическим здоровьем и суицидальным поведением. Мониторинг и формирование банка данных о лицах, проявляющих суицидальные тенденции или страдающих депрессией.

3. Повышение квалификации работников здравоохранения и специфических сфер деятельности (социальные службы, детские дома, учреждения пенитенциарной системы, армия, учебные заведения, молодежные организации и т.д.). Разработка образовательных программ по суицидологическому профилю.

4. Организация надомной полипрофессиональной помощи лицам, имеющим проблемы с психическим здоровьем, на базе центров социальной помощи.

5. Разработка и выполнение целевой программы, направленной на формирование здорового образа жизни среди населения и предусматривающей организацию сотрудничества со средствами массовой информации по освещению вопросов, связанных с суицидом, информирование населения о возможностях преодоления стрессовых ситуаций, а также о деятельности специализированных служб, оказывающих помощь при возникновении психологических проблем.

6. Стимулирование деятельности вневедомственных организаций, занимающихся поддержкой и защитой прав суицидентов, членов их семей, лиц, проявляющих симптомы депрессии.

7. Ужесточение цензуры в сети Интернет, запрет сайтов, содержащих информацию, которая может способствовать развитию суицидальных тенденций среди населения.

8. Обучение в рамках образовательной программы учащихся старших классов, средних учебных заведений и вузов основам суицидологии, методам адаптации к стрессовым ситуациям, способам оказания психолого-педагогической поддержки в кризисных ситуациях (на уроках ОБЖ, валеологии).

Одновременно с проведением мероприятий в отношении представителей группы повышенного суицидального риска необходимо реализовывать меры общесоциального характера (обеспечение профессиональной занятости населения, конструктивная реализация досуга среди молодежи, профилактика вредных привычек, повышение уровня доходов наиболее нуждающихся категорий).

Литература

1. Быченко, Ю.Г. Модернизация общества и качество человеческого капитала [Текст] / Ю.Г. Быченко, Л.В. Логинова // Известия Саратовского университета. — 2008. — Т. 8. — С. 48.
2. Гилинский, Я.И. Динамика самоубийств в России [Электронный ресурс]: электронная версия бюллетеня. — URL: <http://www.gilinskiy.com>

- тения «Население и общество» / Я.И. Гишинский, Г.А. Румянцева // Демоскоп weekly. – № 161-162. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0161/analit01.php>
3. Гулин, К.А. Проблемы психического здоровья населения [Текст] / К.А. Гулин, О.И. Фалалеева, Ю.Е. Ослопова. – Вологда: Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, 2003. – 71 с.
 4. Здоровье для всех: Европейская база данных ВОЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://data.euro.who.int/hfaddb/shell_ru.html
 5. Здоровье – 21: политика достижения здоровья для всех в Европейском регионе ВОЗ [Текст]. – Копенгаген, 1998.
 6. Колин, К.К. Человеческий потенциал и инновационная экономика [Текст] / К.К. Колин // Вестник РАН. – 2003. – № 4. – С. 1.
 7. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. [Текст]: утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. – М., 2008.
 8. Методика измерения DALY [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. – Режим доступа: http://www.who.int/healthinfo/global_burden_disease/metrics_daly/en/
 9. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru
 10. Охрана психического здоровья: проблемы и пути их решения [Электронный ресурс]: Отчет о Европейской конференции ВОЗ на уровне министров / Документационный центр ВОЗ. – Режим доступа: <http://whodc.mednet.ru/ru/psihicheskoe-zdorove-i-psihicheskie-rastroystva/>
 11. Проблемы психологического здоровья населения России [Электронный ресурс]: доклад врача-психолога Бояринцевой С.В. на Круглом столе по экологии, состоявшемся в Государственной Думе 22 марта 2010 г. – Режим доступа: <http://3rm.info/publications/2908-problemy-psixologicheskogo-zdorovya-naseleniya.html>
 12. Программа модернизации здравоохранения Вологодской области на 2011 – 2012 гг. [Текст]: утв. Постановлением Правительства области от 4 марта 2011 г. № 183. – Вологда, 2011.
 13. Римашевская, Н.М. Русский крест [Электронный ресурс] / Н.М. Римашевская // Природа. – 1999. – № 6. – Режим доступа: <http://vivovoco.rsl.ru>
 14. Смирнов, В.Т. Классификация и виды человеческого капитала в инновационной экономике [Электронный ресурс] / В.Т. Смирнов, И.В. Скобляков // Креативная экономика. – 2006. – № 12. – Режим доступа: <http://www.creativeconomy.ru/library/prd165.php>
 15. Социальная реабилитация и поддержка инвалидов в Германии [Электронный ресурс]: материалы конф., г. Кёльн, 26 – 30 января 2010 года. – Режим доступа: www.dorogavmir.ru/text/Materialy_konferencii.doc
 16. Психология экстремальных ситуаций [Текст]: хрестоматия / сост. А.Е. Тарас, К.В. Сельченко. – Мн.: Харвест, 1999. – 480 с.
 17. Шмаков, Д.И. Оценка экономического ущерба в результате смертности населения от несчастных случаев, отравлений и травм [Текст] / Д.И. Шмаков // Сборник научных трудов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. – М.: МАКС-Пресс, 2003. – С. 377-385.
 18. Шумилова, Т.М. Нравственные принципы в сфере рынка труда современной России / Т.М. Шумилова // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России: сборник докладов по материалам Второй Всероссийской научно-практической Интернет-конференции (26-27 октября 2005 г.). – Книга II. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2005. – С. 192-203.

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ИНФОРМАТИКА

УДК 336.581 (076.5)

© Пономаренко Т.В.

© Ларичкин Ф.Д.

Модель стратегического управления конкурентоспособностью интегрированной компании

Предложена авторская трактовка стратегического управления конкурентоспособностью горной компании, разработаны теоретико-методологические основы построения модели, обосновано применение ресурсной концепции стратегического управления, концепции управления на основе ценностно-ориентированного менеджмента, а также концепции реальных опционов. Модель стратегической оценки и управления конкурентоспособностью должна основываться на множественности интересов стейкхолдеров, являющихся носителями финансового, интеллектуального, социального и природного капиталов.

Модель, стратегическое управление конкурентоспособностью горной компании, стейкхолдеры, ресурсная теория, концепция ценностно-ориентированного менеджмента, метод реальных опционов.

**Татьяна Владимировна
ПОНОМАРЕНКО**

кандидат экономических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного горного института им. Г.В. Плеханова
stv_mail@mail.ru

**Фёдор Дмитриевич
ЛАРИЧКИН**

доктор экономических наук, профессор, директор Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
lfd@iep.kolasc.net.ru

Стратегическое управление играет ключевую роль в интегрированных компаниях, преобладающих в минерально-сырьевом комплексе (МСК), являющихся системообразующими для национальной экономики, обеспечивающих эффективное и рациональное недропользование.

По нашему мнению, стратегическое управление конкурентоспособностью горной компании — система инструментов и действий, направленных на повышение в долгосрочном периоде ресурсной и динамической конкурентоспособности компании при росте конкурентного статуса и

фундаментальной ценности компании с учётом динамики внешней и внутренней среды и применения опционных методов управления.

Модель стратегического управления конкурентоспособностью горной компании строится на следующей теоретико-методологической основе:

- фундаментальной теоретической основой является ресурсная концепция – наиболее современная концепция стратегического управления;

- методической основой выступает концепция управления на основе ценностно-ориентированного менеджмента;

- инструментальной базой является концепция реальных опционов, обеспечивающая гибкость управленческих решений менеджмента и учёт динамики внешних и внутренних условий и факторов, включая институциональную среду.

Стратегическое управление включает инструментарий оценки и механизмы управления объектом.

При выборе модели¹ [1] и ключевых показателей стратегической оценки конкурентоспособности интегрированной компании следует учитывать разнообразие ключевых методологических подходов. В целом такие модели можно разделить на три группы.

В первую группу включаются модели, использующие показатели финансового состояния компаний и ориентированные в большей степени на интересы держателей долговых обязательств и кредиторов [2].

Ко второй группе относятся модели корпоративного управления на основе VBM-менеджмента, ориентированные на максимизацию благосостояния собственников, повышение инвестиционной привлекательности компании и активно внедряемые в передовых корпорациях мира [3].

¹ Под моделью в данном случае понимается взаимосвязь конкретных, но, как правило, не формализуемых в математической форме элементов: правил, форм, принципов, институтов и т.п.

К третьей группе можно отнести интегрированные модели, ориентированные на сочетание интересов разнообразных заинтересованных участников интегрированной компании.

По нашему мнению, стратегическая оценка конкурентоспособности и эффективности деятельности интегрированной компании должна строиться с учётом согласования интересов всех заинтересованных групп (стейкхолдеров). Этот современный подход базируется на общепринятом определении Р. Фримана, который к стейкхолдерам относит «заинтересованные группы или лица, которые могут влиять на достижение компанией её целей или сами находятся под воздействием этого процесса» [2]. Следует отметить, что различные формы интересов в компании стейкхолдеры имеют не только в настоящее время, но и в будущем, что определяет необходимость их учёта в стратегическом управлении.

Существуют разные точки зрения на идентификацию стейкхолдеров различного вида и степень их влияния на компанию [2, с. 126-127].

Классификация компании General Electric разделяет стейкхолдеров на акционеров, персонал, клиентов и общественность.

Ресурсная классификация идентифицирует стейкхолдеров по типу предоставляемых ими стратегических ресурсов, к которым относятся инвестиционные (объекты вложений), репутационные (ресурсы отношений), интеллектуальные (трансформационные ресурсы).

Классификация по критерию разделения рисков отражает взаимосвязь рисков компании и её стейкхолдеров, т.к. результаты деятельности компании обуславливают стейкхолдерские риски.

Классификация по критерию силы влияния основана на воздействии стейкхолдеров на результаты деятельности компании в благоприятном или неблагоприятном направлении.

Кроме перечисленных существуют классификации стейкхолдеров по взаимозависимости, распределению ответственности и другим признакам.

Связь и зависимость собственных интересов и целей стейкхолдеров с результатами деятельности компании определяют их мотивацию и потенциальные возможности выступать источниками ресурсов для компании. Специфика взаимосвязей стейкхолдеров и компании имеет сложный, разносторонний и преимущественно нефинансовый характер. Поэтому выделяют первичные категории стейкхолдеров, к которым относят наиболее заинтересованных в деятельности компании лиц среди инвесторов, персонала, клиентов, поставщиков, без которых компания не сможет функционировать в будущем. Вторичные категории могут не поддерживать политику компании и не разделять её программы, поэтому их влияние не столь существенно.

Уникальность предоставляемых стейкхолдерами стратегических ресурсов и разделение ими рисков компании позволяет рассматривать их в качестве особых инвесторов, осуществляющих уникальные инвестиции.

В минерально-сырьевом комплексе эксплуатируются принадлежащие государству участки недр, при этом контролируемые горными компаниями в составе минерально-сырьевых активов. Поэтому доминирующим стейкхолдером и участником взаимодействий в интегрированной компании выступает государство, что должно быть учтено при согласовании интересов в модели стратегического управления.

Интересы различных стейкхолдеров могут быть противоположными, не соответствуя при этом общей цели максимизации ценности компании. Возможные конфликты в зарубежной литературе оцениваются неоднозначно и их трактовки могут быть разделены на следующие типы [2, с. 128-135].

1. Радикальная позитивная позиция, сторонники которой считают, что максимизация стоимости капитала собственников соответствует максимизации требований всех остальных категорий стейкхолдеров. Данная трактовка является следствием контрактной теории фирмы, при этом предполагается, что все обязательства гарантированно выполняются. Поэтому единственной стороной с правом остаточных требований к активам выступают собственники компании, несущие риски от принимаемых решений.

2. Радикальная негативная позиция, сторонники которой считают, что между собственниками капитала и остальными стейкхолдерами неизбежен конфликт интересов. Данная трактовка строится на новой разновидности контрактной теории фирмы, основанной на предпосылке неполных контрактов. Компания при этом не рассматривается как сумма ресурсов, активов, источников, привлечённых на каких-либо условиях с различных рынков, а признаётся объектом с новыми свойствами, обусловленными комбинацией специализированных и комплементарных активов.

Нерешённой проблемой при этом являются права собственности и контроля над специфическими ресурсами (нематериальными, природными, социальными), с не всегда регламентированным статусом, поэтому каждый собственник ресурсов (стейкхолдер) имеет свой интерес, иногда неформализованный, незащищённый, не совпадающий с интересами собственников компании.

3. Компромиссная позиция, характеризующаяся разнообразием трактовок. Так, в ресурсной теории считается, что стейкхолдеры могут как формировать, так и ограничивать ресурсы, поэтому необходимы механизмы мотивации, обеспечивающие рост эффективности и конкурентоспособности компании.

В концепции корпоративной социальной ответственности показано, что качество социальной ответственности компании связано с финансовыми результатами, доходностью капитала и стоимостью компании. Поэтому введение интересов стейкхолдеров как активного элемента в концепцию управления стоимостью может рассматриваться как условие достижения максимизации стоимости акционерного капитала в долгосрочном периоде.

Таким образом, модель стратегической оценки конкурентоспособности интегрированной компании должна основываться на множественности интересов стейкхолдеров, являющихся носителями финансового, интеллектуального, социального и природного капиталов, и учитывать оптимальное соотношение между ними в настоящее время и в долгосрочном периоде.

Такая «модель ... обеспечивает решение задачи создания гармоничной компании, в которой управленческий цикл подчинён структурированию пространства множественных интересов и достижению в нём баланса. Сбалансированные интересы формируют особое качество взаимосвязей со стейкхолдерами компании (сети), которые превращаются в новый фактор стоимости компании при переходе к инновационной экономике» [2, с. 152].

На стратегическую оценку конкурентоспособности и конкурентный статус интегрированной компании влияют эффективность деятельности и степень рыночной власти компании, особенности и эффективность достигнутой степени интеграции и диверсификации. Поэтому стратегическая оценка конкурентоспособности интегрированной компании должна отличаться от оценки сфокусированной компании и осуществляться по следующему алгоритму:

- оценка результатов влияния интеграции и диверсификации на конкурентоспособность компании;

- обоснование подхода к оценке конкурентоспособности интегрированной компании;

- адаптация модели оценки фундаментальной ценности компании с учётом концепции ценностно-ориентированного менеджмента (VBM);

- разработка интегрированной (стейкхолдерской) модели.

Построение модели стратегической оценки конкурентоспособности горной компании и её основные инструменты представлены в *таблице*.

Конкурентоспособность интегрированной компании обеспечивают три типа конкурентных преимуществ: ресурсные – обладание ресурсами особого качества или количества (природными или приобретёнными); операционные – эффективность использования имеющихся ресурсов; стратегические – наличие и качество определённой стратегии развития субъекта – носителя конкурентных преимуществ.

Поэтому необходима квалификация и идентификация стратегических конкурентных преимуществ как основы стратегической конкурентоспособности: идентификация специфических и стратегических активов, выявление связи между ними, их оценка. Анализ существующих оценочных моделей отдельных видов активов, квалифицируемых в качестве специфических и стратегических, показал отсутствие обобщённого подхода к их оценке как отдельной экономической категории.

Показатели системы запаздывающих индикаторов, применяемые при диагностике и мониторинге ресурсных возможностей (потенциала) и ценности компании на текущий момент, должны отражать важнейшие интересы стейкхолдеров на основе системного подхода, отражающего взаимодействие систем и их окружения.

Модель стратегического управления конкурентоспособностью горной компании

№ п/п	Этап построения модели	Инструменты
1	Квалификация и идентификация стратегических конкурентных преимуществ	1.1. Идентификация и оценка специфических активов 1.2. Идентификация и оценка стратегических активов 1.3. Анализ условий преобразования специфических активов в стратегические
2	Разработка системы запаздывающих индикаторов, диагностика и мониторинг ресурсных возможностей и ценности компании на текущий момент на основе ресурсной концепции	2.1. Оценка ресурсных возможностей компании 2.2. Определение ценности минерально-сырьевых активов 2.3. Определение ценности компании методами ресурсного подхода
3	Разработка системы опережающих индикаторов и установление целевых значений стратегических показателей	3.1. Определение ресурсных возможностей компании на перспективу 3.2. Мониторинг изменений в конкурентной среде (стратегический конкурентный анализ) 3.3. Установление целевых значений стратегических показателей
4	Анализ институциональных ограничений формирования и использования стратегических активов	4.1. Анализ текущего состояния институциональной среды 4.2. Мониторинг и оценка институциональных изменений
5	Определение ценности компании на основе концепции ценностно-ориентированного менеджмента	5.1. Выбор модели оценки ценности компании 5.2. Определение ценности компании по выбранной модели с учетом стратегических активов, ресурсных возможностей, изменений в конкурентной и институциональной среде
6	Принятие стратегических решений по управлению конкурентоспособностью и ценностью компании	6.1. Разработка альтернативных стратегических проектов 6.2. Выбор стратегического проекта с учетом использования опционной методологии 6.3. Разработка тактических направлений реализации стратегии управления конкурентоспособностью и ценностью компании

Система опережающих индикаторов обеспечивает установление целевых значений стратегических показателей. Изменение внешних факторов (обстоятельств) позволяет воздействовать на интересы хозяйствующих субъектов, корректировка регулирующих условий стимулирует компанию к достижению эффективности системы на основе согласования частных экономических интересов и коллективного социально-институционального интереса [4].

Существенное влияние на стратегическое управление конкурентоспособностью компании оказывают институциональные ограничения, создающие искусственные конкурентные преимущества. Степень влияния институциональных ограничений определяется прежде всего сферой экономической деятельности, её стратегическим значением для национальной экономики в настоящем и будущем, системообразую-

щим характером отрасли и другими стратегическими факторами. Из всего множества элементов институциональной среды в МСК в качестве наиболее значимых можно выделить: режим недропользования, систему налогообложения и организационную структуру. Эти элементы институциональной среды тесно взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга, состояние и динамика их изменения в значительной степени зависит от политики государства в отношении МСК.

Определение ценности интегрированной компании на основе концепции ценностно-ориентированного менеджмента осуществляется на общепризнанной теоретической основе. Элементы модели (основные модули) сохраняются (оценивание, стратегия, финансы, корпоративное управление) [5], а по содержанию усложняются и адаптируются к условиям интегрированной структуры.

Модуль оценивания, в котором осуществляется выбор модели и методов определения ценности компании для собственников, мониторинг изменения ценности, определение механизмов создания новой ценности, должен быть дополнен новыми моделями, факторами и драйверами стоимости, учитывающими характер и степень взаимодействия участников интегрированной компании.

Модуль стратегии, устанавливающий связь между ценностью компании для собственников и корпоративными и бизнес-стратегиями компании, усложняется в связи с учётом интересов большего числа стейкхолдеров, большего разнообразия стратегий, возможностей их сочетаний, а также влияния большей неопределённости внешней среды.

Модуль финансов, отражающий финансовую политику, дополняется новыми инструментами, применение которых связано с внутренними рынками финансовых ресурсов, выходом на российский и международные рынки капитала и т.п.

Модуль корпоративного управления усложняется за счёт согласования интересов в большем числе агентских конфликтов.

В модуле оценивания могут быть использованы традиционные модели оценки стоимости компании. При этом, в связи с публичностью большинства интегрированных компаний, для их оценки в большей мере подходят модели, основанные на рыночной капитализации, в отличие от моделей оценки сфокусированных компаний, базирующихся на расчётной ценности. На фондовом рынке проявляется особый, институциональный характер связи ценных бумаг с лежащими в их основе активами реального сектора экономики [7]. Как правило, капитализация компаний оценивается исходя из ожидаемых доходов в долгосрочной (стратегической) перспективе.

Следует учитывать, что оценка интегрированных компаний по внешним рыночным индикаторам (капитализации) характеризуется рядом особенностей.

Во-первых, стратегические перспективы труднее прогнозировать ввиду большей неопределённости нескольких направлений развития и необходимости учёта как систематических, так и несистематических факторов. В результате внимание рынка может быть сосредоточено на краткосрочных доходах, без адекватного учёта перспектив развития компаний, что приводит к их недооценке.

Во-вторых, в интегрированных компаниях, образованных путём слияний и поглощений, часто происходит снижение стоимости капитала и эффективности, что вызвано завышенной ценой предложения, неполучением эффектов синергии, сложностью объединения различных корпоративных культур [8, с. 15].

В-третьих, публичные компании с прозрачной операционной и финансовой деятельностью на рынке оцениваются выше, чем закрытые компании.

В-четвёртых, компании, не обладающие достаточной ликвидностью как не прошедшие через процедуру первичного размещения акций (IPO), а также вновь создаваемые компании с ожидаемым внешним ростом за счёт слияний и поглощений, работающие в МСК, имеют максимальную привлекательность для инвесторов (российских и зарубежных).

В-пятых, наиболее ликвидными являются ценные бумаги материнской или центральной компании, а не права на специфические активы, которые обычно принадлежат добывающим компаниям и низколиквидны [7].

В-шестых, на любом рынке, не являющемся эффективным, как на российском рынке, возможно отклонение цен акций от их фундаментальной ценности.

Перечисленные особенности позволяют утверждать, что опираться в оценках ценности и конкурентоспособности интегрированных компаний только на рыночную капитализацию и оценки фондового рынка явно недостаточно.

Модуль стратегии для интегрированной и неинтегрированной компании существенно различается [9]. Стратегия интегрированной компании – управление портфелем бизнесов, конкурирующих друг с другом за ресурсы центра. Стратегия сфокусированной компании – набор стратегических инициатив, направленных на достижение устойчивого конкурентного преимущества в данном сегменте по отношению к потребителям и конкретным внешним конкурентам. Выбор корпоративной стратегии осуществляется на основе анализа их потенциального вклада в создание стоимости на корпоративном уровне.

Модуль финансов отражает специфику формирования в интегрированной компании внутренних рынков ресурсов, расширения возможностей по привлечению заёмных источников, увеличению акционерного капитала, осуществлению комплекса проектов, формированию портфеля доходных активов и т.п. Системный подход необходим для бюджетирования и рационализации капитала с учётом таких финансовых эффектов, как кросс-финансирование, кросс-субсидирование, кросс-холдинг, кросс-хеджирование.

Особенностью функционирования интегрированной компании, которая должна быть отражена в стратегической оценке конкурентоспособности, является формирование внутреннего рынка капитала [10], обеспечивающего перераспределение ресурсов между разными проектами и управление ценой инвестиций. В результате активизации внутренних рынков капитала появляются возможности мониторинга и перегруппировки активов по сравнению с внешними рынками, снижаются агентские

издержки, повышается эффективность компаний, растёт ликвидность, поскольку капитал перемещается в более эффективные подразделения. Относительная эффективность внутренних рынков капитала связана с асимметрией информации, кроме того, такие рынки выполняют защитную функцию, снижая риск истощения капитала в связи с цикличностью и быстротечной сменой инвестиционных настроений.

Активность внутреннего рынка капитала характеризуется зависимостью инвестиций дочерней компании от собственных денежных потоков и денежных потоков других дочерних компаний. При перераспределении ресурсов между подразделениями активность внутреннего рынка капитала возрастает. При этом чувствительность инвестиций к денежным потокам группы существует лишь тогда, когда дочерние компании аффилированы с координационным центром.

Эффективность внутреннего рынка капитала выражается в том, что инвестиции дочерней компании зависят от объёма общих ресурсов, доступных холдингу; соответственно, рост инвестиционных возможностей одной дочерней компании приводит к снижению инвестиций в другие компании холдинга. Если компания финансово ограничена, то она не может финансировать все проекты, и необходимо распределение ресурсов. Эффективность внутренних рынков капитала предполагает увеличение стоимости компании.

Особенностью интегрированной компании является реализация нескольких проектов или их комплекса. При этом появляются как дополнительные возможности инвестирования, так и проблемы. Так, убыточность одного проекта может обеспечить стратегические преимущества для корпорации в целом; проекты могут служить друг для друга источниками генерации финансовых ресурсов, усиливая или ослабляя эффект от всего инвестиционного комплекса.

Однако выбор оптимального проекта для конкретной компании или направления не обеспечивает принятия оптимального решения для всей системы (корпорации) в целом.

Оптимизация инвестиционного проектного комплекса в корпорации обеспечивает оптимальное сочетание проектов в рамках бюджета в заданный интервал времени, связь потребности во внешнем финансировании с возможностями привлечения финансовых ресурсов (кросс-финансирование), управление эффективностью проектов за счёт перераспределения доходов и расходов между ними (кросс-субсидирование), возможный рост заёмного финансирования за счёт перекрестного владения акциями (кросс-холдинг), а также снижение рисков и рост устойчивости всего проектного комплекса в целом (кросс-хеджирование) [11].

В интегрированной компании существенно расширяются возможности по привлечению новых источников инвестиций, за счёт чего обеспечивается рост финансовой устойчивости в условиях нестабильности внешней среды. Для интегрированных горных компаний характерны высокая капиталоемкость и высокая доля специфических активов. Структура капитала становится инструментом, при помощи которого менеджмент компании стремится снизить издержки инвестирования в специфические активы.

Модуль корпоративного управления усложняется за счёт согласования интересов в большем числе агентских конфликтов, включающих согласование интересов собственников и менеджеров, миноритарных и мажоритарных акционеров, менеджмента различного уровня [2], конкурирующих подразделений и бизнес-единиц, акционеров и держателей долговых обязательств. Каждый из участников имеет свои интересы и ожидания от корпорации.

От того, насколько противоречивы и реальны ожидания участников, какова система их прав и обязанностей, зависит порядок согласования их интересов.

Стратегическая оценка конкурентоспособности с учётом определения фундаментальной ценности (установления справедливой цены) для интегрированных (структурно сложных) компаний крайне затруднена в принципе [8, с. 13], т.к. требует учёта и прогнозирования структуры доходов и расходов; структуры активов интегрированных компаний; цикличности развития отраслей; оценки потенциала внутреннего и внешнего роста; различного уровня риска и доходности бизнес-направлений; систематических и несистематических факторов; опционных возможностей компаний; агентских конфликтов; возможных синергетических эффектов; цены капитала.

Проведённая оценка необходима для обоснования и принятия стратегических решений по управлению конкурентоспособностью и ценностью интегрированной горной компании: разрабатываются альтернативные стратегические проекты, производится выбор стратегического проекта с учётом использования опционной методологии, разрабатываются тактические направления реализации стратегии управления конкурентоспособностью и ценностью компании.

Ресурсный подход закладывает основы для качественного анализа сильных и слабых сторон организации, позволяя выделить ресурсы, имеющие ключевое значение для формирования конкурентного преимущества компании. Ресурсная теория позволяет менеджменту выявлять и более эффективно управлять специфическими и стратегическими ресурсами и активами, необходимыми для формирования и сохранения в течение длительного времени конкурентных преимуществ.

Теория ценностно-ориентированного менеджмента имеет инструментарий, отражающий ценность и конкурентоспособность компаний. Стоимостный анализ позволяет выделить ключевые факторы ценности и конкурентоспособности, учесть потенциальные резервы, возможности и конкурентные преимущества компании. Концепция обеспечивает взаимосвязь между системами финансового и стратегического менеджмента и в значительной мере определяет инвестиционные решения.

Опционная методология обеспечивает возможность учёта влияния динамики внешней среды и реакции менеджмента горной компании. Для горных проектов

большое значение имеет проблема необратимости инвестиций, что определяет важность правильного применения опционного подхода и количественной оценки управленческой гибкости. Использование метода реальных опционов совершенствует инструментарий стратегического менеджмента горной компании за счёт адекватного учёта рисков, обеспечения гибкости и непротиворечивости стратегических решений, быстрого переключения, непрерывности изменений [12]. Анализ реальных опционов стимулирует менеджмент к изучению факторов неопределённости, обеспечивающих создание и рост ценности и конкурентоспособности горной компании.

Литература

1. Варнавский, В.Г. Партнёрство государства и частного сектора / В.Г. Варнавский. — М.: Наука, 2005.
2. Ивашковская, И.В. Моделирование стоимости компании. Стратегическая ответственность советов директоров / И.В. Ивашковская. — М.: ИНФРА-М, 2009.
3. Рассказова, А.Н. Финансовые аспекты корпоративного управления. Расчет добавленной стоимости собственного капитала / А.Н. Рассказова // Финансовый менеджмент. — 2002. — № 5.
4. Скобелев, В.Л. Моделирование отношений обмена и конкуренции хозяйствующих субъектов: Теория согласования интересов / В.Л. Скобелев. — СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2005.
5. Волков, Д.Л. Управление ценностью: показатели и модели оценки / Д.Л. Волков // Российский журнал менеджмента. — 2005. — Том 3. — № 4. — С. 67-76.
6. Крамин, Т.В. Методология формирования системы управления стоимостью компании на основе институционального подхода / Т.В. Крамин // Проблемы современной экономики. — № 3 (19).
7. Алифанова, Е.Н. Фондовые механизмы оценки и регулирования эффектов интеграции в экономике / Е.Н. Алифанова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.finanal.ru
8. Феррис, К. Оценка стоимости компании: как избежать ошибок при приобретении: пер. с англ. / К. Феррис, Б. Пешеро. — М.: Издательский дом «Вильямс», 2005.
9. Ованесов, А. Особенности системы управления по целям в холдинговых компаниях / А. Ованесов // Источник: E-executive.
10. Григориади, Е.Е. Исследования внутренних рынков капитала / Е.Е. Григориади // Корпоративный менеджмент [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cfin.ru>
11. Лимитовский, М.А. Инвестиционные проекты и реальные опционы на развивающихся рынках. — 4-е изд., перераб. и доп. / М.А. Лимитовский. — М.: Издательство «Юрайт», 2008.
12. Сергеев, И.Б. Оценка стоимости минерально-сырьевых активов горной компании методом реальных опционов / И.Б. Сергеев, Т.В. Пономаренко // Проблемы современной экономики. — 2010. — № 4.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

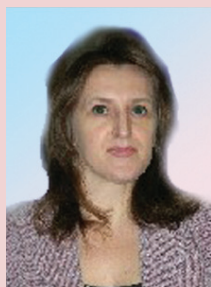
УДК 316.42:372.8(470)

© Скуфьина Т.П.

Размышление о проблемах социального развития, инновациях и преподавании экономических дисциплин*

Статья посвящена рассмотрению проблем, препятствующих инновационному развитию России. Приводятся статистические данные, негативно характеризующие психологическое состояние и социальную сферу современного российского общества. Обсуждается неопределенность ценностных ориентиров в практике государственного управления. Определяется, что закономерные демографические проблемы порождают экономические и геополитические проблемы. Разрешение этих проблем возможно только движением по пути инновационного развития. Определяется специфика понимания инновационного образования. Рассматривается действительное место инновационного образования в системе подготовки кадров, в том числе и кадров по управлению и экономике. Обсуждаются потенциальные проблемы экономики как науки.

Социальные проблемы, инновационное развитие, инновации в преподавании, проблемы науки экономики.

**Татьяна Петровна
СКУФЬИНА**

доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИЭП КНЦ РАН
skufina@iep.kolasc.net.ru

В последние годы слово «инновации» стало популярным в исследованиях по обществоведению, «модных» в СМИ. Это следствие ключевого значения термина в формальных документах, касающихся социально-экономического развития России и ее регионов.

Основополагающий характер этого термина для декларированных приоритетов современного и будущего развития России входит в некоторое противоречие как минимум с двумя факторами.

Во-первых, с устойчиво низкими качественными характеристиками жизни

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Информационно-коммуникационные технологии в региональном пространстве и их влияние на социальное и экономическое развитие субъектов РФ», проект № 11-06-00110-а.

россиян, включающими плохие условия труда, низкий уровень развития здравоохранения, недостаток потребления полноценных продуктов питания, плохие жилищные условия и т.п.¹

В данном случае противоречие обусловлено тем, что критерии инновационного развития подразумевают высокий уровень развития человеческого капитала, важнейшей составляющей которого является качество жизни населения.

Во-вторых, в практике государственного управления не проявляются четко ни критерии социальной справедливости (подразумевается выравнивание социально-экономических условий жизни и возможностей населения), ни критерии экономической эффективности (подразумевается существенная зависимость между экономическими и социальными результатами жизнедеятельности субъектов).

Поясним. Базовым количественным критерием результативности политики «выравнивания» является индекс концентрации доходов (индекс Джини). По этому индексу (0,4) Россия устойчиво занимает 1 место среди стран с развитой и переходной экономикой. Не менее иллюстративны и децильные отношения, демонстрирующие последовательный рост разрыва от 3-х (период СССР) до 17 раз (2010 г.).

¹ Для примера рассмотрим обеспеченность жильем в России. Средняя обеспеченность россиян жильем, по данным Росстата на начало 2010 г., составляет 22,4 кв. м на 1 чел. Для сравнения: в Европе — 40 — 60 кв. м на чел., в США — 70. Отметим, что приведенная статистика плохо сопоставима с российской. Так, в развитых странах помещения без канализации, водопровода, горячего водоснабжения не включаются в жилые помещения. Что касается России, то в среднем по стране доля комплексно благоустроенного жилья (оборудованного одновременно водопроводом, водоотведением, отоплением, горячим водоснабжением, газом или напольными электроплитами) составляет 61,4%. На начало 2010 года численность населения, проживающего в жилых помещениях, не оборудованных водоснабжением, составляет 31 млн. чел. (21,8% от общей численности населения), водоотведением — 37 млн. чел. (26,0%), отоплением — 24 млн. чел. (16,9%), горячим водоснабжением — 49 млн. чел. (34,5%).

Что касается нарушения принципа экономической эффективности, то это проявляется, в частности, в существенном увеличении числа успешных представителей среднего бизнеса, готовых уехать из страны. Другой пример: с точки зрения пространственного развития тревожными являются выводы исследователей о слабой связи между социальными характеристиками и экономическими результатами деятельности субъектов РФ [1, 2].

Особенно явно данная особенность проявляется в регионах Севера (подробнее см. [3, с. 113-135]). Повышенные потребности северян в услугах здравоохранения, усиленном питании, одежде и т.д. порождают усиленную обеспокоенность нарушением согласованности экономических и социальных изменений.

Диспропорции между экономическим и социальным развитием проявляются и в страновых показателях. Так, по данным за 2010 г., Россия занимает среди 146 стран мира 50 место по уровню экономического развития (рассматривается ВВП на душу населения), а по индексу социального развития (композитный индекс, включающий уровень реальных доходов, образования, продолжительность жизни) — 65-е. Причем ситуацию с композитным индексом явно спасает уровень образования (40-е место).

В свете второго выделенного нами фактора противоречие обусловлено тем, что инновационное развитие — это очень дорогой путь развития, требующий предсказуемости государственной экономической политики. Очевидно, что успешное движение по инновационному пути предполагает как минимум установление четких критериев социально-экономического развития.

Отсутствие в практике управления устойчивых ценностных ориентиров приводит к отсутствию внятных целей общественного развития, закрепляет нездоровое психологическое состояние населения — неразрывную составную часть качества жизни населения.

В связи с этим закономерны проблемы, являющиеся базовым предметом исследований психологов и социологов, — массовое чувство социальной несправедливости, неуверенности в будущем, безразличие к собственной и чужой жизни, распространённость депрессий, страхов, дефицит этнической толерантности, разрушение традиционных ценностей и т.д.

Некоторые показатели, характеризующие психологическое состояние и социальную сферу современного российского общества, приводятся в исследованиях Института психологии РАН: смертность от самоубийств — 30,1 на 100000 жителей (2 место в Европе после Литвы); смертность от случайных отравлений алкоголем — 23,1 на 100000 жителей (1 место в Европе и СНГ); смертность от дорожно-транспортных происшествий — 17,5 на 100000 жителей (3 место в Европе и СНГ после Литвы и Латвии); естественный прирост населения — 4,5 на 1000 жителей (одно из последних мест в Европе перед Болгарией и Украиной); число детей, оставшихся без попечения родителей, — 89 на 100000 жителей (2 место в Восточной Европе и СНГ после Литвы); число абортёв — 40,6 на 1000 женщин в возрасте 15 — 49 лет (1 место в Восточной Европе и СНГ); индекс коррупции (измеряется в пределах 0 — 10 баллов: чем выше балл, тем ниже уровень коррумпированности) — 2,3 (143 позиция в мире, наряду с Гамбией, Индонезией, Того, из 180 возможных).

Перечисленные показатели дополняются и другими данными: ежегодно 2000 российских детей становятся жертвами убийств и получают тяжкие телесные повреждения; каждый год 5000 россиянок гибнут от побоев мужей; 1,5 млн. детей школьного возраста не посещают школу; в России 40000 несовершеннолетних заключённых, что в 3 раза больше, чем в СССР в начале 1930-х гг. (подробнее см. [4]).

Закономерным результатом низкого качества жизни и психологического здоровья населения РФ является чрезвычайно низкая ожидаемая продолжительность жизни (последнее место среди стран с развитой и переходной экономикой). В 2009 г. ожидаемая продолжительность жизни составила в среднем 68 лет (для мужчин — 62 года, для женщин — 74 года).

Каждый из обсуждаемых показателей — это не только неутешительный итог управления социальным развитием. Каждый из них порождает и проблемы экономического развития.

По прогнозам Росстата, с 2011 по 2020 год население трудоспособного возраста сократится в РФ более чем на 20 млн. человек (т.е. по миллиону человек ежегодно).

И именно этот демографический вызов говорит о том, что единственным шансом страны на развитие, сохранение территориальной целостности является инновационное развитие.

Исследования показывают, что возможности инновационного развития у России пока еще существуют (см., напр., [5]). Судьба важнейших отраслей промышленности зависит в первую очередь от того, что удалось сохранить в системе науки и высшего образования.

Остановимся на проблемах преподавания. В последние годы термин «инновационное образование» или, в зависимости от контекста, «инновационные образовательные технологии» стал чрезвычайно популярным, встречаясь буквально повсеместно: в органах государственной власти, образовании, науке, средствах массовой информации.

Вот здесь и возникают вопросы. Что следует считать инновационной образовательной технологией? Какое место она действительно занимает в системе подготовки кадров, в том числе и кадров по управлению и экономике?

Не является ли этот термин результатом простого переноса «модного» термина на все тот же типовой образовательный процесс (по аналогии с тем, как ранее появились, например, «нанокорма» и другие «наносуществующие» предметы)?

Обратившись к результатам обсуждений на конференциях, ряд из которых был посвящен непосредственно инновационному образовательному процессу (см., напр., [6]), к информации, представленной на сайтах вузов (см., напр., [7]), в научных публикациях (см., напр., [8]), можно утверждать, что в целом понимание достаточно единообразное, несмотря на типовую попытку уйти в поистине бесконечное обсуждение возможных толкований терминов «инновации», «образование», «технологии» и специфики, порождаемой перестановкой этих слов (см., напр., [8]).

Информативно это типовое понимание можно представить следующей цитатой: «Современные инновационные образовательные технологии предполагают максимальное использование в учебно-воспитательном процессе технических возможностей получения, обработки, передачи и хранения информации. Так при изучении иностранных языков широко применяются диктофоны, что позволяет повысить интенсивность процесса обучения» [7].

Наверное, обсуждать такую трактовку инновационности не стоит. Но не стоит ее и осуждать. К сожалению, действительно, включение «модных» слов-мантр позволяет повысить шансы, например, на получение финансирования конференции, обезопасить обеспечение вуза бюджетными местами и т.д.

Акцент в настоящей работе делается на экономике в связи с тем, что в последние годы наблюдается некое странное отношение к ней. Например, после высказывания Президента РФ Медведева

о достаточности числа экономистов и юристов в России, традиционно для современной системы управления, количество бюджетных мест по соответствующим специальностям сократилось. Вместе с тем именно эти направления наиболее востребованы на рынке труда РФ. Так, семь из десяти наиболее востребованных в 2010 г. специальностей непосредственно связано с экономикой и юриспруденцией².

Кроме того, очевидно, что инновационное обновление страны немислимо без качественного менеджмента, без грамотных экономистов. А эта грамота является продуктом преимущественно типовых технологий обучения, применяемых, в частности, в развитых странах, где подготавливаются лучшие в мире экономисты, коммерческие менеджеры и государственные управленцы.

Поэтому предлагаем поговорить о проблемах, имманентно присущих самой экономике, определяющих и проблемы преподавания. Причем сразу хотелось бы оговориться, что это не будет отчетом о выполненном, строго аргументированном научном исследовании, скорее это некое размышление о специфике экономики как науки и преподавании экономических дисциплин.

Экономические дисциплины крайне разнообразны. Однако экономике как особому направлению общественных наук присущ ряд потенциальных проблем и характерных черт.

² Первая десятка в рейтинге специальностей, востребованных на российском рынке труда: 1) финансы, бухгалтерский учет; 2) банки и инвестиции; 3) юриспруденция; 4) IT и телекоммуникации; 5) лингвистика, переводческая деятельность; 6) экология и природопользование; 7) экономика и управление на предприятии; 8) маркетинг, реклама, PR; 9) кадровое дело, HR; 10) транспорт, логистика. Рейтинг составлен исходя из анализа количества вакансий за 2010 год, опубликованных на портале www.jobsmarket.ru (около 600 тыс. вакансий по РФ в исследовании) [9].

Первая особенность – широкий предмет. И даже не только предмет, но и контур, окружающая среда предмета. То есть экономика обязательно включает в себя целый комплекс знаний об истории, этнографии, геологии, о всём том комплексе реалий, что влияют на экономические процессы и во многом объясняют их. И вот здесь возникает целый спектр проблем для преподавания, связанных с необходимостью удержать именно экономическое содержание курса, но в то же время дать комплексный, полидисциплинарный взгляд на действительность.

В связи с этим, конечно, позитивно, что сейчас учебный план занятий можно составлять не только из обязательных учебных дисциплин федерального компонента, но и дополнительных курсов. Это позволяет дать студентам знания, актуальные для конкретного, допустим, региона или значимые в плане конкретной социально-экономической обстановки. Но даже в рамках составленного курса определенную опасность представляет и то, что именно личность преподавателя может гипертрофировать одну составляющую влияния экономических процессов и пренебречь другой.

Позитивно в части решения этой проблемы и то, что сейчас в ряде вузов ведут подготовку узких специалистов (например, менеджер химической промышленности и т.п.).

Эта особенность, т.е. «широкопредметность», комплексность экономики, тесно связана с другой проблемой – «проблемой смещения» [5]. Связана с тем, что экономика в целом как наука и ее частная составляющая – базис, экономическая теория – представляет собой огромное количество пластов, наслоений различного рода воззрений и объяснений экономических процессов, исходящих из разных, нередко противоположных оснований, дающих огромное, труднопознаваемое количество переплетений кривых многообразных процессов.

В результате, допустим, рассматривая экономическую теорию марксизма, преподаватель акцентирует внимание именно на трудах и воззрениях Маркса, оставляя в стороне ленинизм, более поздние попытки модернизации Маркса 30-х – 80-х гг. XX в. (Робинсон, Моришима, Вайцзекер, Самуэльсон и др.). Или, например, та же теория размещения, как правило, отсутствует или крайне скупо освещена в классических зарубежных учебниках. Хотя, несомненно, этот предмет не только интересен сам по себе, но и является, по сути, основой теории урбанизации и региональной экономики.

Другая сторона проблемы смещения – это невольное навязывание собственных, в том числе и политических, воззрений при раскрытии предмета экономической теории. Дело в том, что даже в самом чистом виде экономическая теория неявно содержит «политические примеси», тем самым работая на политическую пропаганду того или иного типа. И как говорил М. Блауг, «этот элемент пропаганды – неотъемлемая часть предмета, и даже когда мыслитель усердно сохраняет чувство олимпийской беспричастности, философские и политические предпочтения присутствуют в самом начале анализа при формировании того, что Шумпетер определил бы как «видение», имея в виду преданалитический акт выбора определенных черт реальности для рассмотрения.

Здесь проблема не в отрицании наличия пропаганды, а в отделении научных идей от идеологии, в которую они постоянно включены, и в представлении этих идей для научной проверки с целью их утверждения. Более того, пропаганда – это не то же самое, что ложь; к примеру, сказать, что Карл Маркс хотел дискредитировать капитализм и начал с предубеждений в отношении его недостатков, не означает, что по этой причине его анализ ничего не

стоит, политические предрассудки могут даже помогать научному анализу – критик капитализма, скорее всего, обратит больше внимания на действительные недостатки системы, и, конечно, не случайно замечания того же Маркса по поводу экономических циклов на пятьдесят лет опередили его время» [11, с. 5].

Поверхностный взгляд показывает, что фактически проблема для преподавателя заключается в балансе между собственными предпочтениями дать студентам побольше материала о принимаемых и разделяемых лично им теориях и необходимостью комплексного освещения предмета.

Но более глубокий ответ на возможное решение проблемы политизации дает все тот же М. Блауг, говоря о необходимости показать студентам, «как определенные предубеждения ведут к различным видам анализа, а затем задаться вопросом, сохраняет ли этот анализ свое значение, если его освободить от идеологической подкладки» [11, с. 5]. Конечно, с этим советом можно полностью согласиться, но при этом важно держаться взвешенной, срединной позиции. Есть два вида опасности: «...существует анахронический грех оценки прошлых авторов критериями современной теории, но существует также и то, что Самуэльсон однажды назвал «изошренным анахроническим грехом непризнания адекватного содержания в работах старых авторов из-за того, что они не используют терминологию обозначения нынешнего времени» (цит. по [11, с. 1]).

Но вот здесь опять же преподавателю необходимо показывать, каким образом политизация влияет на воззрения автора обсуждаемой теории и не определяет ли именно «идеологическая подкладка» выводы автора.

Возьмем того же Маркса. Всем нам хорошо известно, что основа марксизма зиждется на теории прибавочной ценности.

Но при этом здравому смыслу противоречит исходная посылка, что любой рабочий с одной и той же квалификацией создает одинаковую сумму прибавочной ценности.

Совершенно очевидно, что, даже если рабочие и получают одну и ту же заработную плату, они не создают одинаковую прибавочную ценность, добывая нефть или крутя гайки на заводе. Более того, даже если рабочие добывают нефть, допустим, в Сибири и на нефтяных полях Ирака, прибавочная ценность будет различной. Маркс не приводит ни одного аргумента, заставляющего поверить в его предположение об одинаковой норме прибавочной стоимости, приходящейся на одного рабочего. Если же отбросить эту посылку, то здание, возведенное Марксом, обрушается.

Другое очевидное противоречие – это марксистское утверждение, что прибавочная стоимость не создается в сфере обращения. Кстати, интересно, что именно теория Маркса о производительном труде, согласно которой услуги исключаются из национального дохода, поскольку носят характер трансфертных платежей, учитывалась на практике при ведении национальных счетов в СССР.

Фактически вышесказанное тесно связано с другой имманентной проблемой экономики – проблемой соотношения теории и практики, теории и реальности. Эта потенциальная проблема связана с понятием рефлексивности. И здесь мы позволим себе остановиться чуть подробнее, поскольку теория рефлексивности знаменитого биржевого спекулянта Дж. Сороса в последние годы активно обсуждается в России. И именно этот критерий – критерий рефлексивности – Сорос предлагает считать разделителем, межой между естественными и общественными науками.

В чем же суть его рассуждений? Восприятие наблюдателем природного объекта не влияет на состояние этого объекта. Как бы геолог ни воспринимал породу, она останется такой же, какой была. Общественные науки изучают общество, частью которого является сам наблюдатель. Поэтому восприятие наблюдателя может изменить само общество. В качестве исторических примеров можно привести религию (изменение общества под влиянием христианства), политику (последствия экономической теории марксизма), науку (влияние А. Эйнштейна). Иначе говоря, рефлексивность — это самовозникающий и самоподдерживающийся, фактически аутопойетический, а значит, естественный процесс в социальной среде, который под влиянием восприятия и ожиданий участников может изменять состояние этой среды. Как раз присутствие этой обратной связи между наблюдателем и объектом наблюдения по Соросу объясняет различие между естественными и общественными науками.

«Явления, изучаемые общественными науками... — пишет Сорос, — имеют мыслящих участников, и это все усложняет. Как я пытался показать, взгляды участников по самой своей природе являются предвзятыми... участники опираются при принятии решений не на объективные условия, а на свою интерпретацию этих условий. Это очень важный момент... Он вводит элемент неопределенности, который делает предмет исследования менее поддающимся тому типу обобщений, предсказаний и объяснений, которые и помогли естественным наукам завоевать свою репутацию...» [12, с. 14].

«Предлагая общую теорию рефлексивности, я, вероятно, зашел слишком далеко и двигался слишком быстро. Я утверждал, что экономическая теория является неверной, а общественные науки представляют собой лишь ложную метафору» [12, с. 17].

Безусловно, это слишком сильное утверждение, хотя вопросом о том, является ли экономика наукой и есть ли в ней прогресс, задавались видные ученые-экономисты. Можно ли полностью согласиться с такой позицией? Пожалуй, наиболее объективный ответ дал М. Блауг за полстолетия до создания Дж. Соросом своей теории: «Никакие предположения об экономическом поведении не являются абсолютно верными на все времена и повсеместно, но будет ли кто-нибудь все-таки отрицать, что в вопросе методов и аналитических построений в экономической науке был достигнут прогресс?» [11, с. 3].

В связи с этим интересно высказывание П. Самуэльсона: «...опыт показывает, что хотя простачки и не достигали успеха ни здесь, ни в любой другой области, все же не нужно быть сверхчеловеком, чтобы плодотворно заниматься предметом, который люди назвали экономической теорией и который находится на полпути между искусством и наукой» [13, с. 9].

Таким образом, эти вопросы уже давно обсуждены. Поэтому идеи Сороса мало дискутируются за рубежом и активно обсуждаются в России. Кто знает, может, мнение управленцев о ненужности экономистов для РФ, а также о том, что менеджеру не обязательно знать экономические основы и т.д., проистекает из обсуждений околонучной средой книги Сороса, например, в Интернете?

Но что означает для преподавателя этот баланс между искусством и наукой? На наш взгляд, конечная цель экономического образования — это не простое накопление знаний. Для того чтобы знания были плодотворны, необходимо научить студентов методологии создания реальных решений в любой ситуации. Джон Мейнард Кейнс говорил, что экономическая теория не дает выводы, непосредственно применимые к политике.

Это метод, а не доктрина, аппарат, техника мышления, который помогает его обладателю сделать правильные выводы. Другими словами, преподавание экономики – это не преподавание набора фактов и определений. Она принципиально отличается тем, что включает в себя обучение способу мышления о проблемах.

Приведем высказывание П. Самуэльсона в его знаменитом учебнике: «Первая задача современной экономической науки состоит в том, чтобы описать, проанализировать и объяснить динамику производства, безработицы, цен и других подобных явлений, а также установить соотношения между ними. Для того чтобы такое описание имело какую-либо ценность, оно должно представлять собой нечто большее, чем ряд бессвязных перечислений. Оно должно быть подчинено определенной системе; именно под этим понимается подлинный анализ» [13, с. 9].

То есть информацию необходимо подавать с точки зрения возможностей анализа и возможностей предсказания. Например, Адам Смит надежно ухватил способ, каким рыночный механизм способен координировать независимые решения продавцов и покупателей, но от него ускользнуло нечто столь принципиальное, как функциональное отношение спроса и цены. Ему никогда не приходило в голо-

ву, что можно точно показать, в каком смысле децентрализованная экономика дает оптимальные результаты, и потребовалась сотня лет, прежде чем Вальрас, Маршалл, Паретто выявили логику суждений Смита о деятельности «невидимой руки» (см., например, построения по М. Блаугу в [11]).

А необходимость освещения исторического и социально-экономического контекста возникающих теорий возможна через призму утверждения, что в конечном счете любая теория ориентирована на прогностическую функцию. Причем прогноз зависит от тех сил, которые оплачивали экономическую науку. Такой подход позволит расширить политическое понимание существующих проблем экономики и социальной сферы современности и построить адекватные пути их решения.

То есть, вопреки утверждениям Дж. Сороса, необходимо показывать студентам, что истина концентрируется в предельном приращении к экономическим знаниям. При этом нужно выстраивать общую логику рассуждений, иллюстрируя, что конкретно каждая теория позволяет сделать в экономическом анализе. Такой подход позволит сформировать грамотных специалистов, способных решать возникающие проблемы, в том числе и связанные с инновационным развитием.

Литература

1. Баранов, С.В. Исследование межрегиональной дифференциации / С.В. Баранов // Экономические науки. – 2010. – № 4. – С. 113-118.
2. Самарина, В.П. Особенности оценки неравномерности социально-экономического развития регионов / В.П. Самарина // Проблемы современной экономики. – 2008. – № 1 (25). – С. 300-304.
3. Особенности и сценарии социально-экономического развития современного Севера России. – М.: Экономика, 2010. – 238 с.
4. Юревич, А.В. Динамика психологического состояния современного российского общества / А.В. Юревич // Вестник РАН. – 2009. – № 2 (Т. 79). – С. 112-121.
5. Баранов, С.В. Пространство инноваций: о возможностях и некоторых проблемах инновационного развития: региональный аспект / С.В. Баранов // Креативная экономика. – 2009. – № 4. – С. 81-86.

6. Инновационные технологии и методы обучения в профессиональном образовании // Новые технологии – основа развития профессионального образовательного пространства учебно-научно-производственного комплекса: материалы региональной научно-практической конференции, г. Ливны, 16 марта 2007 г. (секция № 1). – Орел: ОрелГТУ, 2007. – С. 14-64.
7. Инновационные образовательные технологии [Электронный ресурс] // Сайт Дальневосточного института управления, бизнеса и права. – Режим доступа: http://www.diubp.ru/12-innovacionnyje_obrazovatjelnyje_tjekhnologii.html
8. Козлов, А.В. Инновационные образовательные технологии и инновационное образование: сходство и различия [Электронный ресурс] / А.В. Козлов, Т.В. Погребная, О.В. Сидоркина // Вестник ИПК. – 2008. – № 3. – Режим доступа: <http://www.kipk.ru/rb-topic.php?t=582>
9. Центр тестирования и развития. Востребованные профессии на рынке труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.proforientator.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=573:2011-03-31-11-46-28&catid=22:2009-11-18-12-54-08
10. Скуфьина, Т.П. Социально-экономическое прогнозирование: проблемы науки и преподавания / Т.П. Скуфьина, С.В. Баранов // Вопросы экономики. – 2005. – № 3. – С. 41-48.
11. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе: пер. с англ. – 4-е изд. / М. Блауг. – М.: Дело Лтд, 1994. – 720 с.
12. Сорос, Дж. Алхимия финансов / Дж. Сорос. – М.: ИНФРА-М, 1998.
13. Самуэльсон, П. Экономика. – Т. 1 / П. Самуэльсон. – М.: НПО «Алгон», 1992.

Разработка методики формирования антикризисной стратегии управления оптовой торговой организацией

В данном исследовании разработана методика формирования антикризисной стратегии управления непосредственно оптовыми торговыми организациями. Решение данной проблемы актуально на сегодняшний день, так как в отечественной и зарубежной литературе отражен опыт антикризисного управления только на промышленных предприятиях. В исследовании сформулированы и систематизированы факторы, дающие импульс развитию организации в условиях кризиса и являющиеся основой предложенной методики. Учтены также риски, связанные с реализацией методики антикризисного управления. По результатам исследования сделаны выводы.

Антикризисное управление, кризис, стратегия, антикризисные стратегии, стратегии управления оптовыми торговыми организациями, методика формирования антикризисной стратегии.

**Марина Сергеевна
ШАМИНА**

старший преподаватель кафедры антикризисного и стратегического менеджмента Российского государственного торгово-экономического университета
Sms-star@yandex.ru

Любая социально-экономическая система в процессе своей деятельности сталкивается с кризисной ситуацией, но, как показывает практика, не всегда находит выход из неё. Организации должны предпринимать активные действия, направленные на формирование мероприятий по выходу из кризиса. В настоящее время большинство компаний стараются сгладить последствия недавнего международного финансово-экономического кризиса, нанёсшего непоправимый урон государственной экономике многих европейских стран, в том числе и России, и каждой организации в отдельности.

Приведём некоторые статистические данные, полученные в Росстате, характеризующие финансово-экономическое положение государств Европы, российского предпринимательского сектора и торговых организаций России в частности.

В результате сильного влияния финансово-экономического кризиса на мировую экономику наблюдалось снижение индекса физического объёма оборота розничной торговли в 2009 году по сравнению с 2008 годом на 12,6%, в Венгрии на 8%. В Германии и Канаде индекс снизился на 2,02 и 1,46% соответственно.

Во время кризиса наблюдался также рост индекса потребительских цен. Максимальный рост в 2009 г. по сравнению с 2008 г. был отмечен в Белоруссии — на уровне 66%, Украине — 36%, в России — 32%. Ряду стран с помощью государственных финансовых вливаний в крупный бизнес удалось стабилизировать инфляцию и сдерживать негативную тенденцию роста потребительских цен. В результате индекс остался неизменным в Швеции, Франции, Финляндии, Китае, Молдове и Канаде и составил 115, 117, 115, 120, 231 и 120% соответственно. И только правительству Японии благодаря эффективным государственным антикризисным мерам, солидным золотовалютным резервам, стабильной экономической среде удалось снизить индекс потребительских цен на 1,5%.

Компания Nielsen, мировой лидер в области исследований потребительского поведения, провела опрос, в результате которого выяснилось, что 40% россиянок во время кризиса сократили покупку одежды и 7% откладывали покупку до лучших времён. По данным президента Европейского совета по экспорту модной одежды и текстиля Райнхарда Депфера, российские ритейлеры снизили суммы заказа у европейских производителей одежды на 35% в 2009 г. по сравнению с 2008 г.

Данные Роструда свидетельствовали о значительном росте безработицы в 2009 г. по сравнению с 2008 г. Количество безработных граждан в России составило 25,0 млн. и 16,8 млн. человек соответственно.

В кризисных условиях функционирования организаций специалисты в антикризисном управлении всё чаще начинают говорить о стратегии слияний и поглощений как эффективной мере выхода из кризиса. В период финансово-экономического кризиса 2008 — 2009 гг., по данным Росстата, оборот малых предприятий снизился на 9,9% и составил в 2009 г. 16873,1 млрд. руб.

Иностранный капитал стал уходить из России. Инвесторы, которые планировали вложить финансовые средства в российские торговые организации, приостановили реализацию проектов. В результате число организаций с иностранным капиталом, занятых в сфере торговли, сократилось в 2009 г. на 6,79% и составило 6164 компании. Товарооборот сократился на 11,59% и составил 7730,5 млрд. руб.

Несмотря на то, что многие организации не выдержали испытания кризисом и вынуждены были закрыться, оставшиеся игроки рынка увеличивали штат сотрудников, делая упор на отдел продаж и маркетинга. Так, российские торговые компании увеличили среднесписочную численность работников на 8,57%. Таким образом, в сфере торговли было занято на конец 2009 г. 444,7 тыс. человек. Хотя в целом по России уровень безработицы в 2009 г. вырос на 4,48% по сравнению с 2008 г.

Основным инструментом создания стоимости в период кризиса остаются слияния и поглощения, а также альянсы. С одной стороны, эти действия позволяют снизить стоимость активов, а с другой — стимулируют объединение усилий по преодолению кризиса.

Так, эффективное использование этого инструмента в течение нынешнего кризиса позволило американскому провайдеру медицинских услуг LHC Group добиться удвоения стоимости в течение семи месяцев кризиса. Компания оказывает медицинские услуги на дому, работает также в больницах. Сконцентрировавшись на аутсорсинговых услугах, LHC Group за полгода (с июня по ноябрь 2008 года) смогла открыть восемь совместных предприятий, привлекая больницы в качестве партнеров. Таким образом, она обеспечила себя потоком заказов (то есть избежала риска снижения спроса). Кроме того, устойчивый денежный поток позволил расширить масштаб операций —

были приобретены два агентства по уходу на дому и одна здравоохранительная компания с присутствием в 15 штатах. Даже в самый разгар кризиса компания смогла за счет удачной стратегии найти средства для финансирования быстрого роста [4].

Компания Alaska Milk, несмотря на падение рынка во время азиатского кризиса, уже к 2000 году смогла увеличить свою стоимость в полтора раза по сравнению с докризисной (в 1997 году). Это было сделано за счет приобретения других производителей с сильным брендом, а также компаний-дистрибьюторов (для улучшения представленности своих продуктов). Расширив дистрибьюторскую сеть, компания создала партнерство с фирмой Nabisco and Kellogg's, взяв на себя дистрибуцию ее товаров. Таким образом Alaska Milk застраховала себя от рисков, связанных с единственным продуктом в портфеле.

Компания Hana Electronics провела ряд поглощений, усиливших ее конкурентные позиции: до кризиса — поглощение для модернизации своих продуктов и расширения клиентской базы, во время кризиса — поглощение производителя металлических деталей для полупроводников и после кризиса — смежного высокотехнологичного бизнеса, который использует полупроводники в своем производстве. Эти действия, совершенные с 1997 по 1999 год, привели к росту прибыли (с 19 до 22,5%) и стоимости бизнеса (в два раза) [4].

В отечественной и зарубежной практике антикризисного управления организации оптовой сферы торговли и услуг вынуждены использовать методики преодоления кризисных ситуаций, разработанные для промышленных предприятий.

Целью разработки методики формирования антикризисной стратегии управления является разработка мероприятий для ранней диагностики кризиса или его преодоления как можно с меньшими потерями.

Методика формирования антикризисной стратегии управления оптовой торговой организацией основана на взаимосвязи четырех моделей, отражающих все бизнес-процессы организации и включающих перспективное планирование деятельности.

Каждая модель состоит из следующих структурных элементов:

1. Подробное описание объекта исследования.
2. Перечень аспектов, которые отражает каждая конкретная модель.
3. Постановка целей, задач и вопросов, для решения которых строится модель.
4. Описание математической системы, используемой в исследовании при разработке модели.
5. Способы интерпретации результатов исследования, система нормативных показателей, возможность отклонений показателей от нормативных значений.

В рамках нашего исследования дадим пояснения к каждому из вышеперечисленных структурных элементов.

Объектом исследования может быть:

1. Конкретная организация любой организационно-правовой формы. Основным видом деятельности заявлена оптовая торговля. Могут рассматриваться малые, средние и крупные организации. Все исследуемые компании имеют одну характерную особенность — наличие определенных информационных ограничений, связанных с доступностью информации об организации (особенно в части финансовой отчетности).
2. Совокупность торговых организаций, функционирующих на территории определенного региона.
3. Совокупность торговых организаций одного бизнес-сектора. Например, продовольственный и непродовольственный секторы, сектор инженерных коммуникаций, сектор товаров для офиса и т.д.

4. Совокупность торговых организаций, состоящих из материнской компании и контролируемых ею дочерних компаний (холдинг).

Разрабатываемая методика формирования антикризисной стратегии управления должна учитывать следующие стороны функционирования объекта:

⇒ процесс функционирования организации как торговой системы;

⇒ процесс развития организации в момент реализации нового проекта.

Организация как торговая система состоит из множества составных элементов и бизнес-процессов. Их взаимосвязь и влияние друг на друга целесообразно рассмотреть в ходе описания процесса формирования и реализации потенциала развития конкретных направлений бизнеса.

Процесс развития организации осуществляется в результате взаимодействия составных элементов компании и реализации новых проектов.

Процесс развития торговых организаций в условиях кризиса разделим на 3 последовательных этапа:

1. Аккумуляция ресурсов.

2. Рациональное распределение ресурсов для начального импульса развития.

3. Поддержание развития организации.

Аккумуляция ресурсов происходит на всех уровнях торговой организации. Для реализации антикризисной стратегии необходимы материальные, финансовые, информационные, людские и другие ресурсы. Компания может использовать собственные ресурсы, а может привлечь их со стороны, например, воспользовавшись услугами консалтинговых или кредитных организаций.

Рациональное распределение ресурсов формирует импульс для начала развития. Ещё одной исходной точкой развития бизнеса могут послужить слияния и поглощения.

Для поддержания развития оптовой организации в кризисной ситуации необходимо постоянно проводить мониторинг внешней и внутренней среды, оценивать финансовые показатели деятельности и конкурентные преимущества организации.

Главной задачей разработки методики формирования антикризисной стратегии управления является определение перспективных направлений развития торговой организации, которые формируются на двух уровнях:

1. Разработка альтернативных вариантов проектов развития бизнеса и определение их приоритетности. Основная задача на этом уровне сводится к проведению анализа новых проектов с использованием количественных показателей.

2. Данный уровень является исходным для первого. Здесь выбираются направления развития бизнеса, в рамках которых в будущем появляются новые проекты.

При этом для каждого уровня определяется свой набор количественных и качественных показателей, которые необходимо согласовывать между собой.

В рамках проводимого исследования необходимо рассмотреть системное описание объекта управления. При этом выбирается актуальный объект управления и представляется в виде реляционной системы.

Существует различие между актуальным и номинальным объектами управления, которое заключается в том, что при описании первого необходимо учитывать сам номинальный объект, а также факторы микро- и макроокружения, оказывающие определённое воздействие на организацию.

Учитывая микроокружение, представим номинальный объект состоящим из нескольких подсистем, не зависящих друг от друга по функциональным признакам.

При этом подсистемы могут иметь различия не только по структуре выполняемых задач, но и по структуре правового поля, в рамках которого они функционируют. Таким образом, развитие оптовой торговой организации происходит в процессе взаимодействия различных проектов и подсистем. При этом каждый проект может разрабатываться для совокупности подсистем, так же как и несколько проектов могут быть внедрены в одной подсистеме.

Характер влияния факторов внешней среды на организацию в ходе процесса реализации проектов может качественно различаться. Проекты могут разрабатываться как за счет собственных, так и за счёт привлечённых денежных средств (кредиты, инвестиции и т.д.).

Выделим ряд факторов, которые дают импульс для развития организации: включение в ассортимент новых товаров и/или услуг, изменение техники продаж, использование методов мерчендайзинга, нахождение новых рынков сбыта, получение эксклюзивных прав на представление европейского бренда, разработка собственных брендов. Ещё одной причиной развития бизнеса может стать устойчивый спрос на какие-либо товары (услуги).

Антикризисное управление в фирме, нацеленное на улучшение продаж, является решающим в выводе предприятия из финансового кризиса, если у предприятия существуют проблемы с конкурентоспособностью продукции либо наличием на неё платежеспособного спроса [8, с. 12].

Предположим, что влияние факторов, стимулирующих развитие организации, приводит к относительному росту цен на товары (услуги) по сравнению с затратами. Но может быть и другая ситуация, когда затраты снижаются по сравнению с ценами на продаваемые товары (услуги).

Факторами развития оптовой торговой организации в условиях кризиса могут послужить также элементы макроэкономического окружения. Результаты такого воздействия могут быть самыми разными, что требует дополнительного анализа.

В разрабатываемой нами методике влияние макроэкономических факторов на развитие организации не рассматривается. При этом будущая методика будет позволять осуществлять оценку развития макроэкономического окружения под воздействием изменяющихся экономических режимов.

В процессе развития организации между подсистемами осуществляется взаимосвязь за счёт перераспределения между ними ресурсов.

Условия перераспределения ресурсов между подсистемами определяются перспективами развития (выбранными проектами) и неопределённостью правового поля и экономической ситуации в стране.

При разработке имитационных моделей организации выявляется существенный недостаток, связанный с недостаточным учётом процесса взаимодействия компаний с факторами внешней среды.

Для исправления этого недостатка предлагаем учитывать параметры взаимодействия организации и факторов макроокружения:

- покупательная способность целевой аудитории;
- уровень конкуренции в выбранном сегменте рынка;
- объём и структура рекламного бюджета;
- условия работы с поставщиками.

Наиболее полно и лучше, чем конкуренты, удовлетворять запросы потребителей возможно, если в выбранных направлениях деятельности предприятие имеет или может иметь сильные и устойчивые конкурентные преимущества, основанные на стержневых компетенциях предприятия [7, с. 131].

В разрабатываемой нами методике формирования антикризисной стратегии управления оптовой торговой организацией также рассматриваются аспекты взаимного влияния факторов макроокружения и компании друг на друга.

Конкретизируем особенности такого взаимодействия:

- 1) при описании влияния внешней среды не следует ограничиваться рассмотрением только конкуренции;
- 2) разработать оценку степени влияния факторов внешней среды;
- 3) проанализировать взаимодействие организации и внешней среды в процессе развития в момент реализации новых проектов;
- 4) усилить возможность влияния на макроокружение с помощью рекламных мероприятий;
- 5) сделать акцент на генерировании новых эффективных управленческих решений, используя креативный подход;
- 6) рационализировать соотношениекупаемых (производимых) и продаваемых товаров (предоставляемых услуг).

В рамках проводимого исследования выделим внешние факторы, которые оказывают сопротивление развитию оптовой торговой организации. Главным таким фактором является конкуренция. Например, если компания представляет новинку на рынке или запускает в продажу собственный бренд, то многие конкуренты продублируют эти действия. В начале сезона или к праздникам многие компании запускают рекламные акции. В результате эффективность каждой акции будет значительно меньше, т.к. покупательский поток распределяется между всеми, кто запускал рекламу. Если организации удаётся снизить расходы или разработать эффективные методы продажи, то её достижения будут скопированы недобросовестными конкурентами.

В результате приведённых выше примеров возрастают расходы на рекламу, увеличивается количество сотрудников отделов маркетинга и продаж, повышаются цены, снижается прибыль (клиентам предоставляются все более льготные условия сотрудничества) и т.д.

Изменение рыночной ситуации может происходить вне зависимости от торговой организации. К определённым моментам времени могут появляться качественные изменения. Если организация успеет провести эти изменения раньше конкурентов, то она получит конкурентное преимущество, а если нет, то возможности развития компании значительно снижаются.

Может сокращаться и рынок сбыта в результате развития других рынков и продуктов. При этом цены на продукцию будут формироваться под воздействием многих факторов. Наиболее значимыми будут являться:

- ✓ уровень издержек производства;
- ✓ уровень ценности продукции (услуги) для потребителя;
- ✓ объём товарооборота в количественном и стоимостном выражении;
- ✓ уровень конкуренции в отрасли;
- ✓ структура сбытовой сети;
- ✓ степень влияния кризиса на исследуемую организацию и её конкурентов.

Структура конкурентного окружения и степень его влияния на объём выручки оптовой торговой организации в процессе развития могут быть описаны в методике двумя способами.

В первом случае компания может развиваться за счёт увеличения физического объёма сбыта в условиях ограниченной ёмкости рынка. Таким образом, в рамках одного рынка увеличивается количество продукции (это происходит за счёт увеличения отсрочки платежа, перехода на условия полной реализации товара и различных промоакций).

Как следствие конкуренты отреагируют на сложившуюся ситуацию и предпримут определённые меры. В результате цена на продукцию должна будет снизиться для того, чтобы обеспечить запланированные объёмы реализации.

Во втором случае цена на продукцию может изменяться несущественно, и тогда каждый участник рынка будет стремиться увеличивать товарооборот за счёт конкурентов. То есть одни компании смогут увеличить свою долю рынка, соответственно, другие компании её упустят. При этом предложение по товару будет превосходить спрос и рынок будет несколько перенасыщен. Оба рассмотренных варианта формирования выручки найдут отражение в модели.

Не исключается ситуация, при которой рост объёмов реализации не влечёт за собой колебания цены на продукцию (услугу), а отражается на росте издержек, связанных с реализацией и продвижением на рынке. Данный вариант развития событий также находит своё отражение в модели формирования антикризисной стратегии управления.

Развитие компании может замедляться, когда объём реализации достигнет определённого уровня. В таком случае возникает необходимость пересмотра стратегического плана развития компании, а именно: продуктового портфеля, рынков сбыта, условий взаимодействия с поставщиками и конкурентами и т.д.

Создавать препятствия развитию бизнеса могут:

- крупные компании-монополисты, которые диктуют свои условия развития рынка;
- решения первых лиц государства и подписанные ими законодательные документы;
- изменение покупательских предпочтений;

- слабые управленческие решения топ-менеджеров;
- наступательная стратегия конкурентов;
- ограниченные финансовые ресурсы;
- непредсказуемость внешней среды;
- сложность международной логистики.

В процессе моделирования линии развития организации в условиях кризиса конкретная причина, препятствующая развитию, может и не определяться. В таком случае можно установить только степень противодействия факторов макроокружения в зависимости от времени и решений, принимаемых в рамках программы выхода из кризиса.

В процессе формирования антикризисной стратегии управления оптовой торговой организацией необходимо учитывать влияние на её развитие внешней среды. Выделим два вида влияния факторов макроокружения на организацию:

1. Пассивное влияние. Проявляется тогда, когда внешняя среда с запозданием реагирует на управленческие действия менеджеров компании.

2. Активное влияние. Факторы внешней среды оказывают непосредственное влияние на организацию, быстро реагируя на любые управленческие действия.

При разработке антикризисной стратегии необходимо подробно проанализировать особенности математического аппарата, состав его переменных, их соотношений и других элементов.

В целом качество экономико-математической модели формируется за счёт её различных характеристик, потребностей и эффективности модели. Перечисленные параметры должны быть согласованы между собой и отражать функциональные возможности модели. Эффективность методики формирования антикризисной стратегии управления как конечный результат определяется правильной постановкой целей и подцелей.

В развитии теории и практики антикризисного управления сформировалось три направления повышения качества экономико-математических моделей и эффективности их внедрения:

1. Разработка и усовершенствование теоретической базы.

2. Ввод и обоснование новых функциональных параметров и критериев оценки моделей.

3. Разработка способов использования в модели разноплановой информации, имеющей разную степень достоверности. В настоящее время разработанные экономико-математические модели ориентированы на учёт количественной статистической информации и не учитывают качественную (косвенную) информацию из различных источников.

В проведённом исследовании уже отмечалась необходимость включения в разрабатываемую модель инструментария для количественного сравнения альтернативных программ, а также методик для принятия управленческих решений на вербальном уровне. Поэтому в рамках формирования методики антикризисного управления оптовой торговой организацией будем рассматривать оба подхода.

В моделях первого типа каждому альтернативному решению присваивается количественная оценка его эффективности.

Как правило, в рамках данной модели рассматриваются две методики:

1) методика оценки бюджета организации;

2) методика определения приоритета в выборе проекта.

В моделях второго типа акцент делается на факторе полезности. За основу берётся информация, на базе которой можно сравнить альтернативные варианты развития организации и выбрать наиболее интересный и перспективный.

Данная методика обеспечивает принятие управленческих решений на вербальном уровне, когда нет возможности сделать количественные оценки для различных направлений развития бизнеса в условиях кризиса. Описанная методика является унифицированной и может использоваться на любом уровне управления.

Математический аппарат, используемый при формировании методики антикризисной стратегии управления оптовой торговой организацией, предназначен для выбора решений, направленных на развитие бизнеса, и включает:

✓ критерии, необходимые для количественного анализа альтернатив проектов и выбора одного из них (наиболее приоритетного);

✓ совокупность показателей, необходимых для выбора приоритетного варианта развития организации;

✓ методику, призванную учитывать взаимосвязь между принятыми управленческими решениями и динамикой развития торговой организации в процессе расстановки приоритетов среди новых проектов;

✓ методику оценки организационно-хозяйственной деятельности компании;

✓ методику оценки рисков;

✓ математическую модель взаимодействия факторов внешней среды и самой организации;

✓ учёт неопределённостей, мешающих в выборе перспективных путей развития.

Подводя итог вышесказанного, отметим, что методика формирования антикризисной стратегии управления оптовой торговой организацией состоит из четырёх отдельных блоков:

1. Методика определения типа и приоритетности проекта.

2. Модель учёта изменений в процессе развития.

3. Методика оценки потенциальных направлений развития с точки зрения эффективности.

4. Методика экспресс-оценки и прогнозирования деятельности организации.

При реализации предложенной методики формирования антикризисной стратегии управления торговой организацией необходимо учитывать три группы рисков:

1) риск изменения влияния на организацию факторов внешней среды (экономические, политические, социальные, международные, природно-климатические, рыночные риски);

2) риск изменения влияния на организацию факторов внутренней среды

(финансовые, инвестиционные, маркетинговые, логистические риски);

3) риск неудачной реализации нового проекта (запуска инновации).

Любой торговой организации необходимо решить проблему прогнозирования и оценки рисков.

Наиболее простыми решениями могут стать введение должности рискowego менеджера в аппарат управления и создание органа, координирующего действия по управлению основными видами риска всех подразделений, организаций [1, с. 253].

Литература

1. Антикризисное управление: учебник. – 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. проф. Э.М. Короткова. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 620 с.
2. Антикризисное управление предприятием: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М.М. Мусина, С.П. Ивановой. – М.: РГТЭУ, 2010. – 304 с.
3. Балдин, К.В. Антикризисное управление: макро- и микроуровень / К.В. Балдин, И.И. Передеряев, А.В. Рукосуев. – М.: Издательство Дашков и К°, 2011. – 268 с.
4. Вавилов, В. Стратегии, которые помогают выйти из кризиса победителем: опыт зарубежных компаний / В. Вавилов // Генеральный директор. – 2009. – № 7.
5. Вишневская, О.В. Антикризисное управление предприятием / О.В. Вишневская. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2008. – 320 с.
6. Гарина, Е.П. Антикризисное управление. Серия: Высшее образование / Е.П. Гарина, О.В. Медведева, Е.В. Шпилевская. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2011. – 352 с.
7. Захаров, В.Я. Антикризисное управление. Теория и практика: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления / В.Я. Захаров, А.О. Блинов, Д.В. Хавин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 287 с.
8. Жариков, В.В. Антикризисное управление предприятием: учебное пособие / В.В. Жариков, И.А. Жариков, А.И. Евсейчев. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. – 128 с.
9. Ивасенко, А.Г. Антикризисное управление: учебное пособие / А.Г. Ивасенко, Я.И. Никонова, М.В. Каркавин. – М.: КноРус, 2011. – 504 с.
10. Круглова, Н.Ю. Антикризисное управление: учебное пособие / Н.Ю. Круглова. – М.: КноРус, 2010. – 512 с.
11. Основы антикризисного управления предприятиями: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. Н.Н. Кожевникова – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 496 с.
12. Самородский, В.А. Антикризисное управление. Серия: учебники и учебные пособия для студентов высших учебных заведений / В.А. Самородский, И.А. Хлусова. – М.: КолосС, 2008. – 208 с.
13. Российский статистический ежегодник. 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 813 с.
14. Херманн, С. Продажи в кризис. Как повысить объём продаж, снизить издержки и увеличить прибыль / С. Херманн. – М.: Бизнес психологии, 2010. – 256 с.
15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.retailer.ru
16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.strategy.ru

В МИРЕ КНИГ И ЖУРНАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Актуальная работа о коррупции в России

«Коррупция – системное свойство постсоветского российского капитализма (научно-публицистические заметки)» – так называется большая статья, размещенная в двух выпусках «Российского экономического журнала» за 2011 год¹.

Автор статьи Юрий Юрьевич Болдырев, кандидат экономических наук, был в 1992 – 1993 гг. начальником Контрольного управления Администрации Президента РФ, в 1993 – 1995 гг. – членом Совета Федерации Федерального Собрания РФ, в 1995 – 2001 гг. работал заместителем председателя Счетной палаты РФ. В настоящее время является обозревателем «Литературной газеты» и интернет-издания «STOLETIE.RU».

В самом начале работы заявлено, что в ней специально аргументируется весьма «чреватый» для общества и власти тезис, так или иначе фигурирующий во всех посвященных современной России текстах автора. Решить эту задачу, на наш взгляд, автору удалось, чему во многом способствовала тщательная структурированность статьи.

В разделе «Лукавые постановки – лукавые рецепты» автор критически комментирует широко востребованные среди властных структур радикально-либералистские представления и идеи о коррупции и борьбе с ней. По его мнению, рецепты излечения общества от тотальной коррупции, соответствующие фундаментальным постулатам радикального либерализма, а именно отказ от активности государства в экономике, о превращении государственной власти в субъекта предоставления неких услуг гражданам, об автоматизация предоставления госуслуг («электронное правительство»), являются ошибочными и несостоятельными. Их реализация не только не подавляет коррупцию, но и создаёт для её развития новые возможности.

В разделах «Контрольный аспект проблемы: ретровзгляд» и «В продолжение

ретроэкскурса: об идеологическом обеспечении сценария криминализации страны и сюжете “коррупция и рыночная экономика”» с привлечением большого фактического материала прослеживается эволюция постсоветской системы государственного контроля (внутреннего и внешнего), что, по мнению Ю. Болдырева, важно для раскрытия темы российской коррупции, для анализа становления и исторической динамики последней.

Автор акцентирует внимание на том, что итогом двадцатилетней управленческой активности постсоветских российских лидеров и всей выстроенной «под них» властной «вертикали» являются успехи в деле саботирования и дискредитации всего, что связано с самой сутью эффективного демократического макроуправления – с независимым контролем за властью.

¹ См.: Болдырев Ю.Ю. Коррупция – системное свойство постсоветского российского капитализма (научно-публицистические заметки) // Российский экономический журнал. – 2011. – № 2. – С. 14-34 (начало статьи); № 3. – С. 46-54 (окончание статьи).

В подтверждение этому приводится сюжет о становлении и развитии Счетной палаты Российской Федерации, высшего органа внешнего государственного финансового контроля. Во второй половине 1990-х годов Счетной палатой были выявлены и преданы огласке самые грубые и беспрецедентные по своим масштабам нарушения в правительственном и центр-банковском управлении госфинансами и госсобственностью, а также были подготовлены принципиально важные заключения о законопроектах, инициированные и лоббировавшиеся исполнительной властью.

Однако в 2000-е годы в закон «О Счетной палате РФ» были внесены радикальные изменения: Государственная Дума и Совет Федерации утратили право самостоятельно назначать руководителей и аудиторов Палаты (таковые стали назначаться лишь по представлению первого должностного лица государства).

Тем самым Палата лишилась статуса органа внешнего государственного финансового контроля, независимого от вертикали исполнительной власти и ее фактического руководителя – российского президента. Она превратилась из органа внешнего государственного контроля в «дублера» внутренних контрольных органов исполнительной власти.

Далее Ю. Болдырев указывает на тот факт, что в 90-е годы, активно противодействуя формированию в новой России системы независимого государственного контроля и параллельно энергично запуская априори мошеннические и грабительские механизмы тотальной форсированной приватизации, стоявшие за федеральной исполнительной властью социальные силы одновременно развернули и соответствующую идеологическую кампанию, включая пропаганду идеи неизбежности и даже полезности коррупции. Проводившаяся в 90-е гг. приватизация повлекла за собой криминализацию как механизмов

управления, так и сознания новоявленных частных собственников. Это была высокотехнологичная реализация тщательно продуманного, в том числе в отношении идеологического обеспечения, многоходового алгоритма, причем не в последнюю очередь предусматривавшего сопряжение интересов внешних заказчиков «уменьшения» нашего государства с интересами утверждавшейся отечественной криминальной «элиты».

По мнению автора статьи, на базе рыночной экономики коррупция возникает под непосредственным воздействием совокупности факторов, включая общественную мораль, господствующие в обществе нравственные представления (прежде всего – о допустимом доходно-имущественном неравенстве и приемлемой мере несправедливости в распределении национального дохода); эта мораль в свою очередь тесно связана со всей системой социально-экономического госрегулирования и с политико-правовой системой.

Учитывая данные общеметодологические послышки, в отношении истории становления постсоветского российского капитализма можно уверенно утверждать: с начала развертывания радикально-либералистских реформ имело место сознательное и целенаправленное применение механизмов экономического регулирования, заведомо провоцировавших и стимулировавших аморальное и мошенническое поведение контрагентов производственных и в целом общественных отношений. В результате важнейшая с позиций противодействия коррупции сегодняшняя проблема есть проблема субъектности.

Обозначенная методологическая посылка относительно необходимости субъектного подхода к вопросу о подавлении российской коррупции мотивирует подразделение всех её многообразных проявлений на две группы – аппаратную и государственно-политическую.

Этим двум видам коррупции, а также принципиальным направлениям противодействия им посвящен следующий раздел статьи Ю. Болдырева.

Первый вид – аппаратная коррупция – тот, которому призваны противостоять органы системы внутреннего государственного контроля. Автор рассматривает два механизма подавления этого вида коррупции. Первый связан с обеспечением перспектив карьерного роста и достойной оплаты труда госслужащих (в том числе высших должностных лиц). Второй состоит в реализации принципа презумпции коррумпированности госслужащего, требующей особой щепетильности деятельности чиновника в рамках законодательных нормативов. Причем не органы юстиции доказывают наличие в действиях чиновника преступно-коррупционного интереса, а ему самому нужно доказывать в суде свою невиновность.

В продолжение рассмотрения проблемы аппаратной коррупции Ю. Болдырев, используя обширный исторический материал, рассуждает о причинах её сохранения в России. В качестве первой причины он называет неадекватное вознаграждение госслужащих. Обращаясь к 1990-м годам, автор констатирует два обстоятельства. Во-первых, в течение всего десятилетия, когда закладывались основы нынешних нравов и обычаев, заработки госслужащих были унижительно низкими. Во-вторых, СМИ целенаправленно и агрессивно навязывали населению представление о необоснованно высокой оплате труда работников систем законодательной и исполнительной власти, уходя от сравнения зарплат госслужащих и занятых в частном секторе.

Второй причиной существования аппаратной коррупции в России была, по мнению автора статьи, откровенная невнятность условий применения к управленцам санкций.

Соответствующие нормы сформулированы так, что «можно привлечь, а можно и пожалеть». Это приводило не к обеспечению законности, а к формированию всеобщей лояльности к начальникам, некоей квазифеодальной зависимости подчиненных, которые тем самым оказываются на многих «крючках».

«Разность доходных потенциалов» госслужащих и занятых в частном секторе реализовывалась в «оптовой скупке» госслужащих банками. Это осуществлялось в разных формах – как прямых и грубых, так и более «интеллигентных» (например, связанных с перспективой будущего трудоустройства госуправленцев в соответствующих кредитных организациях), но в конечном счете обеспечило «лояльность» госслужащих не столько государству, сколько финансово-спекулятивному капиталу, интересы которого в общем случае не совпадают с общегосударственными или противоположны им.

Второй вид коррупции – государственно-политическая, которая тормозит национальное развитие большинства современных государств. Она представляет собой болезнь более тяжелую, ибо является инструментом для разнообразных «теневых» и даже легальных сил, которые стремятся подчинить действия госинститутов своим частным интересам вопреки интересам всего общества.

Ю. Болдырев выделяет признаки государственно-политической коррупции. Основной – отсутствие подавления коррупции аппаратной (чиновничьей), т.к. развращенное и зависимое чиновничество является её лучшей опорой. Кроме того, автор указывает на попытки идеологического обоснования полезности государственно-политической коррупции, интерпретации ее едва ли не как некоего блага.

Так, сторонники признания государственно-политического механизма демократического государства разновидностью все того же универсума — «рынка», т.е. «рынком политико-административных услуг», в принципе отвергают существование интересов всего общества.

А отсюда следует, что нет и не может быть также стратегических интересов государства, и каждый социальный слой, каждый субъект экономической деятельности должны просто приобретать за деньги необходимые им услуги: финансировать избирательные кампании, нанимать и перекупать лоббистов, политиков и политические партии и т.п., т.е. действовать сугубо рыночными методами. Согласно логике такого подхода, любая постановка вопроса о государственно-политической коррупции бессмысленна и даже абсурдна: кто «рыночно» сильнее и сумел продвинуть «своих» к власти, тот и реализует собственные частные интересы.

На основании рассуждений о государственно-политической коррупции автор приходит к следующему заключению. Данная разновидность коррупции — это феномен системный: следствие принуждения общества к гипертрофированной несправедливости и привития ему представлений о нормальности такой ситуации; результат примитивизации структуры экономики и содержания труда граждан, приоритета криминально-распределительных отношений перед «производительными»; плод «атомизации» и разложения социума, утратившего способность к солидарности и здоровую ценностную ориентацию.

Исходя из приведенной дефиниции, можно, во-первых, предположить следующее. Без постановки базисных вопросов о ценностях, справедливости, солидарности и единстве общества, равно как и о его целях в качестве целого и об идео-

логии движения вперед, развертывание политической реформы по рецептам радикально-либералистски настроенной части экспертного сообщества лишь резко расширит «игровую площадку» для государственно-политической коррупции, превратив нынешние бюрократически-коррупционные отношения в отношения свободной купли-продажи «политических и информационных услуг».

Во-вторых, — в самом общем виде сформулировать «комплексный» (включающий ряд направлений) рецепт борьбы, программу подавления государственно-политической коррупции. Это, конечно, и преимущественно государственное финансирование избирательных кампаний (как во Франции и Канаде), и жесткая регламентация деятельности СМИ в периоды таких кампаний (как во Франции).

Однако главные линии суть реальное обеспечение научно-технологического прогресса (вместо нынешних пустопорожних разговоров об инновационной модернизации) и задействование механизмов радикально более справедливого распределения национального дохода (по опыту многих европейских стран), призванное вывести целые слои населения из нищеты и бедности и внести большую осознанность в их гражданский выбор.

В разделе «Глобальный контекст государственно-политической коррупции: транснациональные корпорации наступают», затрагивая вопрос о социальных силах, способных реализовать программу радикальных антикоррупционных действий, Ю. Болдырев указывает на скрытый процесс переподчинения всей глобальной политической системы (а значит, и национальных политических систем, в том числе государств общепризнанно демократических) глобальной же, мировой финансовой олигархии.

По мнению автора, коррупция как глобальный феномен состоит в почти тотальном контроле со стороны международной финансовой олигархии ключевых национальных СМИ, сфер культуры, науки и образования различных стран, а затем и национальных систем формирования органов государственной власти.

Возвращаясь к общим вопросам относительно опасности государственно-политической коррупции для демократического строя, Ю. Болдырев подчеркивает различие ситуации в России начала 1990-х и ситуации нынешней. В 90-е годы избираемая власть была изначально свободной в своих действиях и хотя бы в идеале зависимой в первую очередь от воли избирателей. Ее можно было различными мерами (включая, разумеется, угрозу жестких санкций) оградить от коррупционного искушения.

В настоящее время налицо следующий замкнутый круг: избираемая власть

(и парламентские партии, и президенты, и правительства), во-первых, априори финансово (а значит, и в других отношениях) зависит от тех, кого никоим образом не избирали, а во-вторых, прилагает все возможные усилия к тому, чтобы российское государство неуклонно наращивало свою подчиненность началам, внешним для отечественного электорального процесса.

В завершение статьи автор даёт прогнозную оценку относительно возможности подавления в России государственно-политической коррупции. Он считает, что нет оснований хотя бы допускать, что при сохранении нынешних тенденций деградации экономики и производства, науки и образования наша страна не то что модернизируется, но и вообще сохранится как единое суверенное целое. У России, полагает автор, нет времени на медленное, постепенное преодоление государственно-политической коррупции.

*Дементьева И.Н.,
м.н.с. ИСЭРТ РАН*

Summary

Tatarkin A.I., Lavrikova Yu.G.

PROGRAMMED PROJECT MODERNIZATION OF THE FEDERATIVE STRUCTURE IN RUSSIA

The modernization is considered as a programmed project need for sustainable and balanced social development. Science and innovative should become a mover of this modernization. The article deals with the essence and meaning of modernization, it defines the forms of modernization and its features. The priorities and programmed project development institutions have been substantiated by the socio-economic development of the Russian Federation, regions, municipalities and market agents. The article also analyzes the theoretical and methodological approaches to the evaluation of the eventual result of modernization which is considered as a possibility to use a human development index and / or a human happiness index.

Key words: modernization, essence of modernization, modernization forms, programmed project modernization model of the regional and territorial development, the role of human factor in the modernization, eventual result of the development and its evaluation.

Baranov S.V.

STAGES OF CONTROL OF REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA STAGES OF CONTROL OF REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA

The article considers the dynamics of the system of regional development state regulation in Russia. The stages of state regulation are identified through the use of dialectical and historical-logical analysis methods. The basic goals, achievements and shortcomings are identified at each stage. The consequences of regulation are considered under the prism of asymmetry problem of socio-economic space as a reflection of dominant values of sociality or effectiveness in regional policies, and as a measurement of practical management effectiveness. The conclusion on the substantial theoretical and methodological shortcomings of regional development regulation is argued.

Key words: regional development, government control, regional differentiation.

Lipina S.A.

WAYS AND METHODS OF ECONOMIC INTEGRATION OF THE NORTH CAUCASIAN REGIONS

The article deals with the possibility of further full-fledged economic integration of the North Caucasian Federal District subjects into the Russia's economic space and the possibility to include them in the system of interregional and international relations and large strategic projects. The author uses the techniques and researches of the state scientific institution "Council for the Study of Productive Forces under the Ministry of Economic Development and Trade of Russia and Russian Academy of Sciences" and her own methodological groundwork. It is proved that priority development of transport, fuel and energy sectors, creation of industrial clusters, wholesale agricultural markets, scientific and educational centers should be the basis for economic integration of the subjects of the North Caucasian Federal District.

Key words: North Caucasian Federal District, economic integration, innovative development, production and social infrastructure.

Lazhentsev V.N.

ASSESSMENT OF THE REGIONS' SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT LEVELS (IN THE CASE OF THE KOMI REPUBLIC, THE ARKHANGELSK AND VOLOGDA OBLASTS)

The author made an attempt to enhance the reliability of indicators that reflect the regions' development levels and their analysis linkage with actual problems of socio-economic policy and spatial integration. In order to increase the objectivity of assessing the level of the regions' socio-economic development it is proposed to use indicator of value added per person employed taking into account the regional economy. The level of social development, according to the author, most aptly reflects the ratio of per capita income with the subsistence minimum. This, ultimately, will determine the vector of regional policy in the direction of social justice and sustainable development. The paper agreed the need for harmonization of the Russian Federation subjects and the formation of inter-regional programs of development of "transit" infrastructure "related" municipalities.

Key words: spatial standards, economic dimensions, social stratification, consolidation of resources and concerted action.

Kotomin A.B.

THE WAYS AND PROBLEMS OF POWER EFFICIENT DEVELOPMENT OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES ECONOMY OF THE RUSSIAN NORTHERN REGIONS ON THE BASIS OF INNOVATION TECHNIQUES

The article considers the problems of power savings and increase in power efficiency in the housing and communal services economy of the Russian northern regions and the ways of solutions to these problems on the basis of innovation techniques using power servicing contracts as a possible mechanism to finance the investments in this sphere. As an example the author examines the implementation of pilot project "Power efficient quarter" in the city of Apatity in the Murmansk Oblast.

Key words: power efficiency, innovation techniques, housing and communal services, northern regions, power servicing contracts.

Dmitrieva T.E., Buryan M.S.

THE SPACE DEVELOPMENT OF SOCIAL SERVICE IN NORTH REGION

In this article the material parameters of the Komi Republic and considered especially the provision of medical and educational services in the north-rated region. The estimation problems of the functioning of key elements of the territorial framework of social services due to low density, large distances and poor spatial cohesion islands. Direction of spatial development identified in the context of the time-development centers, medical and educational services of different type and capacity-interactions in the network.

Key words: social service, the space development, the territorial framework.

Duganov M.D., Kalashnikov K.N.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ESTIMATION OF THE REGIONAL PUBLIC HEALTH SERVICES EFFICIENCY

The publication is devoted to the problem of estimation of the regional public health services' efficiency. In the article the nowadays existing approaches to estimation of the expenses' efficiency for public health services are discussed, their brief comparative analysis is given. The conclusion about inexpediency of

use of the techniques based on the analysis of the resource component of the public health services, without taking into account social effect, is drawn. As an alternative the technique based on the parallel estimation of the financial (the expense for rendering medical aid) and the demographic (losses of the population in the region from premature death rate) parameters is offered.

Key words: public health services, efficiency, technique, expenses, Years of Potential Life Lost..

Taslunov A.N., Barabanov A.S.

ANALYSIS OF TARIFF REGULATION IN HOUSING AND UTILITIES ECONOMY (IN CASE OF THE CITY OF VOLOGDA)

The issues of tariff regulation in the housing and communal services in Vologda are considered in the article. On the basis of collected data about public payments for housing and communal services the growth of rates for these services has been identified. State authorities regulating tariffs and their competence are defined. A scheme of tariff, their characteristics and activities restraining growth of tariffs for public utilities are considered.

Key words: housing and communal services, tariffs on public utilities (tariffs on housing and communal services), the scheme of tariffs, tariff regulation.

Morev M.V., Ljubov E.B.

SOCIAL AND ECONOMIC DAMAGE DUE TO POPULATION'S MORTALITY FROM SUICIDES

The paper presents an analysis of the social and economic burden of suicide death rate in Russia, conducted by research team of ISEDT RAS in research "Social health of the population" in cooperation with the Federal State University "The Moscow Scientific Research Institute of Psychiatry" of the Health Ministry in Russian Federation. The place of suicide in the structure of mortality is defined. It is shown that Russia is a country with the highest suicide rate in Europe. Social and economic costs of suicide in different age and gender groups at the regional and state levels are counted. Its highest level is among men aged 20 to 29 years. The regions with the highest number of lost years of productive life due to suicide are concentrated in the south of Russia (the Volga, Urals and Siberian federal districts). A comparative assessment of suicides burden in the rankings with the common mortality causes from natural and external causes is given. By the level of socio-economic loss suicides far exceed the other causes of the class, "Accidents, injuries and poisoning" and are comparable to the losses caused by coronary heart disease.

Key words: suicide, social and economic damage.

Ponomarenko T.V., Larichkin F.D.

MODEL OF STRATEGIC MANAGING THE COMPETITIVENESS OF THE INTEGRATED COMPANY

The author's interpretation of strategic managing the competitiveness of the mining company is offered, the theory-methodological bases of the model are developed, and application of the resource theory of strategic management, value-based management, and also the theory of real options are proved. The model of strategic evaluating and managing the competitiveness should be based on interest multiplicity of stakeholders which are carriers of financial, intellectual, social and natural capital.

Key words: model, strategic managing the competitiveness of the mining company, stakeholders, the resource theory, the value-based management theory, the real options theory.

Skufina T.P.

REFLECTION ABOUT PROBLEMS OF SOCIAL DEVELOPMENT, INNOVATIONS AND TEACHING OF ECONOMIC DISCIPLINES

The paper considers some problems preventing from innovation development of Russia. We provided data which negatively characterize psychological state and social sphere of modern Russian society. Uncertainty of guidelines in the practice of public administration was also discussed. We state that expected demographic problems cause some problems in economics and geopolitics. The problem-solving is possible by means of innovation development only. We also paid some attention to specificity of innovation education in staff training including government control personal.

Key words: social problems, innovative development, innovations in teaching, problems of a science of economy.

Shamina M.S.

DEVELOPMENT OF A METHODOLOGY OF FORMING ANTI-CRISIS MANAGEMENT STRATEGY FOR A WHOLESALE TRADE ORGANIZATION.

This study includes development of a methodology of forming anti-crisis management strategy directly for a wholesale trade organization. The solution of this problem is urgent today as Russian and world literature reflects experience of anti-crisis management only in the industry. The study formulates and systemizes factors that give impetus to development of an organization in the crisis and which are the basis of the proposed methodology. Risks associated with realization of the anti-crisis management methodology are also taken into consideration. The study conclusions are made.

Key words: anti-crisis management, crisis, strategy, anti-crisis strategies, strategies of wholesale trade organization management, methodology of forming anti-crisis strategy.

Сведения об авторах

Барабанов Андрей Сергеевич

Учёная степень	
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий РАН
Занимаемая должность	Младший научный сотрудник
Служебный тел./факс	8 (8172) 54-43-95
E-mail	qwerdsa-asb@mail.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

Баранов Сергей Владимирович

Учёная степень	Кандидат физико-математических наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
Занимаемая должность	Старший научный сотрудник
Служебный тел./факс	8 (81555) 7-97-59
E-mail	bars.vl@gmail.com
Почтовый адрес организации	184209, Россия, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а

Бурьян Маргарита Степановна

Учёная степень	
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН лаборатории методологии территориального планирования
Занимаемая должность	Старший научный сотрудник
Служебный тел./факс	8 (8212) 44-06-64
E-mail	burjan@iespn.komisc.ru
Почтовый адрес организации	167982, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26

Дементьева Ирина Николаевна

Учёная степень	
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий РАН
Занимаемая должность	Младший научный сотрудник
Служебный тел./факс	8 (8172) 54-43-99
E-mail	ind@vscs.ac.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

Дмитриева Тамара Евгеньевна

Учёная степень	Кандидат географических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН
Занимаемая должность	Старший научный сотрудник, зав. лабораторией методологии территориального планирования
Служебный тел./факс	8 (8212) 44-06-64 / 44-06-64
E-mail	dmitrieva@iespn.komisc.ru
Почтовый адрес организации	167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26

Дуганов Михаил Давидович	
Учёная степень	Кандидат медицинских наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Департамент здравоохранения Вологодской области
Занимаемая должность	Заместитель начальника департамента
Служебный тел./факс	8 (8172) 76-99-18.
E-mail	mduganov@rambler.ru
Почтовый адрес организации	160000, Россия, г. Вологда, ул. Предтеченская, д. 19.
Калашников Константин Николаевич	
Учёная степень	
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий РАН
Занимаемая должность	Научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения
Служебный тел./факс	8 (8172) 54-43-95
E-mail	konstantino-84@mail.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Котомин Александр Борисович	
Учёная степень	Кандидат технических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
Занимаемая должность	Ведущий научный сотрудник
Служебный тел./факс	8 (81555) 7-96-77 / 7-64-72
E-mail	abkotomin@iep.kolasc.net.ru
Почтовый адрес организации	184209, Россия, Мурманская область, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а
Лаврикова Юлия Георгиевна	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт экономики Уральского отделения РАН
Занимаемая должность	Зам. директора
Служебный тел./факс	+7 (343) 371-18-51
E-mail	K515L@mail.ru
Почтовый адрес организации	620014, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
Лаженцев Виталий Николаевич	
Учёная степень	Член-корреспондент РАН, доктор географических наук
Учёное звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН
Занимаемая должность	Главный научный сотрудник
Служебный тел./факс	8 (8212) 24-42-67
E-mail	askhabov@presidium.komisc.ru
Почтовый адрес организации	167610, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26

Ларичкин Федор Дмитриевич	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Профессор, действительный член Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС)
Полное название организации – места работы	Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
Занимаемая должность	Директор
Служебный тел./факс	8 (81555) 7-93-10; 7-64-72 / 7-48-44
E-mail	lfd@iep.kolasc.net.ru
Почтовый адрес организации	184209, Россия, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а
Липина Светлана Артуровна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Государственное научно-исследовательское учреждение Совет по изучению производительных сил Минэкономразвития России и РАН; Институт международных экономических связей (Москва)
Занимаемая должность	Ведущий научный сотрудник
Служебный тел./факс	+7 (499) 135-61-08; +7 (499) 135-61-08
E-mail	s.lipina@mail.ru
Почтовый адрес организации	117997, Россия, ГСП-7, г. Москва, ул. Вавилова, д. 7
Любов Евгений Борисович	
Учёная степень	Доктор медицинских наук
Учёное звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное учреждение «Московский научно-исследовательский институт» Минздравсоцразвития РФ
Занимаемая должность	Руководитель отделения суицидологии
Служебный тел./факс	8 (495) 963-75-72
E-mail	lyubov.evgeny@mail.ru
Почтовый адрес организации	107076, Россия, г. Москва, ул. Потешная, д. 3
Морев Михаил Владимирович	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий РАН
Занимаемая должность	Научный сотрудник
Служебный тел./факс	8 (8172) 54-43-95
E-mail	379post@mail.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Пономаренко Татьяна Владимировна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Санкт-Петербургский государственный горный университет
Занимаемая должность	Доцент кафедры организации и управления
Служебный тел./факс	8 (812) 328-82-53
E-mail	stv_mail@mail.ru
Почтовый адрес организации	199106, Россия, г. Санкт-Петербург, 21-я линия, д. 2

Скуфьина Татьяна Петровна	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
Занимаемая должность	Главный научный сотрудник
Служебный тел./факс	8 (81555) 7-93-74
E-mail	skufina@iep.kolasc.net.ru
Почтовый адрес организации	184209, Россия, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а
Таслунов Александр Николаевич	
Учёная степень	Аспирант
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий РАН
Занимаемая должность	Младший научный сотрудник
Служебный тел./факс	8 (8172) 54-43-95
E-mail	an.taslunov@gmail.com
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Татаркин Александр Иванович	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Академик РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники
Полное название организации – места работы	Институт экономики Уральского отделения РАН
Занимаемая должность	Директор
Служебный тел./факс	+7 (343) 371-45-36 / 371-02-23
E-mail	tatarkin_ai@mail.ru
Почтовый адрес организации	620014, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
Шамина Марина Сергеевна	
Учёная степень	
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Российский государственный торгово-экономический университет
Занимаемая должность	Старший преподаватель кафедры антикризисного и стратегического менеджмента
Служебный тел./факс	8 (495) 660-19-32 / 458-72-47
E-mail	Sms-star@yandex.ru
Почтовый адрес организации	125993, Россия, г. Москва, ул. Смольная, д. 36

Список статей, опубликованных в 2011 году

	№	Стр.
От главного редактора		
<i>Ильин В.А.</i> (от главного редактора)	1-6	
<i>Ильин В.А.</i> Проблемы социально-экономического развития территорий России в посткризисный период	5	9-23
<i>Гринберг Р.С.</i> Контуры глобального мира: обозначая будущее	1	17-28
<i>Петраков Н.Я.</i> Предисловие к монографии «Проблемы развития рыночной экономики»	2	17-19
Стратегия развития		
<i>Баранов С.В.</i> Этапы регулирования регионального развития в России	6	34-45
<i>Витязь П.А.</i> Формирование единого научно-технического пространства Союзного государства России и Беларуси в рамках союзных программ	1	47-52
<i>Жиганов А.Н., Воробьев А.Г., Путилов А.В., Мякота Е.А.</i> Посткризисное экономическое развитие и перспективы инновационной деятельности Томской области	3	39-52
<i>Ильин В.А.</i> Влияние интересов собственников металлургических корпораций на национальное и региональное развитие	3	14-38
<i>Калинина А.А., Луканичева В.П., Бурцева И.Г.</i> Оценка и стратегия освоения угольных ресурсов Республики Коми	2	51-60
<i>Кондаков И.А.</i> Модернизация российской экономики как императив инновационного развития страны в будущем	4	43-57
<i>Лаженцев В.Н.</i> Север России: размещение производительных сил и пространственное развитие	1	37-46
<i>Липина С.А.</i> Пути и методы экономической интеграции регионов Северного Кавказа	6	46-53
<i>Поварова А.И.</i> Влияние интересов собственников металлургической корпорации на финансовые результаты головного предприятия (на примере ОАО «Северсталь»)	5	36-51
<i>Поварова А.И.</i> Трёхлетний бюджет: ждать ли стабильности?	2	20-36
<i>Сафонова Ю.А.</i> Природа масштабных финансово-экономических кризисов и латентное управление миром	4	15-27
<i>Селин В.С.</i> Проблемы неоднородности и устойчивости экономического пространства российского Севера	5	52-65
<i>Смирнова Т.Г., Губанова Е.С.</i> Новые ориентиры внешней торговли региона	2	61-71
<i>Татаркин А.И., Лаврикова Ю.Г.</i> Программно-проектная модернизация федеративного устройства России	6	17-33
<i>Ускова Т.В., Кондаков И.А.</i> Угрозы экономической безопасности региона и пути их преодоления	2	37-50
<i>Фадеев А.М., Череповицын А.Е., Ларичкин Ф.Д.</i> Возможности и перспективы Мурманской области в освоении углеводородных ресурсов Арктического шельфа	4	28-42
<i>Чжан Шухуа.</i> Глобальный мир и миссия китайских и российских обществоведов	1	53-58
Социальное развитие		
<i>Бокарева В.Б.</i> Функции малого бизнеса в развитии среднего класса в России	5	116-128
<i>Гулин К.А., Дементьева И.Н.</i> Протестные настроения населения региона в условиях кризиса	3	53-65
<i>Дмитриева Т.Е., Бурьян М.С.</i> Пространственное развитие социального сервиса северного региона	6	77-92
<i>Дуганов М.Д., Калашников К.Н.</i> Методологические подходы к оценке эффективности регионального здравоохранения	6	93-105
<i>Костылева Л.В.</i> Налогообложение как механизм регулирования неравенства населения	3	66-77
<i>Костылева Л.В., Окулова Н.А.</i> Оценки масштабов среднего класса в регионе	1	71-78
<i>Медведева Е.И., Крошилин С.В.</i> Электронное образование и развитие инновационной экономики России	4	58-72
<i>Михель Е.А., Крутова О.С.</i> Миграционные процессы в зеркале трансформаций: приграничные регионы России	2	86-96
<i>Молчанова Е.В., Базарова Е.Н.</i> Влияние социально-экономических факторов на суицидальное поведение	4	86-96
<i>Морев М.В., Любов Е.Б.</i> Социально-экономический ущерб вследствие смертности населения от самоубийств	6	119-130
<i>Попова Л.А., Бутрим Н.А.</i> Современные стандарты репродуктивного поведения населения и задачи просемейной демографической политики	2	72-85
<i>Римашевская Н.М.</i> Детское население в России: основные проблемы развития	1	59-70
<i>Таслунов А.Н., Барабанов А.С.</i> Анализ тарифного регулирования в сфере жилищно-коммунального хозяйства (на примере г. Вологды)	6	106-118

<i>Шабунова А.А., Леонидова Г.В.</i> Человеческий капитал – индикатор устойчивого развития территории	5	101-115
<i>Шавель С.А.</i> Общественное мнение о мировом финансово-экономическом кризисе и его последствиях для Беларуси	2	97-116
<i>Шахотько Л.П.</i> Демографические проблемы Республики Беларусь и пути их решения	4	73-85

Отраслевая и региональная экономика

<i>Васильев А.М.</i> Рыбное хозяйство Мурманской области в системе экономической безопасности региона	5	78-87
<i>Иванов В.А.</i> Роль аграрного сектора Севера в обеспечении продовольственной безопасности и социально-экономическом развитии сельских территорий	2	117-127
<i>Иванов В.А., Пономарева А.С.</i> Методологические основы устойчивого развития аграрного сектора	4	109-121
<i>Кобылинская Г.В.</i> Финансовое обеспечение инвестиционных процессов в регионах Северо-Западного федерального округа	5	88-100
<i>Котляров И.Д.</i> Взаимодействие предприятий при аутсорсинге: экономические, организационные и финансовые аспекты	2	136-143
<i>Котомин А.Б.</i> Пути и проблемы энергоэффективного развития экономики ЖКХ северных регионов России на базе инновационных технологий	6	66-76
<i>Курило А.Е.</i> Возможности развития малого предпринимательства в северных муниципальных образованиях Республики Карелия	2	128-135
<i>Лажнецов В.Н.</i> Оценка уровней социально-экономического развития регионов (на примере Республики Коми, Архангельской и Вологодской областей)	6	54-65
<i>Пантюшина О.В.</i> Методические основы оценки конкурентоспособности элементов льняного кластера	3	104-114
<i>Пома А.Ю., Ковряков Д.В.</i> Проблемы формирования управленческого учёта на отечественных предприятиях	3	115-122
<i>Пономаренко Т.В., Ларичкин Ф.Д.</i> Конкурентный статус горной компании: механизмы формирования и управления	4	97-108
<i>Прокопьев Е.А.</i> Модернизационные тенденции лесного комплекса в регионе (на примере Республики Карелия)	3	88-95
<i>Румянцев А.А., Козенко А.С.</i> Факторы инновационной деятельности промышленных предприятий Санкт-Петербурга	5	66-77
<i>Фадеев А.М., Череповицын А.Е., Ларичкин Ф.Д.</i> Зарубежный опыт освоения углеводородных ресурсов Арктического континентального шельфа	1	79-89
<i>Фомина И.В.</i> Интеграционный подход в управлении предприятиями пищевой промышленности в современных условиях	3	96-103
<i>Чайка Л.В.</i> Факторы энергоёмкости экономики Республики Коми	3	78-87

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ»

<i>Гулин К.А.</i> Обсуждаются проблемы социально-экономического развития регионов России и Китая	5	33-35
<i>Ускова Т.В.</i> В центре внимания – проблемы модернизации экономики и общества	5	24-32

Экономическая теория

<i>Макаров В.Л.</i> Исторические примеры различных методов спасения от кризиса	1	29-36
--	---	-------

Инновационное развитие

<i>Леонидова Г.В.</i> Генерация знаний талантливой молодёжи в интересах интеллектуализации человеческого капитала: методы и формы осуществления	1	90-100
<i>Советова Н.П.</i> Инвестиционно-инновационный вектор агролизинга	1	108-114
<i>Теребова С.В., Волкова Л.А.</i> Принципы и практика функционирования зарубежных центров трансфера технологий	1	101-107

Общественные финансы

<i>Аветисян И.А.</i> Бюджетный федерализм и межбюджетные отношения в Российской Федерации	1	115-131
---	---	---------

Моделирование и информатика

<i>Орешников В.В., Низамутдинов М.М.</i> Разработка стратегий развития муниципальных образований на основе имитационного моделирования	5	138-146
<i>Полянский А.М.</i> Отображение компетенций субъектов в архитектурной модели информационной системы	4	131-141
<i>Пономаренко Т.В., Ларичкин Ф.Д.</i> Модель стратегического управления конкурентоспособностью интегрированной компании	6	131-139

Экономика природопользования

<i>Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т.</i> Оценка возможности снижения экологической нагрузки при переходе на инновационный путь развития	4	122-130
<i>Иванова Л.В.</i> Сочетание охраны природы и местного развития: возможность применения модели на Кольском полуострове	5	129-137
<i>Харитонов Г.Н.</i> Сценарии экологической модернизации горнодобывающих корпораций на инновационной основе	3	123-129

Природопользование

<i>Тихонова Т.В.</i> Социально-экономическая оценка особо охраняемых природных территорий (на примере заказников Республики Коми)	2	144-157
---	---	---------

Молодые исследователи

<i>Зеленин А.С.</i> Информационная система мониторинга научно-технического потенциала региона	1	132-138
<i>Лосева Н.П.</i> Влияние мирового финансового кризиса на развивающиеся рынки	1	139-142
<i>Маланичева Н.А.</i> Здоровье населения крупного города: тенденции и риски	5	147-153
<i>Наумов С.А.</i> Пути диверсификации нефтегазодобывающего региона	1	143-151
<i>Сафонов В.С.</i> Теоретические аспекты применения темпоральных реляционных баз данных для хранения социально-экономической информации	2	158-164
<i>Фесенко Р.С.</i> Рециклинг как механизм эколого-экономической сбалансированности регионального развития	5	161-169
<i>Чекавинский А.Н.</i> АПК региона: уроки реформирования и выводы для перспективы	3	130-138
<i>Чекмарева Е.А.</i> Повышение уровня реализации трудового потенциала: роль заработной платы	2	165-172
<i>Шамина М.С.</i> Разработка методики формирования антикризисной стратегии управления оптовой торговой организацией	6	149-157
<i>Шестаков С.А.</i> Проблемы устойчивого развития сельских территорий Вологодской области	5	154-160
<i>Щербакова А.А.</i> Организация сервиса медицинской техники в регионе	3	139-148

Продолжаем тему предыдущего номера

<i>Барашева Т.И.</i> Активизация деятельности субъектов малого предпринимательства как необходимое условие развития региона	4	142-150
<i>Богомолова Л.Л., Такмашева И.В.</i> Актуальные проблемы развития малого бизнеса в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре	4	151-160
<i>Ивантер В.В.</i> О проблемах выхода России из экономического кризиса	1	152-161
<i>Ускова Т.В., Сычев М.Ф.</i> Резервы укрепления региональных бюджетов на выходе из кризиса	3	149-154

Дискуссионная трибуна

<i>Селин М.В.</i> Роль экономической науки в эволюции общественного сознания	3	155-161
--	---	---------

Научная жизнь

<i>Кокошин А.А.</i> О фундаментальных и прикладных исследованиях вологодского Института социально-экономического развития территорий РАН	3	162-164
<i>Шабунова А.А.</i> Здоровье населения: проблемы и пути решения (о II Международном научно-практическом семинаре)	3	165-168

В мире книг

<i>Селименков Р.Ю.</i> О книге М.В. Клиновой «Государство и частный капитал: от теории к практике взаимодействия в европейских странах»	5	175-176
<i>Ускова Т.В.</i> Актуальные проблемы пространственного развития	5	170-174
<i>Ускова Т.В., Кондаков И.А.</i> Отзыв о книге С.Ю. Глазьева «Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса»	2	173-175

В мире книг и журнальных публикаций

<i>Дементьева И.Н.</i> Актуальная работа о коррупции в России	6	158-162
---	---	---------

Из редакционной почты

<i>Скуфьина Т.П.</i> Размышление о проблемах социального развития, инновациях и преподавании экономических дисциплин	6	140-148
--	---	---------

Требования к оформлению статей

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Статья должна, как правило, **содержать** следующие **аспекты**: цель работы; метод и методологию проведения работы; её результаты; область применения результатов; выводы. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, предложениями, гипотезами, вытекающими из содержания статьи. Пристатейный список литературы должен быть представительным, демонстрировать профессиональный кругозор и качественный уровень исследований авторов. Работы в пристатейном списке располагаются в алфавитном порядке сначала на русском, затем на английском (или любом другом – на латинице) языке. При ссылке в тексте даётся номер работы в квадратных скобках.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Приводимые в таблицах (графиках) стоимостные показатели, относящиеся к разным временным периодам, представляются, как правило, в сопоставимой оценке. Если в таблицах (графиках) содержатся сравнительные данные по отдельным территориям, видам экономической деятельности и т.п., то они представляются в ранговом порядке с указанием периода, по которому производится ранжирование.

Объём статьи – не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем учёной степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) – для остальных авторов. Исключения по объёму возможны только по предварительной договорённости с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (1 экз., на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант обязательно подписывается автором (авторами).

Текст статьи направляется в формате MS Word в соответствии со следующими параметрами: гарнитура Times Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе MS Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только сами графические материалы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в формате MS Word или MS VISIO-2003.

Статье должен быть присвоен **индекс УДК** (располагается до заголовка статьи).

Статью должны сопровождать **аннотация** (600-700 знаков; предполагается описание следующих позиций: формулировка проблем, указание методики исследования и источников информации, характеристика основных результатов исследования, варианты решения проблемы) и **ключевые слова на русском и английском языках, библиографические списки**.

К статье прилагаются (отдельным файлом) **сведения об авторах статьи**, содержащие: заголовок статьи (**на русском и английском языках**), фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, полное название и адрес организации – места работы, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

К электронному варианту статьи прилагается **цветная фотография автора (авторов)**, размером 4 на 6 см, в формате tif (предпочтительно) или jpeg, разрешением 300 dpi.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и редакцией журнала должен быть заключен Лицензионный договор с приложением к нему Акта приёма-передачи произведения. Эти документы, составленные по приведённой ниже форме и подписанные всеми авторами статьи, представляются в редакцию вместе с текстом статьи. Подписанный редакцией экземпляр договора будет направлен авторам по почте вместе с авторским экземпляром номера журнала.

Рукописи следует направлять **почтой** по адресу: 160014, Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН, редакция журнала, с пометкой «для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также **на электронный адрес**: common@vscc.ac.ru

Факс (8172) 54-44-02. Тел. (8172) 54-43-85 (доб. 144,125)

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию. Если у рецензента возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений и сокращений, не искажающих смысла статьи.

С 2010 года в журнале открыта рубрика «Молодые исследователи», в которой публикуются рукописи аспирантов. Статья должна быть без соавтора, заверена научным руководителем, рекомендована научной организацией, за которой закреплён аспирант.

Внимание! В случае несоблюдения указанных требований статья редакцией не рассматривается.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: <http://esc.vscc.ac.ru>

Типовой Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« _____ » _____ 20__ года

Учреждение Российской академии наук Институт социально-экономического развития территорий РАН, именуемое в дальнейшем «**Лицензиат**», в лице заместителя директора по научной работе _____, действующего на основании доверенности № 1409 от 28 декабря 2009 г., с одной стороны, и _____, именуемый в дальнейшем «**Лицензиар**», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «**Сторона/Стороны**», заключили настоящий договор (далее – «**Договор**») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору **Лицензиар** предоставляет **Лицензиату неисключительные права** на использование _____,

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов)

именуемого в дальнейшем «**Произведение**», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. **Лицензиар** гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое **Лицензиату** Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. **Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:**

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя **автора** Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты **Лицензиару** вознаграждения.

2.2. **Лицензиар** гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы **Лицензиату** по настоящему Договору, является оригинальным произведением **Лицензиара**.

2.3. **Лицензиар** гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. **Лицензиар** передает права **Лицензиату** по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. **Лицензиар** обязан предоставить **Лицензиату** Произведение в **печатной/электронной версии** для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если **Лицензиатом** не предъявлены к **Лицензиару** требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объемом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приема-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приема-передачи Произведения является моментом передачи **Лицензиату** прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. **Лицензиат** обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права **Лицензиара**, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

4.1. Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.5. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.6. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.7. Во всем, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.8. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:
ИСЭРТ РАН

ИНН 3525086170; КПП 352501001
Юридический и почтовый адрес: 160014, г. Вологда,
ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН лиц. счет
03301113650)
расч. сч. 40503810100001000206 (внебюдж.)
ГРКЦ ГУ Банка России по Вологодской области,
г. Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067, ОКОНХ 95110
Назначение платежа 31930201010010000130
п. 3 «Издание печатной продукции»

От Лицензиата

Зам. директора ИСЭРТ РАН

подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____
Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____ номер _____
выдан _____
когда _____
ИНН: № _____
Страховое свидетельство государственного
пенсионного страхования:
№ _____

Лицензиар:

подпись, Ф.И.О. полностью

АКТ
приёма-передачи произведения

г. Вологда

« ____ » _____ 20 ____ г.

Учреждение Российской академии наук Институт социально-экономического развития территорий РАН, именуемое в дальнейшем «**Лицензиат**», в лице заместителя директора по научной работе _____, действующей на основании доверенности № 1409 от 28 декабря 2009 г., с одной стороны, и _____, именуемый в дальнейшем «**Лицензиар**», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «**Сторона/Стороны**», составили настоящий акт о том, что Лицензиар предоставил Лицензиату Произведение _____ в **печатной/электронной версии** для использования в соответствии с подписанным сторонами Лицензионным договором № _____ от « ____ » _____ 20 ____ г.

Передал

Принял

Лицензиар:

От Лицензиата:

Зам. директора ИСЭРТ РАН

подпись

ф., и., о. полностью

подпись

М. П.

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Учреждение Российской академии наук Институт социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН) (ранее – ВНКЦ ЦЭМИ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности ознакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Журнал включён в межрегиональную часть каталога российской прессы «Почта России»: подписной индекс **83428**.

Каталожная цена одного номера журнала составляет 250 руб. (без учёта доставки). Подготовленный подписной бланк приведён в приложении.

Подписку на журнал можно также оформить через редакцию журнала. Для этого необходимо заполнить бланк заказа (его образец размещён на сайте журнала: URL: <http://esc.vscs.ac.ru/storage/docs/podpiska.pdf>) и выслать его в наш адрес. Вам будет выставлен счёт на общую сумму заказа, после оплаты которого производится высылка номеров журнала. В этом случае стоимость одного номера журнала будет составлять 275 руб. (с учётом доставки).

Оформить заказ можно по почте, факсу, электронной почте.

Адрес: Учреждение Российской академии наук Институт социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН), 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а.

Тел. (8172) 54-43-85 факс. (8172) 54-44-02.

E-mail: common@vscs.ac.ru

Банковские *реквизиты*: ИНН 3525086170; КПП 352501001

УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН лиц. счет 03301113650)

расч. счёт 40503810100001000206 (внебюдж.)

ГРКЦ ГУ Банка России по Вологодской области, г. Вологда

БИК 041909001, ОКПО 22774067, ОКОНХ 95110

Назначение платежа 31930201010010000130 п. 3 «Издание печатной продукции»

Ф. СП-1		Министерство связи РФ														
		АБОНЕМЕНТ на <table border="1" style="display: inline-table; vertical-align: middle;"><tr><td>газету</td></tr><tr><td>журнал</td></tr></table> <table border="1" style="display: inline-table; vertical-align: middle;"><tr><td>83428</td></tr></table>										газету	журнал	83428		
газету																
журнал																
83428																
		«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (индекс издания)														
		(наименование издания)										Количество комплектов:				
		на 20__ год по месяцам:														
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Куда																
		(почтовый индекс)						(адрес)								
Кому																
		(фамилия, инициалы) Тел.														
		Доставочная карточка														
ПВ		место литер		на		<table border="1" style="display: inline-table; vertical-align: middle;"><tr><td>газету</td></tr><tr><td>журнал</td></tr></table>		газету	журнал	<table border="1" style="display: inline-table; vertical-align: middle;"><tr><td>83428</td></tr></table>		83428				
газету																
журнал																
83428																
		«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (индекс издания)														
		(наименование издания)														
Стоимость		подписки руб. коп.				пере-адресовки руб. коп.				Количество комплектов						
		на 20__ год по месяцам:														
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Куда																
		(почтовый индекс)						(адрес)								
Кому																
		(фамилия, инициалы)														

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
	Е.С. Нефедова
Корректор	А.А. Парнякова

Подписано в печать 15.12.2011.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 21,2. Тираж 500 экз. Заказ № 502.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-37798 от 12 октября 2009 года
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Учреждение Российской академии наук
Институт социально-экономического развития территорий РАН

Адрес издателя: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН

Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в ИСЭРТ РАН

Обложка отпечатана в ООО ПФ «Полиграфист»
(160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3)